

Дей Кин

Странный свидетель

Глава 1

За ночь весна переместилась немного к югу. Солнце пригревало сильнее. На полях проклюнулись крошечные зеленые ростки. Красноголовка, которая, вероятно, ошиблась в календаре, присела на дубовый сук с набухшими почками, который нависал над тюремной стеной, и обзревала местность своими, живыми глазенками.

Пока надсмотрщик открывал ворота, Харт Джексон с интересом наблюдал за птичкой.

Надсмотрщик ухмыльнулся.

— Кажется, у вас осталось не очень-то хорошее впечатление от нашей тюрьмы, не так ли, Джексон?

Высокий и широкоплечий Джексон меланхолически улыбнулся и глубоко вздохнул. Здесь, по другую сторону тюремной стены, и воздух казался совсем иным.

— Не очень, — согласился он, — но тем не менее я собираюсь у вас забронировать номер еще на один срок.

Ухмылка мгновенно испарилась с лица надсмотрщика. Но ответ-шутка, казалось, пришел от птички с живыми глазками. Она наклонила голову и прочирикала: «Но так просто я больше не дамся».

— Не делай больше глупостей, парень.

Надсмотрщик снял фуражку и вытер со лба пот. Губы Харта плотно сжались.

— Да-а, — протянул надсмотрщик, — а ты крепкий парень, Джексон, и упорный.

Харт закурил сигарету.

— Это быстро не забывается. — Он скользнул взглядом по площади перед тюрьмой. Никто не пришел его встречать, но он и не ожидал ничего подобного. Он не знал таких, кого могла бы заинтересовать его судьба. Он взял в руки свой тяжелый чемодан из свиной кожи. — Ну, что ж, в таком случае — аста ла виста.

— Что это означает? — поинтересовался тюремщик.

— До свидания, — буркнул Харт.

На углу находилась автобусная остановка, и Джексон медленно направился к ней. Семь лет — достаточно большой срок. Он должен быть готов к тому, что на воле за этот срок многое изменилось. Его охватило чувство нереальности окружающего. И только одно, как и прежде,

было реальным: горячее чувство несправедливости, допущенное по отношению к нему. За эти семь лет его ненависть к Флипу Эвансу не угасла. Толстяк Флип был таким негодяем, что пробу негде ставить.

Джексон нервно курил в ожидании автобуса. Интересно, какой вкус будет теперь у тех сигар, которые он курил раньше, до тюрьмы?

Один из надсмотрщиков, у которого был сегодня выходной день, присоединился к группе ожидающих автобуса в город. Он дружески кивнул Джексону:

— Покидаете нас?

— Так оно и есть.

Джексон нащупал пятидолларовую бумажку в кармане. Искушение было большим. Сейчас он не должен возвращаться в Чикаго. Он посмотрел на дорогие часы на своей руке. Если он превратит эти часы и содержимое своего чемодана в деньги, то ему запросто хватит до Лос-Анджелеса. Его талант остался при нем: он был таким же хорошим артистом, как и раньше. А за свою мнимую вину он уже расплатился перед обществом. На юге он мог начать новую жизнь и, может быть, жениться. При этой мысли у него на лбу выступил пот. Семь лет без женщины — это безумно большой срок. Напрасно он пытался отбросить от себя эти мысли, тем более что как раз в этот момент к остановке подошла молодая женщина. Джексон украдкой взглянул на нее. Блондинка, пышущая здоровьем и энергией, — как раз тот тип, что нравился ему. Джексону на миг показалось, что она собирается с ним заговорить, но она промолчала.

Ожидая автобуса, он не сводил с нее глаз. Наверняка у этой женщины жизнь тоже складывалась не сладко. Возможно, здесь в тюрьме у нее сидел муж или дружок, и она как раз возвращалась со свидания, где разговор через решетку приносил обоим только одни страдания, да и разрешалось это лишь раз в месяц. Он был рад, что его никто никогда не навещал.

К нему дружелюбно обратился надсмотрщик:

— У вас есть какие-нибудь планы, Джексон?

— И да, и нет, — уклончиво ответил Джексон.

— Ребята будут скучать без вас.

— Возможно.

Джексон обрадовался, когда наконец подошел автобус и ему не надо было больше разговаривать о прошлом. Он покосился на девушку. Она села далеко впереди, и он лишь скользнул взглядом по ее золотистым волосам. Из автобуса выходили и входили, и он с интересом наблюдал за всем.

Надсмотрщик снова заговорил с ним:

— Не поймите меня превратно, но...

— Так что же вы хотите мне сказать?

Тот задумчиво уставился на костюм бывшего заключенного. Эта одежда уже вышла из моды, но когда-то явно стоила немало.

— Таким, как вы, не очень везет, и их мало в Стейтвилле, — наконец сказал он. —

Большинство из тех, что сидят у нас, честно заслужите свой срок. Вы — другое дело. Вы — джентльмен. Вы привыкли зарабатывать большие деньги, и притом честно. Сколько вы зарабатывали в неделю, Джексон?

Тот задумался.

— В «Чез-Пари» я зарабатывал две с половиной тысячи, но в среднем выходило тысяча в неделю.

Надсмотрщик тихо присвистнул.

— Двести пятьдесят тысяч в год! В три раза больше начальника тюрьмы.

— Ну и что? — вызывающе спросил Джексон. Надсмотрщик окинул его взглядом и подвинулся к Джексону, положив ему на колени свою тяжелую руку.

— Смотрите, не попадитесь сюда снова, дружище. Я, конечно, понимаю ваше состояние. Вашу душу гложет ненависть. Но если вы пойдете против них, то ничего, кроме вреда себе, не добьетесь.

Джексон сделал глубокую затяжку. Ему страшно захотелось выкурить сигару.

— Вы мне сочувствуете... почему, собственно?

— Потому что вы мне нравитесь. Мы часто говорили между собой, что вы честный человек, но что с Флипом Эвансом трудно бороться. Не делайте этого, Джексон, не губите себя.

На руках у одной из женщин зашевелился ребенок и показалось, что именно он неожиданно сказал:

— О'кей! Я скажу ему это...

Женщина страшно удивилась:

— Вы слышали? Моя крошка заговорила.

Надсмотрщик пожал плечами и углубился в чтение газеты. Харт опять уставился на девушку, сидящую дальше по проходу.

На конечной остановке в Грейнхаунде царило оживление. Автобус на Чикаго отправлялся через полчаса. Харт купил билет и отправился в туалет. Служитель туалета приготовил ему чистое полотенце и налил в умывальник горячей воды. Умываясь, Харт рассматривал свое лицо в зеркало.

Глаза были чистыми и ясными, в черных волосах появилась седина, но лицо не было бледным, как бывает у людей, постоянно занимающихся ночным трудом. Пребывание в тюрьме пошло на пользу его организму, он даже прибавил в весе. Семь лет он вел упорядоченную жизнь: вовремя ел и спал или, по крайней мере, пытался спать. Правда, его костюм вышел из моды, но сам владелец не потерял своей привлекательности. Может быть, только черные круги под глазами выдавали его.

И его мучил один вопрос: убивать или нет Флипа Эванса?

От ненависти избавиться не так легко, как от грязной рубашки, если эта ненависть таилась в тебе целых семь лет. Он должен помнить об Элен и Джерри. Если он прикончит Флипа, то отомстит за них. Такие люди, как Флип, никогда не изменятся. Джексон мысленно подбросил вверх монету и все же ни на что не мог решиться.

— Черт меня побери, я и сам не знаю, что делать, — обратился он к своему отражению в зеркале.

Он дал служителю туалета четверть доллара и вернулся в зал ожидания. Ему было приятно вновь находиться на свободе, среди людей которые могут делать все, что хотят. Человеку не свойственно сидеть за решеткой, как обезьяне в зоопарке. Заключение изменило его, тем более что запрятали его туда без всякой вины.

Продавщица газетного киоска с сожалением сообщила, что самые дорогие сигары, которые у нее имелись, стоят три штуки за доллар. Джексон купил на последние два доллара шесть штук и с наслаждением закурил одну из них. Если он последует совету надзирателя, то и впрямь сможет курить дорогие сигары. Свой срок он уже отсидел и в свои тридцать восемь лет был еще не старым. Как говорится, в расцвете сил. И перед ним открывался весь огромный мир.

Джексон осмотрелся, отыскивая блондинку, и сразу же обнаружил ее. Она стояла у выхода номер четыре, словно также собиралась ехать в Чикаго. Джексон с наслаждением курил сигару и с таким же наслаждением разглядывал женщину. Ей было около 25-28 лет, таз узкий, грудь полная, ноги стройные. На вид она казалась здоровой, точно выросла на ферме в деревне. Только глаза ее выглядели старше лица. Жизнь большого города наложила свой отпечаток и на нее. Ее серый костюм наверняка стоил немало денег, а на ее плечи была накинута серебристая лисица.

Джексона бросило в пот: он заметил, что девица улыбнулась ему. Но следующая мысль обдала его холодом: Флип Эванс знает, что он выходит из тюрьмы? Этот жирный клоп ничего не упускал из вида. Может быть, он и прислал сюда эту девушку — для приманки она очень подходит!

Он закрыл глаза и постарался припомнить, с какой стороны она подошла. Вообще-то она не могла идти от тюрьмы. Чтобы подойти к автобусной остановке, блондинка перешла улицу. Возможно, она караулила его в машине. Тогда он попытался вспомнить, не стояла ли напротив какая-нибудь машина, но это ему не удалось. Тогда он просто не обратил на это внимания.

Джексон катал сигару во рту. Он должен знать, что его ожидает, и, возможно, именно эта встреча поможет ему принять решение. Он подхватил свой чемодан и подошел к блондинке.

— Мы с вами случайно не знакомы?

Блондинка внимательно посмотрела на него. Ее грудь возбуждающе опускалась и поднималась.

— Думаю, что нет. — Она провела языком по губам. — Но это можно исправить. Если вы как раз тот, кого я ожидаю.

— А кого вы ждали?

— Харта Джексона.

— Вы попали в цель, — холодно проронил он. Она неожиданно крепко схватила его за руку.

— В таком случае я должна с вами поговорить. Собственно, я и приехала сюда, чтобы вас встретить. А потом... я была просто не уверена, что это вы. — Она еще раз внимательно посмотрела на него. — А вы выглядите таким элегантным, таким... честным, как будто и не отсидели семь лет в тюрьме. Когда я заметила, что вы разговариваете с надсмотрщиком, то решила, что вы из тюремного персонала. И я не решилась с вами заговорить, испугалась.

Девушка выглядела великолепно, и в этом ей нельзя было отказать.

— Понятно...

Она все еще не отводила от него взгляда.

— Вы можете доказать, что вы Харт Джексон?

У чернубурки была препарированная голова, рот держал пушистый хвост. Джексон закрыл лисице рот.

— Могу доказать... — Казалось, что это сказала лисица.

Девушка обворожительно рассмеялась.

— Выходит, вы на самом деле Харт Джексон. Я слышала о ваших способностях чревоушателя, но только сейчас увидела, насколько вы хороший человек. Даже лучше, чем я думала.

Джексон снял руку девушки со своего плеча.

— Вы избрали далеко не верный путь.

Ее синие глаза потемнели.

— Что вы имеете в виду?

— А вот то и имею. У вас ничего не выйдет.

— Что не выйдет?

— То, что вы задумали. — Джексон подхватил свой чемодан и как раз в это время была объявлена посадка на Чикаго. — Приманка неплохая, даже возбуждает аппетит. И я бы охотно клюнул на ваше соблазнительное тело... Только это может мне дорого обойтись.

Усевшись в автобус, он оглянулся. Девушка продолжала оставаться на своем месте. Губы ее дрожали, она вот-вот готова была расплакаться. Потом толпа пассажиров оттеснила его, он даже не заметил, села ли она в автобус. Впрочем, ему это было совсем безразлично.

Поездка казалась бесконечной. Джексон смотрел в окно, катал во рту погасшую сигару и старался не думать о девушке. Жаль, что он познакомился с ней при таких обстоятельствах. Он был рад, когда автобус миновал желтые поля и вновь покатил среди рядов домов. Когда автобус остановился, он был уже у двери. Девушка тоже была в автобусе. Она протиснулась к нему и схватила за руку.

— Прошу вас, Харт, послушайте меня, — умоляюще сказала она.

Он грубо стряхнул ее руку.

— Весьма вам сочувствую, — буркнул он и вышел из автобуса на переполненную народом улицу. Это была Рудольф-стрит.

Как приятно опять очутиться в Чикаго!

За прошедшие семь лет город почти не изменился. Небоскребы были такими же высокими. На перекрестках также свирепо задувал ветер. И, как прежде, такими же милыми были девушки.

Джексон направился к реке. По ней плыли льдины. Казалось, что тут весна еще не наступила, не то что за городом.

Джексон прошел мимо нескольких магазинчиков, пока не нашел тот, что ему был нужен: маленький магазинчик, самый незаметный их тех, мимо которых он прошел. Он вошел в магазин и поставил свой чемодан на прилавок.

Старик без всякого интереса посмотрел на чемодан.

— Что желаете, молодой человек?

— Я хотел бы продать чемодан с его содержимым. Мне нужно оружие. Если можно, короткоствольный пистолет 38-го калибра.

Старик открыл чемодан и вытащил оттуда куклу-чревовещателя.

— Такая штука мне ни к чему, — произнес он, покачивая головой. — Знаю, она стоит много денег, но от меня вы за нее ничего не получите. Без человека, который заставит ее заговорить, она бесполезна. — Затем он вытащил из чемодана вечерний костюм и с явным уважением взглянул на бирку изготовителя. Потом вздохнул с явным сожалением. — И от такой вещи в этом районе мне не избавиться. — Он посмотрел на Джексона и заморгал.

— К тому же я не торгую оружием.

— О'кей, — как ни в чем не бывало проговорил Джексон. — Тогда костюм и куртка пойдут в качестве придачи к этому. — Он снял с запястья часы и положил их на прилавок. — Один чемодан сам по себе стоит двести долларов. Дайте мне за него сто и пятьсот за часы.

Старик посмотрел на часы в лупу.

— Давайте договоримся за четыреста?

— Пятьсот. За часы и чемодан.

Кукла на прилавке неожиданно приподнялась и посмотрела продавцу в глаза.

— Не глупите, мистер! Это же выгодная для вас сделка. — Кукла оглянулась, как бы желая посмотреть, не подслушивают ли ее. Затем она наклонилась и прошептала продавцу на ухо: — Кроме того, Уити нам сказал, что вы торгуете оружием. Конечно, только для своих людей. Верно? — И она подмигнула ему.

Торговец перевел взгляд с куклы на Джексона. Погасшая сигара испуганно тряслась на его губе. Он наконец-то узнал Джексона.

— Теперь я понял, кто вы. Когда вы вышли?

— Сегодня утром.

Старик сложил вещи обратно в чемодан и взял с прилавка часы.

— Думаю, нам лучше пройти в заднюю комнату. Там мы, возможно, и договоримся.

Глава 2

Джексон вышел из лавки старьевщика и медленно зашагал по Кларк-стрит. Улица совершенно не изменилась. Ночные рестораны, расположенные на каждом углу, все так же рекламировали красивых танцовщиц. На витринах все так же висели фото девиц в разных степенях раздетости.

Джексон посмотрел на рекламу. Ни одна из девушек не была столь привлекательна, как аппетитная девушка, присланная Флипом в качестве приманки. Он спросил себя, какое же задание он ей поручил? Скорее всего, она должна была бы затащить его в один из дешевых отелей, где бы его встретил Монах с кем-нибудь из своих подручных.

Его рука покоилась на рукоятке револьвера у него в кармане. Приобретая оружие, он уже нарушил условия, на которых был освобожден с условным испытательным сроком. Если при случайной облаве полиция обнаружит у него оружие, то он вернется в тюрьму досиживать свои двадцать лет. Но о такой возможности он даже не думал. Если он снова окажется в Стейтвилле, ему уже не будет пути назад.

Внезапно он почувствовал себя беспомощным, как если бы голым очутился на людной улице. Любой полицейский, узнавший его, имел право его обыскать, и тогда Флип окончательно выиграл, не шевельнув пальцем. Да, не очень-то мудро с твоей стороны, Харт Джексон, подумал он про себя. Просто ненависть к Флипу немного затуманила ему голову. Впереди бесконечные часы ожидания. В студию Флипа, расположенную под крышей, ему вряд ли удастся проникнуть. А до полуночи тот никогда не показывается в своем ночном клубе.

Ветер посвежел. На ближайшем углу находился отель с баром. Когда он подошел к отелю, грузовичок как раз разгрузил свежие газеты. Он купил газету и вошел в бар. Это ему тоже было запрещено, но тут все-таки крыша над головой. Он лишь хотел выпить рюмку или две, а потом найти приют и затаиться до ночи.

Было еще рано. Тем не менее к нему сразу же подкатила девица.

— Скучаешь, дорогой?

— Не очень, — лаконично ответил он.

Она придвинулась к нему ближе.

— Будь милым и угости меня.

От запаха ее дешевых духов его затошнило. Чтобы избавиться от ее домогательств, он заказал ей рюмку и углубился в газету. Что же тут происходит?

Яркие заголовки сообщили об исчезновении какого-то Филмера Пирса, и имя это почему-то показалось Джексону знакомым. А потом он вспомнил. Пирс — стареющий плейбой, наследник огромного состояния Пирсов, заработанного трудолюбивыми предками. Он прочел отчет, а потом наткнулся на одну обширную статью и прочел ее всю.

Потом он обнаружил заметку и о себе. Харт Джексон, известный чревоугодник и владелец ночного клуба, сегодня был освобожден из Стейтвилля, где он отбыл семь лет и освобожден условно. Он, как и прежде, считает, что был осужден несправедливо, и заявил, что у него есть свои планы, но он предпочитает о них помолчать. Джексон был осужден за убийство прекрасной Элен Адель, певицы в богатом клубе Вели...

Тут он ощутил прикосновение к своему колену, но даже не пожелал поднять глаза.

— Сматывайся отсюда, дорогая. Полагаю, одной рюмки с тебя достаточно. Я же сказал, что не ищу приключений.

А потом его озарило: он понял, кто это. Духи были свежие и возбуждающие.

— Как вы здесь очутились? — спросил он у нее.

— Я ехала за тобой с автобусной остановки.

— Зачем?

— Я же сказала, что должна с тобой поговорить.

— О чем?

— О нас.

— Не понимаю. — Джексон покачал головой и заметил, что губы у нее дрожат, а лицо от волнения покрылось пятнами.

— А если я скажу тебе, что знаю о том, что Эванс напрасно посадил тебя за решетку, обвинив в убийстве?

— Откуда ты знаешь?

— Предположим, что Флип сам мне об этом рассказал, как он свалил на тебя вину.

Джексон с интересом взглянул на девушку.

— И ты согласилась бы дать об этом письменные показания?

— Да, но при одном условии.

— А именно?

— Если ты на мне сегодня женишься. Немедленно!

Он снял шляпу и озадаченно провел рукой по волосам. Потом подозвал бармена.

— Еще двойной виски для меня. А ты что будешь пить?

Бармен открыл было рот, но одумался и произнес:

— О'кей! Двойной виски для вас и шотландское с содовой для мисс Уинстон.

— Похоже, вы знаете друг друга, — улыбнулся Джексон.

— Меня многие знают, — ответила она с безрадостной улыбкой. — А зовут меня Тельма, если тебя это интересует.

Джексон решил продолжать игру. Его заинтересовало, что за всем этим скрывается, черт возьми...

— Рад познакомиться с тобой, Тельма. Итак, на чем мы с тобой остановились?

— Если ты на мне женишься, то я готова поклясться во всем и сделать все, что ты пожелаешь.

— Правильно. Именно на этом мы и остановились. И что сделать это надо непременно сегодня.

— Да, еще сегодня.

У него возникло чувство, будто его голова попала в стальные тиски. Кто-то из них двоих наверняка спятил. Но не он же, и у нее не было никаких признаков сумасшествия — здоровая девка, вот и все. Может, только губы дрожат.

— Если я правильно помню, то перед обрядом надо еще кое о чем позаботиться. Например, о брачной лицензии.

Она вытащила из кармана бумагу.

— Я еще вчера это сделала. — Ее губы задрожали еще сильнее, она положила на эту бумагу пачку денег. — Я плачу тебе пятьсот долларов. Позднее ты получишь еще больше. Точнее говоря, десять тысяч.

— Это что, неудачная шутка?

— Я говорю совершенно серьезно. Мне не до шуток.

На улице раздались выхлопы грузовика. Тельма вздрогнула. Судя по всему, она чего-то опасалась.

И, видимо, чувство большее, чем страх, заставляло ее действовать подобным образом. Внезапно Джексон ощутил к ней жалость. Он положил свою руку на маленькую ладонь, покоящуюся на столе.

— О'кей! Скажи мне только одно, почему ты хочешь выйти замуж именно за меня?

Она с хитрецей ответила:

— Потому что я знаю... не спрашивай меня откуда... что ты порядочный человек, Харт Джексон. — Она смотрела на него мокрыми глазами. — Именно таким я и представляла себе человека, которого когда-нибудь полюблю. Человека, который борется за то, что ему кажется правильным. Такого, кто заботится о своих близких...

Джексон погладил ее по руке.

— Почему бы тебе не рассказать мне всю правду?

Она качнула головой.

— Не могу... Не здесь... Это слишком долгая история. Но как только мы поженимся, я расскажу тебе все. Ты будешь знать все. — Она замолчала и потом добавила: — Отдай мне оружие, которое у тебя есть. Так будет лучше. Тебя ведь отпустили условно.

Джексон убрал свою руку. Он с горечью подумал, что легко попался на удочку. Он уже было поверил этой девушке и подумал, что у нее есть основания выйти за него замуж. Из малышки получилась бы отличная актриса. Она чуть было не положила его на обе лопатки. Ей нужен был не он, а его револьвер, которым он собирался прикончить Эванса. Он покачал головой.

— Ничего не выйдет. И до моей поимки дело все равно не дойдет.

— Но ты женишься на мне?

Джексон неожиданно ощутил усталость. Как-то странно устроен этот мир. Маленькая красotka предлагает ему жениться на ней, чтобы заманить в западню — о таком трюке он еще никогда не слышал. Наверняка она кратчайшим путем приведет его к Эвапсу... но ведь это ему и надо! Он же искал с ним встречи.

Он решил поймать ее на слове.

— Согласен! Мы поженимся сегодня же.

Теперь ему все представилось как будто в каком-то странном сне. Такого на самом деле не бывает. Вот-вот раздастся звонок, и он проснется в своей камере. Ведь такое на самом деле не бывает.

Маленькая уютная комнатка в доме священника. Из кухни доносится запах жареного лука, а голос молодого священника словно убаюкивает.

— ...на основании полномочий, данных мне Штатом, я объявляю Харта Джексона и Тельму Уинстон мужем и женой, во имя отца и сына и святого духа. Аминь!

Молодая, светловолосая девушка подняла к Джексону свое заплаканное лицо, и он сухо поцеловал ее в губы. Потом он протянул священнику одну из тех купюр, которые получил за часы.

Священник поздравил их с браком и проводил до двери. Какое-то мгновение Джексон постоял на веранде, вглядываясь в сгустившиеся сумерки. Затем быстро прикурил сигару, прикрывая рукой пламя спички.

Его молодая жена смахнула со своего лица слезы.

— Ну вот, теперь я больше не буду плакать. Ты мне веришь?

Он помог ей спуститься по ступенькам, все еще недоумевая.

— Что ж ты своего добилась, — бросил он. — А что дальше?

Тельма посмотрела прямо ему в глаза.

— Что хочешь. Я твоя жена во всех отношениях.

— У тебя есть квартира?

— Да... но мне не хотелось бы туда.

— Почему?

— Я объясню тебе это позднее. Почему бы нам не отправиться в отель?

— Ты серьезно?

— Да.

— В какой отель?

— Ты все еще мне не доверяешь, Харт?

— Возможно.

— Но ты обязан мне верить, — умоляюще произнесла она и поцеловала его.

Разве может в такой момент существовать ненависть? Ведь у него не было женщины семь лет, а ее мягкое и податливое тело нежно прижималось к нему. Глаза Тельмы блеснули.

— Прошу тебя, Харт, верь мне, — попросила она. И тут он заметил машину. Его рука моментально скользнула в карман. Из окошка машины высунулся Монах, держа наизготовку матово-блестящий автомат.

— Добро пожаловать домой, мой мальчик! — приветствовал он Джексона.

Тот чертыхнулся.

— Я так и знал, что ты меня предашь, маленькая гадюка!

Он оттолкнул ее и нагнулся за выпавшим револьвером, блестящим на траве.

Машина, за рулем которой сидел сам Флип Эванс, остановилась. Девушка подставила Джексону ногу, и тот растянулся на траве.

Монах начал стрелять.

Джексон слышал, как прорычал Эванс:

— Уйди с дороги, ты, маленькая идиотка! Ты слышала, что я сказал...

В домике священника открылась дверь, раздались чьи-то крики. С угла послышался полицейский свисток. Ему отозвалась сирена полицейской машины, находившейся неподалеку. Выстрелы смолкли, машина развернулась и исчезла в темноте.

С выпачканными в земле руками и коленями Джексон с трудом поднялся, но слова проклятий застряли у него в глотке. Он понял, почему Тельма выхватила у него оружие и подставила ему ногу. Понял он и почему рычал Эванс. Чтобы спасти его, она уложила его на землю и прикрыла своим телом.

Она лежала на грязном газоне рядом с тропинкой. На ее белой блузке расплывалось красное пятно. Харт нагнулся и взял ее на руки.

— Я... у меня это было серьезно, Харт, — с трудом прошептала она. — И я не хотела этого... того, что сейчас случилось. Я не знала, что они следили за мной...

Харт осторожно прижал ее к себе.

— Я верю тебе, Тельма.

Вой полицейской sireны приближался.

— Тебе нельзя больше говорить, пока не приедет скорая помощь.

Она покачала головой.

— Нет... я должна тебе кое-что сказать. Я рассчитываю на тебя. Ты должен поза...

— Что я должен?

— Ты должен позаботиться об Ольге, — Тельма передернулась от боли. — Она находится в отеле Логан-сквер в номере 410.

Первая патрульная машина, скрипя тормозами, остановилась рядом с ним.

— Что случилось? — крикнул один из копов.

— В мою жену только что стреляли.

Уже несколько часов Джексону казалось, что все происходит в страшном сне и он никак не может проснуться. Свет, который был направлен прямо ему в глаза, уже не казался освещением. Словно бурав, он проникал ему в мозг — все глубже и глубже. Если бы он только знал, жива ли Тельма. Несколько часов назад врачи заявили ему: всего двадцать процентов надежды на то, что ее доставят живой до операционной.

— Сигарету, Харт?

— Да, спасибо.

Он почувствовал, как ему сунули сигарету в распухшие губы, услышал, как чиркнула спичка, и сделал глубокую затяжку. Но дым не дошел до легких — он получил удар в лицо, который чуть не свалил его со стула.

— Вместо того чтобы курить, — недовольно проронил лейтенант Мак-Крини из отдела по расследованию убийств, — ты бы лучше сказал нам, почему стрелял Тельму.

— Я в нее не стрелял.

— Так мы тебе и поверили.

— Но это правда. В нее стрелял Монах. Собственно, он стрелял в меня, а попал в нее.

— Монах? Ты имеешь в виду Джека Уотса?

— Да.

— Уотс был в машине один?

— Нет. За рулем находился Флип Эванс.

— Вы уже допросили Эванса, Джек? — крикнул лейтенант в темноту, окружавшую Джексона со всех сторон.

— Да, — раздался голос из темноты. — Только что вернулся. Эванс клянется, что никуда не выходил из своей квартиры. И что Уотс был с ним всю вторую половину дня. Его слова подтверждают оба лифтера и привратник.

Но лейтенант Мак-Крини был опытным сыщиком.

— Их показания ничего не значат. Это его люди.

— Все это так... но, тем не менее, так они сказали.

Мак-Крини снова повернулся к Джексону.

— Почему вы не скажете нам правды, Харт? Ведь тогда на суде вам будет легче, черт вас побери!

— На суде?

— Да. На процессе, который вам предстоит... Дело об убийстве...

— Я никого не убивал.

— Если девушка умрет, вам будет предъявлено обвинение в убийстве.

Для Джексона эти слова прозвучали сладкой музыкой: значит, врач ошибся и Тельма жива.

— Вы можете сказать, как давно вы знаете Тельму?

— Я ее вообще не знал. Она начала выступать в клубе Флипа после моего ареста.

— Значит, на остановке перед тюрьмой вы увидели ее в первый раз?

— Да.

— И она последовала за вами сюда, в Чикаго, и в одном из баров на Кларк-стрит предложила вам жениться на ней?

— Да, все так и было.

— Вы полагаете, что присяжные проглотят эту пилюлю?

— Но это правда...

Джексон скорее услышал удар, чем почувствовал. Его и без того тяжелая голова стала нечувствительной к боли.

— Вы лжете, — деловито проговорил Мак-Крини. — Скорее напрашивается такой вариант, что вы уже длительное время тайно посылали ей письма из тюрьмы с просьбой выйти за вас замуж. Не был ли этот вариант задуман как месть Флипу Эвансу?

— Чепуха...

— И вы утверждаете, что она сама принесла брачную лицензию, как только вы вышли из тюрьмы?

— Да, так все и было.

— Почему Тельма Уинстон решила выйти за вас замуж?

— Этого она мне не сказала... Хотя что-то сказала, — вспомнил Джексон. — Я ее тоже об этом спрашивал, и она ответила в том роде, что ей известно о моей порядочности. Она добавила, что именно таким представляла себе человека, которого когда-нибудь полюбит. Человека, который борется за то, что считает правильным, и заботится о своих ближних.

В комнате раздался издевательский смех.

— Вот так начинается большая любовь!

— История, подсказанная жизнью, — сухо заметил Мак-Крини и попытался начать с другого конца. — Между нами, Харт, сколько ты пообещал человеку, который пристрелил ее по твоему поручению? Скажи не для записи.

— Ничего.

— Вы хотите сказать, что это была просто дружеская услуга? Значит, это был кто-то из тюремных приятелей?

Джексон закрыл глаза от яркого света, но стоявший сзади полицейский грубо схватил его за волосы, так что он был вынужден снова открыть глаза. — Лейтенант спросил тебя кое о чем.

— Я уже сказал, что в нее стреляли.

— Вы думаете, что я поверю такой глупости? — нахмурился Мак-Крини и помахал перед носом Джексона какой-то бумажкой. — Знаете, что это такое?

— Нет.

— Страховой полис, Харт. Жизнь Тельмы была застрахована на десять тысяч долларов. И в вашу пользу. Мы нашли его в сумочке Тельмы.

Джексон попытался сосредоточиться. Тельма действительно упоминала о деньгах, сказала, что позднее он получит больше, а именно — десять тысяч. Она, судя по всему, знала, что на ее жизнь будут покушаться, и боялась этого. Но она хотела выйти за него замуж... да, из-за Ольги... Джексон остановился на этом имени. Вероятно, это был ключ ко всему происходящему. Полиция ничего не могла ему сделать. Они даже не нашли при нем оружия и блуждали в потемках, пытаясь хоть что-нибудь выяснить.

— Вы знали об этом полисе?

— Нет.

Мак-Крини попытался взять себя в руки.

— Ведите себя разумнее, Харт. Неужели вы думаете, что нам доставляет удовольствие избивать вас? Но наша профессия заставляет нас выяснить правду любой ценой. Так что соберитесь с духом...

— Что вы имеете в виду?

— Сознайтесь, что вы наняли человека, который должен был прикончить Тельму. Тогда мы угостим вас сэндвичами и кофе, уверяю вас, Джексон.

Он почувствовал, как ему в губы снова сунули сигарету. На этот раз дым попал в легкие.

— Ну, договорились? — произнес Мак-Крини таким голосом, точно разговаривал с больным.
— Сейчас мы пригласим стенографиста, и вы расскажете ему всю историю.

Джексон качнул головой.

— Не пойдет!

— Что не пойдет? — удивился лейтенант.

— Чтобы я сознался в том, чего не делал. Какой мне смысл убивать ее? Я же познакомился с ней только сегодня.

Вновь сильный удар по лицу. Сигарета вылетела изо рта. Допрос продолжался.

— Значит, вы вернулись в Чикаго?

— Да, чтобы убить Флипа.

— Это вы признаете?

— Да.

— Почему?

У Джексона раскалывалась голова, и он счел более разумным сказать правду.

— Потому что Флип Эванс, находясь в пьяном виде, убил Элея Адель, а потом попытался свалить вину на моего брата Джерри.

— Свалить вину на вашего младшего брата Джерри? Почему-то я считал, что это именно вы получили двадцать лет за это убийство?

— Так оно и вышло. Когда я понял, что для Джерри дело принимает опасный оборот, я спрятал его в надежном месте и взял вину на себя.

— С какой целью?

Этот вопрос Джексон и сам не раз задавал себе и всякий раз думал, что поступил так потому, что Джерри был еще незрелым юнцом, а порядочный человек всегда должен заботиться о своих близких.

— С какой целью? — повторил Мак-Крини. — И почему вы говорите об этом только сейчас?

Вспухшие губы Джексона скривились в горькой усмешке.

— Потому что теперь это не имеет значения. Джерри мертв.

— Сломал шею о тысячедолларовую банкноту? — издевательски спросил лейтенант.

— Его убили. Вчера в тюрьме я получил официальное известие.

В прокуренной комнате какое-то время царил тишина.

— Прошу прощения, — сказал наконец Мак-Крини. — Ну, а теперь послушайте, Харт. Вы были непревзойденным профессионалом, даже талантом. Вы зарабатывали больше, чем любой другой. За две недели вы получали столько, сколько любой другой, повторяю, — например, любой из сидящих сейчас здесь, — зарабатывает в год. И вы умный человек, в этом вам не откажешь. Не относитесь к тому сорту людей, которых мы обычно усаживаем перед лампой. Но сейчас вы сидите в глубокой луже. В вашей версии нет и капли правды, и чем скорее вы сознаетесь, тем будет лучше для вас.

— Но чего вы от меня требуете, Мак-Крини? — воскликнул Джексон. — Я не могу сказать вам ничего другого! Никогда до этого я не видел Тельму Уинстон, никогда — вплоть до нашей встречи на автобусной остановке, чтобы мне провалиться на этом месте!

— Враки! — отрубил лейтенант.

Джексон закрыл глаза, и стоявший позади коп снова потянул его за волосы.

— Но вы признаете, что этот револьвер принадлежит вам?

Джексон на мгновение задумался. Если он признает, что револьвер принадлежит ему, то с его испытательным сроком будет покончено. Теперь он понимал, почему Тельма вырвала у него из рук револьвер. В поединке с Монахом он все равно не имел никаких шансов, а Тельме никто бы не помог, если бы его опять запрятали в тюрьму. Только на свободе он сможет присмотреть за этой таинственной Ольгой.

И впервые за весь допрос он решился на ложь.

— Нет. Я никогда не видел этого револьвера.

Один из полицейских, стоявших вокруг него полукругом, зло буркнул:

— Надо кончать, черт бы его побрал! Он все равно не расколется, а у меня уже затекли

конечности.

Мак-Крини легонько стукнул Джексона и спросил:

— Значит, если девушка умрет, то ваша защита будет построена на том, что ее убили Монах и Флип?

— Да.

— Мне это кажется неправдоподобным. Зачем это Эвансу убивать свою подружку?

На какой-то миг все остановилось перед глазами Джексона, но он быстро пришел в себя.

— Я этого не знаю.

— А что вы знаете?

— Я не знал, что Тельма Уинстон была его подружкой.

Мак-Крини громко рассмеялся.

— Можете спокойно этому поверить. Откуда же у нее тогда серебристая лисица и пятьсот долларов в кармане? А элегантная квартира, в которой она живет, откуда? — В его голосе прозвучало что-то вроде зависти. — Этот толстяк решил прибрать к своим липким рукам всех девиц. Вам бы следовало это знать лучше других. Ведь вы два года были конферансье в клубе у Вели...

При мысли о том, что Эванс лапал Тельму своими жирными лапами и укладывался на нее толстым жирным брюхом, у Джексона занял желудок. Какой бы она ни была, но для Флипа Эванса она не пара. Он знал, как Флип поступает со своими девушками, что он с ними проделывает.

Джексон обхватил голову руками. Ему никто не стал в этом препятствовать, никто не ударил его и не потянул за волосы. Лейтенант выключил ослепительный прожектор и включил обычное освещение.

— Так, мальчики, на этом закончим, — проронил он. — На первом этапе выборов Джексон не прошел. Но мы повторим еще и еще, думаю, что это потребует. Захвати его с собой наверх, Чарли, — обратился он к одному из копов. — Повод обычный: подозрение в убийстве.

Джексон тяжело поднялся и спросил.

— Как она там?

— Кто?

— Тельма, естественно.

Лейтенант сокрушенно покачал головой.

— Не сказал бы, что хорошо. Когда я в последний раз звонил в больницу, мне сообщили, что она вряд ли выкарабкается.

— Вы не говорили с ней?

— Нет, и знаешь почему? — Мак-Крини ядовито ухмыльнулся и добавил: — Потому что она в таком состоянии, что с ней нельзя разговаривать, вот так-то. А вы хитрец, Джексон. Если она даже и выкарабкается, то с ней нельзя будет разговаривать еще с неделю.

Чарли надел на Харта наручники.

— Ну, пошли, друган. Джексон не сдвинулся с места.

— Еще одно, Мак-Крини...

— Ну что еще?

— На вашем месте я бы приставил к ней двух полицейских для охраны. Только представьте себе, что я вам не лгал. А мне как раз пришла в голову мысль, что для Флипа важнее прикончить ее, а не меня.

— Зачем же им убивать ее? — усмехнулся Мак-Крини. Джексон внимательно уставился на лейтенанта.

— Возможно, из-за Ольги.

— А кто такая Ольга, черт бы вас побрал? — нарочито спокойным голосом спросил лейтенант.

— Я бы и сам хотел знать, — беспомощно ответил Джексон.

Глава 4

Тельмы не было две ночи, и Ольге стало страшно одной. К тому же в желудке так урчало, что она не могла спать.

Она рассматривала себя в зеркале платяного шкафа. У нее хорошая фигурка, и в лучших чулках Тельмы, ее крошечных трусиках и бюстгальтере она находила себя чрезвычайно элегантной. Посмотрели бы на нее сейчас девчонки из Шелби! Вот бы глаза вытаращили!

Ольга проверила свою косметику. Не чересчур ли она бледна? Она наложила на лицо еще немного румян. Вот теперь в самый раз.

Но от этого бурчание в желудке не проходило. Ее покрашенные губы скривились. Она готова была заплакать. Ведь Тельма обещала прийти сегодня утром, а все не идет.

Перед этим же зеркалом она подтянула чулки чуть повыше. Скоро опять наступит ночь и потом снова придет утро. Она еще не очень разбиралась в часах, чтобы узнать, сколько сейчас времени. Она взглянула на часы Тельмы, украшенные бриллиантами. Двадцать минут восьмого? Ах, да, ведь это большая стрелка. Ольга продолжала упорно высчитывать. Ага, вот оказывается сколько: двадцать пять минут пятого. На ферме дядюшки Джона все уже встают и начинают работать. Хотела бы она теперь оказаться на ферме! Однако чувство голода становилось просто невыносимым.

Она осторожно подняла жалюзи и выглянула наружу.

За поворотом трамвайной линии, по которой они приехали с Тельмой, четко вырисовывалась световая реклама: «Привокзальный ресторан. Бифштексы, сэндвичи».

Дядюшка Джон на завтрак часто ел бифштекс или жаркое. При одной только мысли об этом у нее потекли слюнки.

Ольга пересчитала деньги, лежащие на туалетном столике. Один, два, четыре... семь

долларов. Со стороны Тельмы было нехорошо оставлять ей деньги, но запрещать их расходовать.

Ольга задумалась. В Шелби ей уже не раз приходилось есть в ресторане. Не говоря уже о кока-коле и мороженом. Если она поспешит и не будет там расслаиваться, то Тельма и не узнает, что она выходила.

Ольга снова выглянула в окно. Во второй половине дня было тепло, а теперь пошел снег. Вся улица, насколько она могла видеть, была покрыта снегом. Она решительно встала. При этом бюстгальтер и трусики соскользнули вниз. Ольга вздохнула. Да, вещи Тельмы ей еще великоваты. Придется надеть собственные. Теплое белье, мягкое шерстяное пальто и платье лежали в кресле, аккуратно сложенные. Ольга сунула ноги в штанишки. Если она надолго задержится в городе, то сумеет подрасти, и тогда вещи Тельмы станут ей впору.

— Я хочу есть и пойду в ресторан, — серьезно сказала она своему отражению в зеркале и показала язык.

Но тут она вспомнила о своем обещании.

«Пообещай мне, дорогая, — сказала ей Тальма, крепко прижав к себе, — пообещай, что ты ни при каких обстоятельствах не выйдешь из этой комнаты. Дай мне честное слово!»

И она торжественно дала слово:

— Я не выйду из этой комнаты, пока ты не вернешься. И для большей убедительности поплевала себе на руку.

По веснушкам, которых не смогли скрыть даже румяна, побежали слезы. Ей очень хотелось сдержать клятву, но ведь она так голодна!

А потом ей пришла в голову другая мысль. Ольга даже удивилась, почему она не догадалась об этом раньше. Ведь она могла позвонить. Номер телефона был записан на воздушном шарике, который Ольга прихватила из того замечательного ресторана, где Тельма пела такие чудесные песни.

Ольга попыталась вспомнить, как же называлось то место: клуб Бали, кажется, или Вали... Это местечко на южных озерах.

Телефон был легким. Буква, потом шестерка и четыре единицы. Она сняла трубку и назвала телефонистке отеля этот номер.

— Клуб Вели, — раздался в трубке мужской голос. Ольга медленно и внятно, как ее учила тетушка Сони, произнесла в трубку: — Мне бы очень хотелось поговорить с Тельмой.

На другом конце линии возникла небольшая пауза, а потом мужчина сказал:

— Ну, конечно! Сейчас я позову ее к телефону.

Ольга была горда собой. Но гордость ее сразу улетучилась, когда она снова услышала голос. Это не был голос Тельмы, а скорее голос того толстяка, что окровавил того седовласого.

— Прошу меня извинить, но как раз сейчас Тельма занята, — дружелюбно промурлыкал он.

— Но я могу ей все передать. Что мне ей сообщить? И кто это говорит?

— Это Ольга, ее сестра. Прошу вас передайте Тельме, чтобы она поскорее шла домой. — Ольга попыталась не расплакаться, но ее выдавал предательски дрожащий голосок. — Передайте ей, что мне страшно и... я очень хочу есть.

Толстяк был любезней любезного.

— Конечно, моя маленькая. Я немедленно передам ей, чтобы она поспешила. Откуда ты, говоришь?

— Я... — Ольга запнулась.

Внезапно она ясно поняла, что Тельма не хотела, чтобы кто-нибудь узнал, где она находится. Именно поэтому она и перевела ее из своей роскошной квартиры сюда, в отель, чтобы никто не мог ее найти.

— Отвечай! — прорычал в трубку толстяк. — Ты что, меня не слышишь? Где ты находишься? Откуда говоришь?

На мгновение воцарилась тишина, потом кто-то тихо спросил:

— Она что, не говорит адреса?

Толстяк уже не на шутку разозлился и выдавил из себя что-то нецензурное...

— Нет... — Ольга повесила трубку.

Плечи ее дрожали. Она кинулась на кровать и горько разрыдалась. Она была одна, ей было страшно и очень хотелось есть. Ей уже расхотелось играть во взрослую и в Тельму. Когда дядюшка Джо, после смерти тетушка Сони, отослал ее в город к Тельме, ей было семь лет. Раньше она никогда не видела большого города. ***

В камере было включено ночное освещение: под потолком горела одна тусклая лампочка. Джексон с горечью подумал, что семь лет назад он совершенно не представ тал, что лежало между ним и свободой. Теперь же он отлично знал все методы и приемы следственной тюрьмы.

В конце короткого коридора, прислонив стул к стена и подремывая над газетой, сидел — он это знал — охранник, позади него склонился над своими бумагами писарь, что-то записывая в журнал. За ними, у отделенной решеткой стены, находился лифт. Именно туда ему и необходимо было добраться. Причем сделать, это надо было умно. О насилии тут нечего было и думать, такие вещи всегда заканчивались плохо.

Этой ночью было довольно тихо. Камеры вырезвителя были, вероятно, переполнены, но вместе с? ним, в камере для преступников, сидел только один человек.

— Сигарету? — предложил Джексон.

Человек, сидящий в соседней камере, за перегородкой, жадно протянул руку, пытаясь достать пачку.

— Спасибо, приятель.

— Можешь оставить себе всю пачку, — улыбнулся Джексон, — а я отсюда слиняю.

Человек рассмеялся.

— Ты что, спятил? Мы же на одиннадцатом этаже! Даже если бы ты выбрался из этой клетки, тебе надо миновать надсмотрщиков, писаря и лифтера.

— Да что ты говоришь? — насмешливо произнес Джексон. Он схватился за решетку руками и крикнул дремавшему сторожу: — Послушай! Пересади меня в другую камеру, здесь мне крысы мешают!

Сторож, поднимаясь, опрокинул стул.

— Ложись спать, Джексон. Это просто игра воображения. У нас тут нет крыс, чтоб мне пропасть...

— Нет? А вы послушайте...

Джексон смотрел сторожу прямо в лицо. Из темного угла позади него раздалось какое-то попискивание. Такие же звуки слышались изо всех углов.

— Черт возьми! Вот же напасть! — изумился сторож. Арестант в соседней камере заржал:

— Как в ООН.

— Я просто требую, чтобы меня перевели в другую камеру!

Сторож прошлепал по коридору и вошел в камеру Джексона. Из-под кровати продолжало раздаваться попискивание. Сторож снова удивился.

— В окружной тюрьме полно крыс, — сообщил он Джексону. — Но здесь я сталкиваюсь с таким впервые. Может, они забрались по мусоропроводу?

— Все может быть, — не стал возражать Джексон. Сторож нагнулся, чтобы заглянуть под нары, и в этот момент Джексон нанес ему удар по уху. Не успел тот упасть, как Джексон ловко подхватил его.

— Высокий класс, приятель, — похвалил сосед. — С такими способностями ты мог бы выступать на сцене.

— Что я и делал, — лаконично заметил Джексон.

Он связал сторожа разорванной на ленты простыней и сунул ему в рот кляп. Затем надел пальто и шляпу сторожа и спокойно вышел из камеры.

— А ты не хочешь пошляться по бабам? — обратился он к соседу.

Тот покачал головой.

— Они ничего не смогут мне пришить. И кроме того, для побега надо много чего подготовить, да и тебе отсюда ни за что не выбраться.

— Может быть, ты и прав, — согласился Джексон. На мгновение он прислонился к решетке камеры, из которой только что выбрался. Возможно, он и в самом деле совершает глупость. Ему тоже не смогут пришить никаких обвинений, если Тельма останется жива. Но он не был в этом уверен, а Мак-Крини ему не верил. А вот попытаться сорвать предполагаемое покушение Флипа на Тельму он сможет только на свободе.

И ко всему прочему эта Ольга...

— Трусишь? — поинтересовался он у соседа.

— Да нет... просто ни к чему.

Джексон прошел по коридору и затаился в углу рядом с дверью. Потом он заговорил, подражая голосу старика-надсмотрщика. Голос его звучал взволнованно и резко. Одновременно он застучал кулаком по стальной двери.

— Послушай, Джим, не зайдешь ли на минуту? Мне кажется, парень, которого прислал

Мак-Крини, хочет повеситься.

Послышался шум отодвигаемого стула.

— Это каким же образом?

— Он рвет простыню на ленты.

— Ну так помешай ему, старый идиот, дай ему в челюсть! — буркнул писарь. Ключ в замке повернулся. — Если с ним что-нибудь случится, нам не миновать...

Едва только писарь просунулся в дверь, Джексон опустил ему на голову резиновую дубинку, которую позаимствовал у сторожа.

— Великолепная работа! Ребята не поверят! — похвалил его сосед по камере.

Джексон взял у потерявшего сознание писаря револьвер и сунул себе в карман. Потом он прикрепил на внутренний отворот куртки служебный знак и задвинул стальную дверь на засов.

Пакет с его личными вещами еще лежал на столе у писаря. Джексон забрал деньги и открыл дверь в холл. Чиновник, обслуживающий лифт, находился в другом конце. Джексон поднял воротник куртки, словно хотел защититься от холода, и крикнул в сторону лифта.

— Тебе сэндвич с черным хлебом или с белым?

— С черным, — голос писаря не вызвал у него никаких сомнений. Имитация всегда была сильной стороной Джексона. — И не забудь зайти в прокуратуру и принести бумаги на того парня, что прислал Мак-Крини.

Взад и вперед сновали чиновники из уголовной полиции. Увидев служебный знак, дежурный только зевнул, не прекращая своих дел. Джексон решительно нажал кнопку лифта.

Лифтер был пожилой человек. Он безучастно скользнул взглядом по Джексону.

— Похолодало, — сообщил он. Джексон старался держаться спокойно.

— Да?

Старик кивнул.

— И снег опять пошел. Я так думаю, что лето долго не продержится.

Лифт остановился на восьмом этаже, потом на пятом, четвертом, и везде входили и выходили чиновники в форме и гражданском платье. Никто не обращал внимания на Джексона. Смена Мак-Крини и его людей, видимо, уже кончилась.

Выйдя из лифта в холл, плиты которого были покрыты мокрыми следами от растаявшего снега, Джексон приподнял воротник еще выше. Его ботинки громко скрипели на каждом шагу.

Никто его не узнал, никто не окликнул, никто не попытался задержать.

Стояла темная ночь. Ему в лицо ударил холодный ветер. Кроме нескольких дежурных машин, у тротуара стояло одинокое такси. Временами из здания кто-нибудь выходил, пригибался и отворачивался, направляясь против ветра. А вообще улицы были пустыми.

Джексон некоторое время находился в нерешительности. Прежде чем его схватят, ему надо сделать три дела: убедиться, что Тельма в безопасности, поговорить с Ольгой и привести в

исполнение решение, принятое в тюрьме: убить Флипа Эванса.

Первым делом он решил увидеться с Ольгой и поэтому направился через улицу к такси. Он открыл дверцу и сказал:

— К Логан... — слова застряли у него в глотке.

На машине горел знак, что она свободна, но там уже кто-то сидел. В темноте салона светились две сигареты. Джексон схватился за оружие, прихваченное у писаря, и одновременно сделал шаг назад.

— Без фокусов, — предупредил его голос. — Моя пушка нацелена тебе прямо в пузо. Как, черт возьми, тебе удалось выбраться из этой крысиной норы?

— На своих двоих, — глухо ответил Джексон.

— Молодец! — похвалил его Джек Уотс. — Мы здесь торчим, мерзнем и ломаем головы, как тебя выцарапать оттуда, а ты сваливаешься к нам свадебным тортом. Мы только что говорили, что ты крепкий орешек, и ты это подтвердил.

Джексон подумал, что сейчас ему всадят пулю в живот, но пока ничего такого не случилось.

— Садись! — приказал Уотс. Сначала он отодвинулся, но потом передумал и показал на место перед собой. — Знаешь, садись-ка лучше к Сэму.

— Не ломайся, как невинная девица, садись. Сэм по тебе страшно соскучился.

— Куда едем, Монах?

— В клуб. — Затем он прижал к голове Джексона револьвер. — Флип считает, что наш супермен может нам подсказать, где находится Ольга.

Глава 5

Ужиная, лейтенант Мак-Крини с интересом наблюдал за мокрыми крупными снежинками, кружащимися за окном.

— Сын обрадуется, если снег не растает до утра, — обратился он к жене. — Можно будет покататься на лыжах. Мы с ним вместе ходим в парк.

Бетти Мак-Крини нарезала готовое мясо, запеченное в духовке.

— Это было бы чудесно! Но почему ты пришел сегодня так поздно? Что-нибудь случилось?

Мак-Крини немного помедлил с ответом. Он был маловпечатлителен и забывал о работе, как только кончалась его смена. Но сегодня все было как-то не так. Его мучила мысль: а что, если Джексон не солгал и говорил правду?

— Допрашивал некоего Харта Джексона, — наконец ответил он.

— Он убил кого-нибудь?

— Девушка еще не умерла. Во всяком случае, была еще жива, когда я в последний раз звонил в больницу.

Он подумал, что, наверное, не будет ничего плохого, если он посоветуется с женой.

— Послушай, дорогая...

— Да.

Мак-Крини решил рассказать, ей всю историю, но неожиданно понял, что не знает, с чего начать. И чем дольше он над этим думал, тем более убедительными казались ему показания Джексона. Ни один мало-мальски нормальный человек не осмелился бы рассказать целой своре полицейских столь нелепую историю, если бы эта история не соответствовала истине.

— Харт Джексон...— задумчиво протянула миссис Мак-Крини. — Кажется, так звали знаменитого чревовещателя, которого мы видели в «Чез-Пари». Помнишь, это было, когда мы отмечали пятилетие совместной жизни? Он немного похож на Тони Кетриса, только немного старше.

— Это именно он.

— Я думала, он сидит в тюрьме.

— Сегодня утром его условно освободили.

— И он успел опять что-то натворить?

— Может, и так.

— Что же именно?

— Мы считаем, что он или сам стрелял в девушку, или нанял кого-то ее убить.

— Зачем?

— Чтобы отомстить Флипу Эвансу. Сейчас он утверждает, что Флип Эванс убил Адель, а вину свалил на него, вернее, на его младшего брата, которого он любил. Поэтому он взял вину на себя.

— А где сейчас его брат?

— Джексон сказал, что его убили. — У Мак-Крини внезапно пропал аппетит, и он отодвинул от себя тарелку. — По его словам, эта девушка остановила его сегодня на автобусной остановке и сделала ему брачное предложение, а сейчас она лежит тяжело раненная. Довольно странная история, не правда ли?

— Она знала его раньше?

— Джексон утверждает, что до сегодняшнего дня он ее не знал и что они не виделись друг с другом.

— Почему же она захотела выйти за него замуж?

— Он и сам этого не знает. Джексон сообщил, что спросил ее об этом, а она сказала, что он порядочный парень и сможет позаботиться о своих близких.

— В таком случае она знала, что он несправедливо посажен в тюрьму — за то, что взял на себя вину младшего брата.

Об этом Мак-Крини как-то не подумал. Сейчас ой на время выбросил эту мысль из головы, чтобы вернуться к ней позднее.

— Возможно, так оно и было.

— Она миленькая, эта девушка?

— Очень. К тому же она подружка самого Эванса.

— И несмотря на это Джексон женился на ней?

— Да, сегодня днем в половине пятого.

— А что случилось потом?

— По словам Джексона, они стояли перед домом священника, обвенчавшего их. И в этот момент к ним подкатил Эванс со своим подручным — гангстером по имени Уотс, который выпустил очередь из автомата. Джексон утверждает, что стреляли в него, но потом, Поразмыслив, решил, что охотились, скорее всего, за девушкой.

— Ты их арестовал, этих гангстеров?

Мак-Крини покачал головой.

— Нет, Эванс — птица крупного полета. Ему принадлежит клуб Вели. Кроме того, у него большой земельный участок.

— И ты оставил его на свободе и занялся бедняжкой Джексоном?

— Не совсем так. Джек проверил их алиби и не обнаружил ничего уличающего. Согласно их утверждению, они оба не покидали квартиру всю вторую половину дня. — Мак-Крини задумчиво потер колена. — С другой стороны, надо иметь в виду, что дом-то принадлежит Эвансу. И никто не видел машины, в которой, по утверждению Джексона, сидели гангстеры. Но этот жирный клоп Эванс подстрелит и мать родную, если это принесет ему выгоду.

— Почему же в таком случае ты не веришь Джексону?

— Потому что его версия слишком уж неправдоподобна, и вот что я еще тебе скажу. Миловидная девушка, которая за известные услуги может иметь от Флипа Эванса все, что захочет, вряд ли решится связать свою судьбу с парнем, у которого нет за душой ни гроша, только потому, что он порядочный человек. Далее... Мы обнаружили в кармане Тельмы страховой полис на десять тысяч долларов в пользу Джексона.

— Это еще не доказательство, что он хотел ее убить и нанял для этого человека.

Мак-Крини обхватил спинку стула.

— Собственно говоря, это так.

Бетти встала перед мужем и спросила:

— А что тебя сейчас беспокоит, Мак?

— Я бы с большим удовольствием поверил этому парню. Он показался мне порядочным человеком. Потому-то я и не обошелся с ним жестоко. Это во-первых...

— А во-вторых?

Мак-Крини тяжело вздохнул.

— Во-вторых, мне бы страшно хотелось избавиться от Флипа Эванса. Все наше отделение за

ним гоняется, но никак не может ни в чем уличить. К тому же он имеет немалое политическое влияние, и так просто его не посадишь. Он ворочает крупными делами. Для того чтобы его прижать, нам необходимы неопровержимые доказательства.

— Так вот, значит, как обстоят дела, муженек...

Послышался телефонный звонок. Мак-Крини выругался и прошел в спальню к телефону. Там было темно.

— Это ты, папа? — спросил голосок.

Мак-Крини присел на край кровати, но трубку не снял.

— Ты уже должен спать, — мягко сказал он сыну и поцеловал его свежее личико. — И побыстрее, чтобы хорошо отдохнуть.

— А зачем, папа?

— Потому что идет снег, и мы сможем покататься на лыжах.

— Вот хорошо! Я сейчас засну, — произнес семилетний сынишка.

Лейтенант взял трубку.

— У телефона Мак-Крини.

Вернувшись на кухню, он стал быстро одеваться. Жена озабоченно взглянула на него.

— В чем дело, Джон?

Мак-Крини взял пальто.

— Теперь этот вопрос перестал существовать.

— Какой вопрос?

— Стрелял Джексон или нет.

— Что же случилось?

Мак-Крини надел все еще мокрую шляпу.

— Он только что убежал из следственной тюрьмы. Представляешь? Ему удалось уйти с одиннадцатого этажа, и при этом он чуть не убил охранника. ***

После холода на улице в такси ему показалось тепло. Пахло отличным табаком и виски. Адвокат Дисмонд с заднего сиденья заявил твердым голосом:

— Если дело дойдет до рукоприкладства, избавьте меня от этого зрелища и высадите у Лука.

Монах расхохотался.

— Рукоприкладство! Не бойтесь, мистер адвокат, мы просто немного помассируем Джексону затылок, если он постесняется нам сообщить, где находится Ольга.

Джексон наблюдал за снежинками, пляшущими перед ветровым стеклом. На своем затылке он ощущал неприятное прикосновение револьвера. Если он попытается бежать, то Монах раздумывать не будет, а сразу нажмет на спуск.

Да, ему страшно не повезло, что из тысяч чикагских такси он выбрал именно то, в котором расположились Джек Дисмонд и Джек Уотс. Но разве это можно назвать случайностью? Уотса в определенных кругах и в клубе называли только Монахом, потому что у него было гладкое лицо и благочестивое выражение глаз. Ко всему прочему он носил черное одеяние. Уотс ведь сказал ему при встрече, что они давно ждут его здесь и даже замерзли, не зная, как вызволить его из заключения.

Выходит, они выставили пост перед зданием полиции и ломали голову над его освобождением. Но зачем? Потому что они были уверены, что он точно знает, где скрывается Ольга. Потому что по каким-то причинам она понадобилась Эвансу.

Когда такси свернуло на городскую автостоянку, Дисмонд бросил взгляд на Монаха и поинтересовался?

— Что это, шутка?

— Вы о чем? — спросил Монах.

— Что вы помассируете ему затылок, если он не заговорит.

Джексон скорее почувствовал, чем увидел, как Монах покачал головой.

— Если он не скажет, где находится Ольга, ему придется плохо.

— В таком случае позвольте мне выйти из машины, — озабоченно произнес Дисмонд. — Я поеду в другом такси.

— Опасаетесь осложнений? — усмехнулся Монах. — Ничего, за деньги Эванса вы можете немного и потерпеть. Возможно, вы нам еще пригодитесь.

Дисмонд было запротестовал, но, поняв, что это ни к чему не приведет, замолчал.

Джексон подумал, что этот адвокат — типичная жертва Эванса. Если хоть раз взять деньги от этого жирного червяка, то потом он скрутит тебя, и можно считать себя погибшим. То же самое произошло и с Джерри. Но теперь это не имело значения. Его братишка был мертв, и только в списках военного министерства значилось, что он погиб где-то на рисовых полях Вьетнама. Монах легонько постучал Джексона рукояткой револьвера по голове.

— Как тебе это удаюсь, приятель? Что ты ловкий парень, мы уже давно догадывались. Но чтобы ты смог выбраться из полицейской тюрьмы — такого не увидишь и во сне.

— Просто одел пальто и шляпу и вышел, — охотно пояснил ему Джексон. И при этом он был недалек от истины.

— Чепуха...

Джексон хотел было что-то сказать, но вдруг быстро повернул голову. Послышался пронзительный вой полицейской сирены.

Водитель обернулся.

— Этого нам только не хватало! Что будем делать, Монах?

— Ничего, — спокойно произнес Монах. — Не суетись.

— Но я слышу полицейскую сирену.

— Я тоже не глухой, но это Харт. Он способен на многое. Он еще и не такие штучки

проделывал, когда был конферансье в нашем клубе. Помню, в стриптизе одна крошка разделась до последней нитки, так он задал такой концерт, что все подумали — облава. Посетители вышибали двери в панике.

Вой сирены внезапно прекратился.

— У тебя хорошая память, Джек, — буркнул Харт. — Но ты мне лучше скажи, кто такая Ольга и почему вокруг нее поднялся такой шум?

— Ты и сам это великолепно знаешь.

— Понятия не имею.

На этот раз удар револьвера был посильнее.

— Такой дешевкой меня не проведешь. Тельма наверняка тебе рассказала о ней, когда вы возвращались на автобусе в Чикаго. — В голосе Монаха прозвучало невольное восхищение. — Малышка не только умна, но и хитра. Надо отдать ей должное. Пока мы прочесывали город в поисках Ольги, она спокойно садится в автобус и предлагает разделить с ней ложе человеку, который достаточно храбр и решителен, и к тому же семь лет не имел женщин. И в качестве услуги от него требует, чтобы он вытащил Ольгу из Чикаго. Куда ты хотел ее увести, Харт? Обрато на ферму, откуда она приехала?

— Тельма — это та куколка, которая распевает любовные песенки? — спросил водитель.

— Да. Нам здорово повезло, что один из парней заметил ее на автобусной остановке, — ухмыльнулся Монах. — Тебе бы тоже повезло, Харт, если бы ты успел познакомиться с ней в постели. Тельма — это огонь и пламя.

Харту страшно захотелось развернуться и врезать в паскудную морду Монаха, чтобы смыть кровью его ухмылку. Если бы только он выслушал Тельму на автобусной остановке! Тогда бы она рассказала ему всю историю еще до замужества. Но он все время думал, что она его обманывает, что она подослана ему как приманка.

— Как ее дела? — спросил Харт спокойным голосом. Монаху, видимо, понравился такой вопрос.

— Неважно. Полиция опасается, что ей уже не выкарабкаться. Но тебя это теперь не должно беспокоить. Как только мы выясним, где прячется Ольга, ты навсегда исчезнешь из нашего города.

— Не говорите так, — вмешался Дисмонд. — Адвокат не имеет право выслушивать подобные вещи.

— Хорошо, что я вас не выпустил, — издевательски заметил Монах. — Вы уже наделали в штаны, хотя еще ничего не случилось.

— А если я не знаю, где Ольга? — осведомился Джексон.

— Это было бы очень неприятно. Для тебя, — сухо проронил Монах. — Потому что мы все равно тебе не поверим. Ты же имеешь дело не с ремесленниками, Харт. Флип уже тогда был профессионалом, когда проводил тебя в Стейтвилл. А уже теперь-то ему тем более не занимать уверенности. И Тельма наверняка сообщила тебе, где искать Ольгу.

«Она сказала, — подумал Харт, — но не сразу, а в самом конце».

Он закрыл глаза и вновь увидел, как она лежит на пыльном газоне в окровавленной блузе.

И тогда она прошептала, что с ее стороны все было совершенно серьезно.

— Так где же она скрывается? — угрожающе спросил Монах.

— Понятия не имею, — зло буркнул Харт. Монах опустил рукоятку револьвера ему на голову.

— Это чтобы освежить твою память. И поверь мне, лучше бы тебе вспомнить все, пока мы доберемся до клуба. Ведь для нас настоящий праздник, — пропустить тебя через нашу мясорубку. Откровенно говоря, я тебе всегда завидовал.

Темнота и тошнота волной подступила к Харту. Он прислонился к оконному стеклу, и оно немного охладило его разгоряченный лоб. После «обработки» в полиции он вряд ли выдержит это снова. Джексон отлично понимал, что эти церемониться не будут. Они применят любые методы и будут пытаться его до тех пор, пока он не расколется.

«Все равно ничего не скажу», — яростно подумал он.

Соглашение с Тельмой оставалось в силе, хотя она и не имела теперь возможности все ему объяснить. И она придерживалась своей части соглашения. Она была согласна идти с ним в отель как миссис Джексон, но теперь она боролась со смертью и неизвестно было, останется ли она в живых. Он не мог бросить Тельму на произвол судьбы.

Джексон немного выпрямился.

— Мальчику больно? — спросил Монах.

— Немножко.

Когда голова немного прояснилась, он стал наблюдать за встречным потоком машин. Он выжидал, пока в нем не появится «окно». Снег валил не переставая. Дворники равномерно счищали мокрую массу с ветрового стекла. Он не хотел, чтобы из-за его замысла пострадали невинные.

— Если ты не передумаешь, она еще сильнее заболит, — скучно пообещал Монах.

Сейчас они уже находились милях в пятнадцати от клуба Вели. А из этого вертепа он вряд ли выберется живым. Если Флип Эванс вздумал из него что-то выжать, едва ли он выпустит его на свободу. А может быть, Мак-Крини все-таки поверит в его историю?

Бросив взгляд в зеркальце заднего вида, Джексон заметил, что Монах опять замахнулся револьвером. Он мгновенно соскользнул с сиденья вниз. Рукоятка револьвера врезалась в сиденье.

Монах чертыхнулся.

В тот же миг Джексон с силой опустил ногу на ногу водителя, лежавшую на педали тормоза, потом схватился за руль и круто повернул его.

Такси мгновенно занесло. Шофер пытался вырвать руль у Джексона и вопил:

— Прибейте его! Прибейте его, черт возьми! Он с ума сошел!

Монах высунулся из-за заднего сиденья, куда его сбросило по инерции, и заколотил по спине Джексона.

— Отцепись, идиот! Ты же всех нас угробишь, задрипа! Отцепись!

Джексон как мог уклонялся от ударов Монаха, и, столкнув ногу водителя с тормоза, то давил

педаль, то отпуская ее. Двигаясь таким образом, такси скользнуло по заснеженной дороге и начало вращаться вокруг оси, двигаясь к другой стороне улицы — в поток встречных машин. Раздались тревожные гудки. Со всех сторон дико завизжали тормоза. Две машины все же сумели уклониться от столкновения, когда Джексон направил такси в бетонный барьер. Передние покрышки лопнули, Джексон вдавил педаль газа в пол, и машина понеслась дальше, вертясь и скользя, пока не врезалась в столб.

Раздался скрежет металла. Машина завалилась набок, и бетонный столб со страшным грохотом рухнул на нее.

Глава 6

Джексон почувствовал во рту привкус крови. У него под ногами лежало неподвижное тело водителя. Откуда-то сзади доносился голос Монаха, посылавшего в его адрес проклятия. Дисмонд не шевелился, он был без сознания или, скорее всего, мертв.

Джексон попытался нащупать руль, но его не было. Осталась одна только ось. В темноте он нащупал ручку дверцы и нажал на нее. Дверь заклинило. Он повторил попытку. Снаружи доносились голоса водителей, остановившихся, чтобы оказать помощь.

На машину взобрались два человека и с силой распахнули дверцу. С их помощью Джексон кое-как выкарабкался из машины.

— Сколько там еще? — спросили у Джексона.

— Трое. Водитель и два пассажира.

— Как это случилось? Водитель был пьян? Эта скотина чуть не врезалась в меня!

— Да, по-моему, он был навеселе, — сказал Джексон и слез с машины.

Один из помогавших ему тем временем послал другого за фонариком. Вокруг перевернутой машины собралась толпа любопытных, но движение продолжалось в обе стороны.

Джексон осторожно пошевелил руками, согнул пальцы. Потом прошелся — все было цело. Затем он остановился и издали посмотрел на тех двоих, которые пришли им на помощь. Теперь вместе с тремя другими они осматривали автомобиль изнутри.

— Кажется, водитель и один на заднем сиденье готовы... мертвы. А у третьего сломана рука.

— Вытащите меня отсюда! — зарычал в этот момент Монах. — Вытащите меня отсюда, черт бы вас побрал! И не смотрите на меня, как на обезьяну в клетке.

Любопытные приблизились к самой машине, и под их прикрытием Джексон пробрался в задние ряды.

— Что случилось? — спросил один из самых любопытных.

— Машину занесло.

Вскоре появилась полиция. Джексон заметил мигалку, когда она была еще за целый квартал. Он медленно отошел от все возрастающей толпы и направился в сторону Огайо-стрит. Никаких угрызений совести он не чувствовал. Напротив, он ощутил только большое облегчение и радость. В этой отчаянной игре он поставил на карту свою жизнь и выиграл. А

если водитель и адвокат отправились на тот свет, то туда им и дорога. Своей вины он не чувствовал.

Что-то сдавливало ему голову, он дотронулся до лба. Оказалось, что во время аварии шляпа сползла ему на уши. Джексон снял ее и поспешил подальше от этого места. Снежинки приятно освежили его разгоряченное лицо.

Теперь к месту аварии мчались уже несколько полицейских машин. Джексон язвительно усмехнулся. Наконец-то и Монах попал в затруднительное положение. Он не отважится сообщить, кто был четвертым в машине. Иначе полиция арестует его за пособничество в побеге. Он автоматически взглянул на запястье и тут же вспомнил, что продал свои часы. Когда же это было? За это время произошло столько событий, что ему уже казалось: он покинул тюрьму по крайней мере год назад. Он продал часы, чтобы приобрести оружие. И это оружие теперь находится в руках полиции. Если ему все-таки удастся добраться до Флипа Эванса, придется действовать голыми руками. Но сперва надо позаботиться об этой таинственной Ольге.

Он прибавил шаг. Бульвар Мичиган был более широким и светлым, чем прилегающие к нему улицы. Он пересек бульвар и пошел по Кларк-стрит. На углу улицы находился ресторанчик. Жалюзи были опущены, но изнутри пробивался свет и слышалась легкая музыка.

Джексон решительно открыл дверь и вошел. В зале было накурено так, что трудно дышать. Но по своему давнему опыту он знал, что к этому быстро привыкаешь.

Несмотря на поздний час, все столики были заняты. Заняты были и табуреты у стойки. Маленькая девушка на подмостках вяло исполняла стриптиз.

Джексон подошел к бару.

— Двойной виски и пиво, — потребовал он.

— Собирали фиалки? — поинтересовался бармен. Джексон удивленно взглянул на него и ощупал свое лицо. Левый глаз заплыл, через некоторое время будет еще хуже. Он усмехнулся.

— Да. И не без успеха.

Виски подействовало благотворно. Он залпом выпил пиво и направился в туалет. Тем временем девочка под скудные аплодисменты закончила свое выступление.

От ее вида у Джексона заныла душа, ему стало тошно. Он знал такие забегаловки лучше, чем ему хотелось бы. Именно в таких забегаловках он и начинал, пока не выбился в люди.

Человек, обслуживающий туалет, протянул ему тазик, полотенце и расческу. Он вымыл лицо и причесался. Его левый глаз переливался всеми цветами радуги, но, если не считать этой мелочи, он счастливо отделался. Джексон сунул служителю доллар и юркнул обратно в бар.

— Повторить, — обратился он к бармену.

На этот раз на подмостках появилась другая девушка, блондинка. Она сняла широкополую шляпу и взялась за застежку-молнию на своей куртке. У нее был милый голос, но пьяные посетители ее не слушали. Девушка напомнила Джексону о Тельме. Что-то там сказал водитель? Будто бы Тельма исполняла любовные песенки в послеполуночной программе. В том ресторане, где с ней заговорил бармен, похоже, ее знали. Уж бармен-то знал наверняка. Он назвал ее по имени. Вполне возможно, что Тельма исполняла стриптиз и на Кларк-стрит, прежде чем попасть в клуб Вели. Разница между этим кабаком и клубом Вели была в том, что напитки в клубе стоили в три раза дороже.

Чувство угнетенности все больше охватывало Джексона, и он понимал, что было тому причиной. Ему очень понравилась та блондинка, которую он увидел сегодня в первый раз. Сейчас как раз их первая брачная ночь, а она лежит при смерти, а может быть, уже и умерла. За ним же охотится вся полиция Чикаго.

Когда он допил вторую порцию виски, к нему приблизилась какая-то молоденькая проститутка.

— Чувствуешь себя одиноким, малыш? — прошептала она.

Джексон кивнул: да, он чувствовал себя одиноким. Девушка подошла еще ближе.

— Странное совпадение. Я тоже себя чувствую одинокой.

Она посмотрела на сдачу, которую он получал с десятки, и провела язычком по губам.

— Я знаю отличное лекарство от одиночества. Через полчаса я заканчиваю работу и, честное слово, в постели я хороша.

Ему было противно слушать такие слова от этой милой намалеванной девушки, но тем не менее он сказал «да». Ведь он просидел в тюрьме семь лет, а за какие-то двадцать долларов эта девушка может доставить ему удовлетворение. Чтобы прочесать все отели, полиции понадобится несколько дней, а малышка приютит его до тех пор, пока у него будут деньги. Они могли бы хорошо позабавиться, если он не забыл, как это делается...

Опять послышались скудные аплодисменты, Джексон бегло взглянул на блондинку, стоящую на сцене в соблазнительной позе. Она была почти полностью обнажена, если не считать крошечных трусиков. На ее миловидном личике играла смущенная улыбка.

Девушка прижалась к нему, словно котенок.

— Ну, малыш, ты не передумал?

Джексон подтолкнул сдачу в ее сторону.

— Ничего не выйдет, моя бэби. Я только сегодня женился, и моя жена чрезвычайно ревнивая. Во всяком случае, я на это надеюсь.

Сквозь шум и дым он пробрался к выходу и с облегчением вдохнул свежий воздух.

Несмотря на ранний час, на Кларк-стрит было полно народа: пьяницы и бездельники, педерасты и лесбиянки, сутенеры и прочие любители приключений — короче говоря, все представители всех пороков. Джексон с отвращением наблюдал за этой публикой. За время его пребывания в тюрьме улица совсем не изменилась. До сих пор она походила на огромную витрину с заманчивой рекламой, радостно провозглашающей: у нас вы найдете все, что угодно. Подходите, и за свои деньги вы получите все.

Джексон прошел через падающий снег к Лупу и поднялся по ступенькам к станции городской железной дороги на Дейк-стрит. Ему надо было побыстрее добраться до таинственной Ольги. Он предпочел бы такси, но все таксисты имели обыкновение заносить в книгу свои поездки.

В теплом зале была телефонная cabina. Джексон открыл телефонный справочник на странице «Отели». В нем указывался лишь один Логан-отель, и находился он на бульваре Кецци. Он обратился к старику-кассиру, узнал, когда отходит ближайший поезд, и купил билет до Логан-сквера.

Кассир дал ему еще один совет:

— Только садитесь в первый вагон, а то второй переполнен дамами и идет дальше, к Гумбольдт-скверу. Ближайший поезд прибудет через четыре минуты.

Джексон поблагодарил старика, купил несколько сигар — по четверть доллара за штуку — и газету, после чего вышел на занесенный снегом перрон.

Он обрадовался, когда подошел поезд. Пассажиров было немного. В вагоне сидел какой-то пьяный, храпевший всю дорогу, две размалеванные девицы, подремывал тепло одетый рабочий.

Джексон ощутил себя совершенно незащищенным. На любой станции в вагон могут войти полицейские и... Все-таки надо было ехать на такси. Он торопился и не все хорошо продумал. Ведь можно было остановить такси поблизости от отеля, а потом пройти пешком.

Он зажал в кулаке незажженную сигару и загородился газетой.

Его бегство из тюрьмы и авария на шоссе еще не нашли отражения в прессе. Вероятно, все это появится в ближайшем выпуске. Но все равно — всю первую страницу занимало его фото. Они достали и напечатали фотографию, где он сидит с говорящей куклой на коленях, в вечернем костюме. Тогда он работал еще в «Чез-Пари». Как давно это было! По меньшей мере сто лет назад...

В то время он и не мечтал стать знаменитым артистом. И тогда он еще не был связан с Флипом Эвансом. И тогда он и Джерри еще не знали девушку по имени Элен Адель, и он не знал, что ему придется отсидеть семь лет там, где на его койке вместо имени прикрепят бирку с номером.

Сперва он лишь бегло просмотрел всю газету. Странно, как гладко укладываются факты в эту сфабрикованную историю. Репортер изо всех старался уличить его в убийстве Тельмы. Он даже придумал мотив. Джексон мечтал отомстить Флипу Эвансу и, зная, что Тельма Уинстон подруга Флипа, решил убить ее. Так же как и Мак-Крини, репортер верил, что Джексон посылал ей из тюрьмы письма. Репортер утверждал, что в этих письмах Джексон убеждал Тельму в серьезности своих намерений и настаивал на женитьбе после выхода из заключения. И нанятый им, еще не найденный убийца, подстерег ее при выходе из дома священника. Это убийство Джексон задумал спихнуть на Флипа Эванса. Но одну якобы ошибку Джексон все же допустил. Впрочем, эту ошибку допускают девять из десяти преступников. В своей жадности преступник заставил жертву застраховаться на крупную сумму, а может, этими деньгами он задумал откупиться от нанятого им убийцы. Полиция обнаружила этот полис при Тельме. Если девушка умрет, чего, к сожалению, следует опасаться, то этого полиса, вместе с другими доказательствами, окажется достаточно, чтобы упрятать Джексона в тюрьму. И на этот раз уже никому не придет в голову выпускать его на свободу за хорошее поведение. Вообще же убийцу женщины, имевшего уже одну судимость, ждал электрический стул.

— Какая подлость! — выругался Джексон.

Одна из женщин подняла голову.

Джексон и не заметил, что говорит вслух, хотя изо всех сил старался быть незаметным.

— Простите, — пробормотал он.

Джексон с облегчением вздохнул, когда распахнулись вагонные двери и дежурный по станции возвестил.

— Дамен-стрит. Последний вагон следует до Гумбольдт-парка.

Обе женщины пересели в последний вагон, а пьяный продолжал безмятежно храпеть. Джексон взглянул из окна в снежную ночь. Когда вагон тронулся, он опять сунул нос в газету и сидел так, пока поезд не миновал освещенную платформу.

Чтобы убить время, он продолжал изучать короткие статейки, которые попались ему на глаза еще в баре.

«...адвокат Джон Мастере, будучи представителем фирмы „Пирс“, высказал серьезную озабоченность по поводу исчезновения Филмера Пирса, известного весельчака, прожигателя жизни и кутилы. Пирса, наследника миллионного состояния, последний раз видели в четверг, когда он рано утром покидал ночной клуб в обществе какой-то неизвестной блондинки. Предполагается, что уже неоднократно женившийся плейбой отправился со своей очередной спутницей в какое-нибудь романтическое путешествие, как это уже случалось и раньше».

Джексон опустил газету и уставился в темноту за окнами. У него и своих забот достаточно, какое ему дело до походов какого-то сексуального маньяка. Интересно все-таки, погибли Дисмонд и шофер или нет? Но даже если и погибли, они заслужили эту участь. А потом Джексон вспомнил, что он сказал, прежде чем сесть в такси возле тюрьмы, и несмотря на то, что в поезде было довольно прохладно, его сразу кинуло в пот. Он тогда сказал: «К Логан...» и лишь потом заметил, что в машине находятся люди. В телефонной книге был только один Логан-отель. Монах остался жив после аварии, а его дураком не назовешь. Эванс не упустит такую подсказку, если уже не использовал. Это могло означать, что Монах или еще кто-то из их шайки уже спешит в отель.

Ему казалось, что поезд ползет медленней улитки. Теперь Джексон сожалел, что зашел выпить виски. Надо было сразу ехать за Ольгой.

Он попытался представить себе Ольгу. Возможно, это сестра Тельмы. Он решил, что она должна быть моложе его жены — невинное существо с большими глазами серны, которое приехало в гости со своей фермы. Флип, который менял женщин, как перчатки, бросил Тельму, как когда-то бросил Элен Адель, и начал приставать к Ольге с гнусными предложениями. В ответ на это Тельма сразу же убрала сестру из опасной зоны.

Джексон вытащил изо рта мокрую сигару и тотчас сунул на ее место другую. Нет, вероятно, здесь что-то другое. К чему тогда просьба Тельмы жениться на ней? Да и Флип не станет искать неприятностей из-за женщины — это ему не надо. Мак-Крини прав: все девчонки у него под рукой.

Выходит, дело не в этом, но почему все-таки Тельма захотела, чтобы он женился на ней? Почему она подписала страховку на десять тысяч долларов совершенно незнакомому человеку? Почему ее пытались прикончить Монах и Флип Эванс? Почему им так важна Ольга?

Джексон помассировал руками все еще болевшую голову. Чтобы ответить на все эти трудные вопросы, ему не хватало исходных данных. К тому же он не обладал способностями ясновидящего. Если бы он мог поговорить с Тельмой хоть пять минут! Сейчас он еще больше жалел, что не переговорил с ней в автобусе.

Но в данный момент Ольга была еще недосыгаема, а Тельма лежала в госпитале без сознания, и было неизвестно, выживет ли она. А может, именно в этот момент ее красивое, молодое тело переносят в морг ко всему привыкшие санитары.

Наконец поезд резко остановился.

— Логан-сквер! Конечная остановка! — выкрикнул дежурный по станции.

Джексон тяжело вздохнул и торопливо покинул вагон.

Глава 7

Снежинки садились ему на лицо. Было очень холодно. Джексон собирался было пройти вдоль по улице, но обернулся и взглянул на привокзальный ресторан, примостившийся под аркой городской железной дороги. Если Ольга пряталась в отеле с тех пор, как Тельма отправилась встречать его к тюрьме, то теперь она страшно голодна. И он заспешит к ресторану.

— Я хотел бы взять с собой несколько сэндвичей, — обратился он к девушке за стойкой. — Все равно с чем. Главное — побыстрее, я тороплюсь. Кроме того, кусок шоколадного торта и пол-литра кофе.

Девушка кивнула и крикнула в сторону раздаточной:

— Два сэндвича с ветчиной и два с курицей. С собой... с белым хлебом... и поживее. — Она вновь повернулась к Джексону: — Кофе с сахаром или со сливками?

— Сам не знаю. Дайте мне лучше пакетик сливок и сахар отдельно, смешаю на месте.

— Хорошо, — мило улыбнулась девушка. Она положила перед ним пачку сахара и сливок, налила кофе в пакет и уложила все в целлофановый пакет. Потом отрезала кусок шоколадного торта и завернула его в оберточную бумагу. Между тем подоспели сэндвичи, и она упаковала все вместе. Джексон быстро расплатился и вышел.

Люди уже начинали свой трудовой день. На стойке утренняя газета, и, когда в отель вошел Джексон, администратор как раз читал ее. На первой странице красовалась загорелая физиономия Джексона. Это фото было сделано после его отпуска, и с лица все еще не сошел загар. И тем не менее в отеле его никто не узнал. По мнению обывателей, убийцы встречаются только в газетах и телеспектаклях. Им нечего делать в четыре утра в отелях и ресторанах.

Отель был маленьким и очень современным. Молодей служащий за окошечком администратора изучал прессу. Джексон стряхнул снег с пальто и шляпы.

— Собачья погода, не правда ли? — заметил молодой человек. — Все уже решили, что наступила весна, но, как назло, опять повалил снег!

Джексон отложил в сторону свой пакет.

— Что верно, то верно. Я таскался к своим знакомым, но у меня сломалась машина. Могу ли я получить у вас номер, пропади все пропадом!

— Конечно. С ванной или без? — Служащий положил перед ним формуляр.

— Можно и без.

Джексон записался под именем Джона Корбета и дал свой последний адрес в Чикаго.

— Три шестнадцать, — с улыбкой произнёс молодой человек и протянул ему ключ. — Если не возражаете, задаток пять долларов.

Когда Джексон доставал деньги, на столе администратора неожиданно заговорило радио:

— Внимание! Внимание! Всем патрульным машинам... Повторяем...

— Я настроил его на полицейскую волну, — пояснил молодой человек. — Это чтобы быть в курсе всех дел. Кроме того, в наши дни так много происшествий в отелях... Гангстеры производят налеты сразу в пяти или шести отелях одного района. Вот таким образом и узнаешь, что творится вокруг.

Джексон положил перед ним двадцатидолларовую банкноту.

— Ну и что вы будете делать, если возникнет опасность?

— У меня имеется револьвер! — самоуверенно ответил тот, гордо глядя на Джексона.

Радио опять заквакало:

— Все патрульные машины получили приказ на розыск Харта Джексона. Он может оказаться в любой части города. Внимание: возраст тридцать пять лет, рост сто восемьдесят шесть, вес приблизительно сто семьдесят фунтов. Черные, тронутые сединой волосы, загорелый, чисто выбрит. Возможно ранение лица вследствие автомобильной аварии. Последнее время на нем было хорошо сшитое старомодное пальто с бархатными отворотами и светло-коричневый костюм.

Молодой человек дрожащими руками выложил сдачу перед Джексоном. Тот сунул правую руку в карман и оттопырил его.

— Ничего не поделаешь, парень.

— Да, — боязливо выговорил он и покосился на оттопыренный карман Джексона. — Что вам от меня нужно? Деньги?

Джексон качнул головой.

— С тобой ничего не случится, если не надумаешь разыгрывать из себя героя.

У юноши был такой вид, что стало ясно: делать этого он не собирается.

— Да что вы, сэр!

Джексон взял сдачу и пакет.

— На каком этаже находится прачечная?

— На третьем.

— Осмотрим ее вместе.

В маленьком помещении прачечной Джексон приказал молодому человеку лечь животом на пол, затем связал ему руки и ноги и достал с полки большой пакет.

— Ты мне понравился, парень, но я вынужден закрыть тебе рот. Но то, что я говорил внизу, остается в силе. Не вздумай что-нибудь выкинуть, какую-нибудь штучку. Если ты спокойно пролежишь здесь полчаса, то с тобой ничего не случится.

Джексон запер дверь снаружи. Снова оказавшись в холле, он обнаружил, как сильно он вспотел, и подумал, что совсем не годится в гангстеры. Он вытер пот таким же мокрым рукавом пальто, и пешком стал подниматься на пятый этаж.

Номер 410 находился в конце коридора в передней пристройке. Дверь была белой и

сливалась со стеной. Джексон поискал глазами красную сигнальную лампочку запасного выхода. Она оказалась как раз над его головой. Возможно, барменша была не так внимательна, когда по радио передавали его приметы. К тому же у него на пятках сидели Монах и Эванс.

Он быстро прошел по коридору и тихо постучал в дверь нужного номера.

Дверь сразу же отворилась.

— Я уже думала, что ты никогда не придешь, — сказала Ольга. Потом она заметила, что это не Тельма, и заплакала.

Джексон внимательно смотрел на плачущего ребенка. Светленькие волосы заплетены в косы. Пухленькое маленькое тельце облачено в пижаму. На веснушчатом личике следы пудры и румян. Несмотря на разницу в возрасте, сходство с Тельмой было поразительным. Это могла быть только ее сестра.

Джексон вошел в номер и запер дверь.

— Не плачь, малышка, — ласково проговорил он. — Все в порядке. Я от Тельмы.

Он бросил пакет с едой на кровать и присел на корточки перед ребенком.

— Ну, а теперь высморкайся, Ольга.

Девчушка послушно высморкалась, но опасение еще не сошло с ее прелестного личика.

— Как ты меня нашел и откуда ты знаешь, что я Ольга?

— Я же сказал, что пришел от Тельмы.

Ольга опять заплакала.

— А почему она не пришла сама?'

— Она не смогла.

Ольга была усталой, голодной и испуганной.

— А откуда я знаю, что ты не злой?

Харт огляделся.

— Ты здесь одна, крошка?

Ольга кивнула.

— Уже два дня. И нечего поесть. — Она выглядела маленькой и очень несчастной. Ольга снова всхлипнула и показала движением головы на большого плюшевого зайца, сидящего на стуле. — И я разговаривала только с ним.

Джексон улыбнулся зайцу.

— Добрый день, зайчонок!

— Добрый день, Харт, — ответил зайчонок. — Какая неожиданность, что мы встретились!

Ольга уставилась на Харта, потом на зайчонка и даже попыталась улыбнуться.

— Это ты сам сказал, — промолвила она с упреком. Харт энергично закивал. — Конечно, игрушки не умеют разговаривать, даже зайцы.

— Да что ты говоришь? — рассмеялся Харт.

Слезы на ее лице сразу высохли. Она даже взвизгнула от удовольствия.

— Попробуй еще раз!

— Может быть, попозже, — улыбнулся девочке Харт. Он присел на край кровати и посадил Ольгу на колени. — Послушай, малышка, меня прислала к тебе Тельма, и ты должна мне доверять.

Голубые глаза Ольги серьезно смотрели ему в лицо.

— Но почему она не пришла сама?

— Не получилось, — уклончиво ответил Джексон, — поэтому я и пришел.

В голубых глазах Ольги вспыхнул лучик надежды.

— Так ты тот большой брат Тельмы, которого она хотела найти?

— Да, это я, — серьезно ответил он.

— Да, это он, — подтвердил зайчонок. Ольга радостно захлопала в ладоши.

— Он снова заговорил. Это ты его заставил заговорить.

— Меня никто не заставлял, — оскорбленно заметил зайчонок. — Мне никто не может приказывать.

Джексон раскрыл пакет с едой.

— Ты долго находилась здесь с зайчиком, Ольга?

— Два дня и две ночи... И я так хочу есть... — Ее глаза вновь подозрительно покраснели. — Очень некрасиво, что Тельма так надолго оставила меня. Даже если она и пошла искать большого брата. — Ее маленькое тельце затряслось от рыданий.

— Ну, будь хорошей девочкой, — донеслось со стула, где сидел заяц. — И как только такая большая девочка может плакать?

Ольга перестала всхлипывать и улыбнулась.

— Как это у тебя получается?

— Я тебе расскажу, если ты будешь хорошо себя вести, — пообещал Джексон.

Но Ольгу слова Джексона убедили не до конца.

— А почему она так долго искала большого брата?

— Ну-у, — словно извиняясь, сказал он, — хорошего и большого брата не так-то легко найти. Они ведь на деревьях не растут. — Он вынул сэндвич с курицей, — Но прежде мы с тобой покушаем.

Он поставил пакет с кофе на ночной столик.

— А здесь кофе.

Ольга жадно набросилась на сэндвич, запивая его кофе прямо из пакета. Потом она обнаружила торт и жадно протянула к нему ручки.

— Это потом, когда съешь сэндвич.

Малышка беспокойно зашевелилась на его коленях и бросила на него недовольный взгляд.

— Ты говоришь так же, как Тельма.

Джексону было приятно держать девочку на коленях. Он легонько прижал ее к себе.

— Это самый лучший комплимент, который ты могла мне сделать.

— Тебе нравится Тельма, да? — радостно спросила она.

— Очень.

Ольга послушно доела сэндвич.

— А теперь можно пирожное?

— Конечно, как договорились.

Джексон допил кофе и взял один из сэндвичей, в то время как Ольга уплетала пирожное. Теперь он обнаружил, что и сам голоден. После завтрака в тюрьме у него в желудке ничего не было.

Когда Ольга покончила с пирожным, он принялся за второй сэндвич.

— Как на пикнике! — радовалась Ольга.

— Только муравьев нет, — поддакнул Джексон.

Он посадил девочку на кровать, смочил в ванной полотенце и смыл пудру и румяна с ее личика. Веснушки проступили более явно, и это сделало ее еще больше похожей на Тельму. Он бы с удовольствием задал ей несколько вопросов, но необходимо было прежде всего забрать ее из отеля. В любой момент в номере могли появиться Флип или полиция.

— Ну, а теперь одевайся, малышка, — приказал он.

Ольга захлопала в ладошки.

— Мы поедем к Тельме!

Джексон увильнул от ответа.

— Возможно, но попозже. — Он взял со стола ее голубые лыжные штанишки и маленькую голубую курточку. — Вот, будь хорошей девочкой и одевайся.

— Это мы купили в Шелби у деревенского торговца. Там же живут мой дядя Джон и тетя Сони. Но теперь тетя Сони умерла и дядя послал меня к Тельме. Но я потеряла адрес, который миссис Виллис сунула мне в карман пальто. Еще не села в автобус, а уже потеряла, — Ольга болтала не умолкая. Она была рада, что рядом с ней находился человек, с которым можно поговорить. — Но я не испугалась. Ну, не очень испугалась, потому что Тельма написала письмо тете Сони, до того как она умерла, тетя Сони, конечно. Она писала, что поет красивые песни. И я спросила одного полицейского, где это находится, он мне все рассказал

и я направилась прямо туда. Тельма мне очень обрадовалась, прижала к груди и поцеловала. — Девочка внезапно стала серьезной. — А потом пришла беда, и мы с Тельмой убежали.

Джексон, который как раз застегивал сапожок на ноге девочки, выпрямился.

— Это с тобой случилось беда, малышка?

Она покачала головой.

— Я пообещала Тельме, что никому об этом не скажу. Никому! Я дала ей честное слово.

Джексон не стал настаивать и продолжал одевать девочку.

А Ольга опять заплакала.

— И я обещала Тельме, что никуда отсюда не уйду, пока она не придет. Но ты сказал, что я должна одеваться, а ведь когда Тельма придет, она не будет знать, где я.

— Не беспокойся, — сказал зайчик.

— Сам не беспокойся! — разозлилась девочка. — Я даже звонила в клуб Вели и там какой-то злой дядя, с которым работала Тельма, не захотел позвать ее к телефону.

— Ты звонила в клуб? — резко спросил он. Девочка кивнула.

— Но я не сказала ему, где я нахожусь. Ох, он и разозлился!

— Понятно, — заявил Джексон. Он надел на Ольгу курточку и застегнул пуговицы.

Картина начала проясняться. Дело было сложнее, чем он полагал. Тетя, у которой жила Ольга, умерла, и дядя отправил девочку к Тельме. Ребенок потерял адрес и направился прямо в клуб, и там увидел то, что дало основание Флипу Эвансу бояться ребенка. Но прежде чем Флип успел что-либо предпринять, Тельма схватила ребенка и исчезла. Что бы это ни было, но маленькая девочка не доросла до таких вещей. А Тельма была готова на все, она даже не побоялась отдать руку каторжнику, лишь бы иметь хоть какую-то защиту для себя и сестры.

Пока что все ясно. Что и как случилось потом, он узнает позднее, когда Ольга разговорится. Но в данный момент мини-копия Тельмы была напугана и так хотела спать, что спрашивать ее о чем-нибудь было бесполезно.

Ольга храбро боролась со слезами, но они тем не менее капали.

— Я хочу взять с собой моего зайчика, — всхлипывала она.

Харт взял зайчишку со стула и передал ей. Она начала гладить его.

— Пошли, куколка, ты ведь уже большая, — утешал ее Джексон. — Такие большие девочки не плачут.

Да, не так-то это просто — быть большой девочкой. В номере было душно и неприятно пахло. После сытной еды она не могла разомкнуть глаз. С трудом взглянув на Джексона, она укоризненно сказала:

— Это ты все делаешь. Зайчик никогда не называет меня куколкой. Это все ты.

— А теперь выслушай меня, девочка, — начал он, но сразу умолк и подошел к окну. Он вдруг услышал, как хлопнула дверь автомобиля.

Он немного приподнял жалюзи и выглянул наружу.

На заснеженном тротуаре стояла черная машина. Около нее толпились четыре человека. В одном из них он узнал Монаха. Его рука висела на перевязи. Все четверо дружно направились ко входу в отель. Услышав вой полицейской сирены, они остановились. Патруль был еще далеко, и вообще неизвестно, куда направляется полицейская машина.

Джексон вновь посмотрел вниз. Машина стояла на том же месте, но четверка уже исчезла.

Глава 8

Джексон прижал к себе полусонного ребенка вместе с зайчиком и подошел к балконной двери, служившей одновременно и выходом на пожарную лестницу. К тошноте, все еще не оставившей его, прибавилась боязнь за ребенка. Сумеет ли он спуститься с девочкой по этой лестнице?

Металлические прутья были холодные. К тому же на них лежал снег. На втором этаже он поскользнулся и чуть было не свалился вниз. Ручки Ольги крепко обвивали его шею.

— Почему мы не спускаемся по настоящей лестнице?

— Потому что в отеле злые люди.

Несмотря на холод, на лбу Джексона выступил пот. Он еще сильнее прижал к себе девочку.

— Мы идем к Тельме?

— Может быть, если ты будешь хорошо себя вести.

Джексон осторожно поставил ногу на последнюю ступеньку. Ему оставалось лишь надеяться, что шарниры не заскрипят, когда он перенесет тяжесть своего тела со ступенек на мостовую. К счастью, механизм работал безотказно да и снег глушил звуки. А о том, чтобы поставить караульного у задней стены отеля, Монах не догадался. На мгновение Джексон остановился и: взглянул вверх: пока все спокойно.

Совсем близко раздался вой полицейской сирены. В нескольких шагах от ворот, выходящих на улицу, Джексон осмотрелся и заметил машину, стоявшую у гостиницы. Это была та самая машина, которую Монах и Флип использовали для нападения на него и Тельму. В машине никого не было. Вероятно, Флипу не терпелось поскорее заполучить Ольгу. Вся четверка находилась в здании.

Джексон осторожно заглянул в холл. Хорошо одетый гангстер, которого Джексон раньше не видел, стоял у конторки администратора и просматривал формуляры. Монаха и двух других не было видно. Он решил, что они отправились опрашивать служащих отеля. Да, какое-то время они его еще поищут.

Джексон хотел перейти широкую улицу, но вдруг заметил мигалку полицейской машины и тотчас же свернул в темную подворотню.

Машина остановилась перед рестораном на другой стороне улицы. Выходит, барменша оказалась не такой уж душой. Она его опознала и, как только он вышел, известила полицию. К несчастью, она вероятно, заметила, что он вошел в отель.

Свободной рукой Джексон вытер пот со лба. Сейчас полицейские войдут в отель, и маленькая, дружеская встреча с Монахом на некоторое время задержит их. Зато потом они вызовут по рации подкрепление и оцепят всю местность, прочешут ее, и каждому, кого они схватят, придется потрудиться, чтобы доказать свою личность. И никакие трюки не помогут ему тогда выбраться из района. А если полиция снова засадит его за решетку, пути назад ему не будет. Один бог знает, какие небылицы расскажет им Монах о происшествии в такси. И кроме раненной Тельмы у него на счету будет еще два убийства — адвокат и водитель.

Джексон прижал малышку покрепче.

— Что же ты видела в клубе, малышка? Почему Тельма должна была убежать оттуда?

В ответ он услышал лишь ровное дыхание спящего ребенка. Он взглянул на ее прелестное личико. На длинных ресницах блестели слезы, но она крепко спала.

Джексон посмотрел на зайчика, которого крепко прижимала к себе Ольга. «Ну, что будет теперь?» — казалось, спрашивал он.

— Мне кажется, лучше всего побыстрее отсюда смыться, — ответил ему Джексон.

Он прошел по снегу, который доходил ему уже до щиколоток, обошел черную машину и открыл дверцу. Ключ от зажигания был на своем месте. Он влез в машину, осторожно положил девочку на переднее сиденье, посмотрел на освещенную дверь отеля и окна ресторана. Что сейчас происходит в ресторане, он не мог видеть. Но в холле появились Монах и Эванс, которые волоком тащили молодого администратора.

У того обильно текла кровь изо рта и носа, но он энергично качал головой. Он тоже слышал вой полицейской сирены и решил, видимо, придержать язык. Джексон видел, что он пытается освободиться от своих мучителей, видел он и то, как Монах ударил его рукояткой револьвера по голове.

Джексон завел машину и медленно тронулся. В этот момент полицейские покинули ресторан. Наверняка сцена между полицией и гангстерами получится забавной. Монаху будет сложно найти подходящее объяснение по поводу своего появления в отеле.

В трех кварталах от отеля Джексон зажег фары и свернул к югу, к Лупу. Ему необходима другая одежда. В том, что была на нем сейчас, его сразу же узнают. А потом он должен исчезнуть, отвезти Ольгу в безопасное место, завоевать ее доверие и узнать, что же произошло в клубе Вели. Это был ключ ко всем событиям и к Эвансу.

В любом случае нужно было спешить, так как уже начинало светать. Он вел машину одной рукой, придерживая другой маленькое тельце девочки. Джексон вдруг ядовито ухмыльнулся. Вчера приблизительно в это время он сидел в тюрьме, уже вымытый и одетый, и ждал звонка будильника. Вчера вечером он был еще неженатым арестантом, который ждал, когда его, посаженного за решетку за убийство, которого он не совершал и за которое отсидел семь лет, выпустят на свободу. Лишь одна мысль владела им тогда: прикончить Эванса. Теперь он был женат и имел семью — жену-блондинку и приемную сестру.

Он повертел ручку приемника. Если машина принадлежит Эвансу, то приемник, скорее всего, настроен на полицейскую волну. В самом деле, акция в отеле на Логан-сквер была в разгаре.

— ...машина 26 и 32 докладывают, что прибыли на Логан-сквер. Здесь лейтенант Мак-Крини... Говорим из Логан-отеля, находящегося напротив трамвайного кольца... Машина 19 сообщает в центр...

Джексон повернул еще южнее. То здесь, то там вспыхивали в ночи рекламы отелей и

ресторанов, но большинство питейных заведений уже успело выкачать из своих клиентов все, что могли, и теперь погрузились в темноту. Под ровным и белым снежным покрывалом улица казалась чистой и прямой.

Джексон остановил машину перед лавкой старьевщика, где он заложил чемодан и часы. Какое-то время он неподвижно сидел за рулем, уставившись в темную витрину. Старик жил в маленькой задней комнате. Это он узнал еще до того, как впервые пришел сюда приобрести револьвер. Между магазинчиком и комнатой был узкий проход.

Джексон проехал еще один квартал и остановился. Потом он взял на руки малютку и вернулся назад, к проходу. К домику он подошел теперь с задней стороны. Ольга тихо сопела во сне, как котенок, и не проснулась, когда Джексон постучал в черную дверь лавки.

Мгновение царила тишина, а потом послышался голос старика:

— Сюда никто не войдет! Убирайтесь!

Джексон постучал снова.

За спущенными жалюзи замигал свет, и дверь, придерживаемая цепочкой, приоткрылась на дюйм. В щели показалось морщинистое лицо старика.

— Что это значит? Я же сказал, чтобы вы убирались!

Рослый человек со спящим ребенком на руках покачал головой.

— Не могу.

— Ах, это опять вы.

— Да, это опять я.

— Что вам нужно?

— Переодеться. Кроме того, мне нужен новый револьвер.

— Сожалею, но ничем не могу вам помочь, — решительным тоном заявил старик.

— Если я сообщу копам, что вы продали мне револьвер, вам придется пожалеть о своем отказе. А если я доведу это до ушей Флипа Эванса, то тогда и сожалеть будет не о ком. Все остальное зависит от вашей фантазии.

Старик гневно выругался:

— Грязная собака! Сука!

Зайчик в руках Ольги наклонился вперед и сунул красный нос в щель:

— Ты, может, и прав, старик, но если хоть что-нибудь соображаешь, то все-таки откроешь дверь грязной собаке и суке.

На того не очень-то подействовали слова зайчика.

— А если не открою?

— В таком случае Джексон все равно переступит этот порог, хотя и с трудностями, — угрожающе ответил заяц.

Дверь закрылась, и загремела цепочка. Потом дверь снова открылась, и Джексон вошел в холодную захлавленную комнату. Раньше он надеялся хоть на короткое время спрятаться в ней, найти здесь прибежище. При первом своем визите, когда ему прежде всего надо было достать оружие, он не заметил, насколько она запущена, да и сам старик такой же. Нет, он не мог оставить тут Ольгу.

Старик теребил пуговицу на куртке, которую он набросил на грязное нижнее белье.

— Так всегда бывает, когда окажешь человеку услугу. — Он был напуган до такой степени, что руки его тряслись. — Я читал, что пишут о вас в газетах. И по радио объявили розыск. Вы хоть представляете, что будет, если вас застанут здесь копы?

— Да, вы попали в чертовски сложный переплет, — посочувствовал ему Джексон.

— И что вы теперь хотите от меня?

— Одежду и револьвер.

— Бесплатно?

— Нет, за тряпки я заплачу наличными.

— Ну, что ж, — смилостивился старик, — если вы так говорите...

Джексон бросил свою шляпу на стол, уставленный грязной алюминиевой посудой.

— Мне нужна темная шляпа. Неважно, как она будет выглядеть, черт побери! — Ему не хотелось класть Ольгу на грязную кровать. Наконец он снял с себя пальто, расстелил его на кровати и положил на него девочку. — И одежда, но не черная. Я предпочел бы кожаную, куртку. — Он назвал свой размер.

— Надо взглянуть, что там у меня есть, — нахмурился старик. Он прошел в чулан и некоторое время копался в нем.

Джексон терпеливо ждал. Он закурил сигарету и долго смотрел на смятую постель и на лежащего на ней ребенка. Как же ему завоевать доверие Ольги, черт возьми? Он должен знать, почему так боится Эванс этого ребенка. Что она видела в клубе? Ведь обычно Флипу наплевать, что о нем думают копы.

Старик вернулся с широкополой шляпой и поношенной курткой. Джексон переоделся и бросил взгляд в тусклое зеркало. Да, теперь он значительно изменился. От трудной лагерной работы лицо потемнело и огрубело. Теперь он был похож на фермера, пригнавшего в город стадо.

— А как с револьвером?

Из кармана своей занюханной куртки старик достал, автоматический «кольт».

— За все двести долларов.

Джексон вынул изо рта сигарету:

— Не слишком ли много?

Старик пожал плечами.

— Если учесть риск, то это даже мало. Если полиция узнает, что я продал револьвер... — Старик еще раз пожал плечами и смолк.

Джексон отсчитал двадцать десятидолларовых банкнот из пачки, которая все уменьшалась. Но сейчас ему было не до денег. Его разыскивала полиция, искал Эванс. В ближайшие часы он должен принять важное решение. Он вытащил из револьвера магазин, чтобы проверить, заряжен ли он, и сунул его обратно.

— И не вздумайте приходиться ко мне снова, — предупредил старик. — Все равно не пуцу.

Джексон поднял Ольгу с кровати и вышел. Старик со скрипом закрыл за ним дверь. В переулке между домами было темно, как в глубоком колодце. Колючие снежинки били в лицо. Да, ребенка надо куда-то пристроить. Но вот куда?

На удаленной от центра улочке ветер дул еще сильнее. Джексон прошел мимо машины, которую он позаимствовал у Логан-отеля. Он пытался представить себе, как будет действовать его противник. Флип богат и пользуется влиянием. Но умным его не назовешь, так же как и Монаха. Если они обнаружат машину, то вряд ли предположат, что Джексон находится где-то поблизости. Наоборот, они подумают, что он скрылся от машины как можно подальше.

В нормальных условиях он так бы и поступил, но с маленькой девочкой на руках он не мог ткнуться ни в отель, ни в пансионат. Его бы сразу засекли, тем более, что у него не было даже багажа.

Он почувствовал, что замерзает. Каждую секунду возле него могла остановиться патрульная машина» завывающая сиреной.

Джексона бросило в жар. Вот на этом тогда его игра, и закончится. Револьвер в кармане упрячет его в тюрьму на весь оставшийся срок. Если же умрет Тельма, дело обернется еще хуже. Ему припишут также смерть водителя и Дисмонда. Если он даже избегнет электрического стула, то что будет с Ольгой.

Если бы он знал адрес хотя бы той молодой проститутки, которая с ним заигрывала в баре. Может быть, за тридцать долларов он смог бы провести у неё остаток ночи. Возможно, что она приняла бы его с удовольствием — без взаимной услуги с его стороны.

Тут ему пришла в голову еще одна мысль. За полквартила от него перед красной вывеской «Отель» таксист высадил какого-то пьяного, и тот нетрезвой, походкой направился к дверям. Такси продолжало стоять с включенным счетчиком.

Джексон остановился перед дверью. Отель находился на втором этаже. Из холла наверх вела довольно чистая: лестница. Он толкнул дверь и вошел. В воздухе висел: запах дешевых духов и дезинфекции. В назначении этих апартаментов можно было не сомневаться.

Он переложил Ольгу на правую руку и поднялся по лестнице. На втором этаже находился маленький холл. Пьянчужку как раз вела по лестнице какая-то энергичная девушка в прозрачном платье. На софе, за узорчатым письменным столом, сидела миловидная красноволосая молодая женщина. Рядом с ней пристроился мужчина с суховатым лицом. Из одной комнаты, дверь в которую была открыта, доносился вызывающий женский смех.

Женщина удивленно взглянула на Джексона.

— Вот такого я никогда не ожидала, — сказала она. Джексон спокойно прошел по холлу, посадил Ольгу на письменный стол и обратился к мужчине:

— Мне бы хотелось снять комнату для себя и своей малышки. Не очень дорогую, если можно. — Придав нерешительность своему голосу, он извиняюще добавил: — Я прибыл из Эймса со стадом скота и уже справлялся в соседних отелях, но они требуют за ночлег девять

долларов. А я увидел ваш отель и решил попытать счастья здесь. — Он смущенно улыбнулся. — Долларов пять-шесть я готов заплатить. — Он прижал к себе Ольгу. — Самое главное, чтобы ребенок побыл в тепле хоть несколько часов.

Плюшевый зайчик выпал из рук девочки, она снова прислонилась к его кожаной куртке и уснула.

— Прошу извинить меня, мистер, — человек за столом покачал головой. — Вы же понимаете...

Женщина с красными волосами приподнялась, чтобы поднять упавшего зайчика.

— Ты слышал, Чарли, что сказал этот человек? Предоставь ему комнату.

Тот запротестовал:

— Но стоит ли, Стелла?

— Кто тут хозяин? — перебила она.

— Ты. В какой номер?

— Дай ему 101-й номер за четыре доллара.

Мужчина пожал плечами и начал рыться в столе в поисках регистрационной карточки. Найдя ее, он положил бланк и карандаш рядом с Джексоном.

Должен ограничиться карандашом, уважаемый. Шариковые ручки кончились.

В регистрационной карточке Джексон написал следующее: Джим Берроуз и дочь Эймс из Иллинойса, Руланд Роу, 3.

Красноволосая закрыла дверь в комнату, из которой доносился женский смех, потом задумчиво и немного печально посмотрела на Ольгу.

— У вас симпатичная дочка, мистер.

— Наша гордость, — заметил Джексон. В маленьком холле было душно. Она погладила Ольгу по голове.

— Сколько ей?

— Прошлый месяц отпраздновали семилетие, — гордо проговорил Джексон. — Поездка сюда была для нее, праздничным подарком. — Он положил на стол четыре бумажки и приложил два пальца к полям шляпы. — Большое спасибо, мисс, от нас обоих. Очень мило, что вы о нас побеспокоились.

Женщина вложила в руки Ольги зайчика.

— Не стоит благодарности. Спокойной ночи.

Джексон взял ключ.

— Первая дверь слева, — подсказал мужчина.

Джексон закрыл за собой дверь. Окна комнаты выходили на Кларк-стрит. Комната была широкая и просторная и предназначалась, видимо, для богатых гостей. Джексон положил спящую девочку на кровать, снял с нее пальто, стянул сапожки и штаны. Потом уложил ее

между двух подушек, поцеловал в лобик и снова подумал, как здорово она похожа на сестру.

Ольга зашевелилась во сне, но не проснулась. Джексон выключил верхний свет и уселся на край кровати, поглаживая ее плечи и волосы, пока она не задышала ровнее.

Неоновая вывеска перед отелем окрасила комнату в розовый цвет. Когда он убедился, что Ольга спит, закурил сигару, которую до сих пор перекачивал во рту, подошел к окну и выглянул наружу.

Проезжавшая по дороге патрульная машина оставила на снегу глубокий след. Другая машина остановилась за такси на краю тротуара. Из нее вышли три парня и подошли к двери отеля. Вскоре из холла донеслись женский смех и веселые возгласы. Он услышал, как красноволосая заявила:

— Конечно, я же нахожусь на работе, мое сокровище. Джексон взволнованно посасывал сигару, держа руку за подоконник. Ему было трудно сосредоточиться. Если бы он знал, что Тельма жива и что именно видела в клубе Ольга! Если бы, если бы, если бы все было по-другому! Если бы он встретился с Тельмой до того, как она полежала под толстым Эвансом! Джексон взял плюшевого зайчика со стула, на котором он лежал.

— Что скажешь о нашем положении, зверек?

Зайчик нагнулся вперед и взглянул на улицу.

— Дело сложное, Харт.

Джексон выпустил дым к потолку.

Из холла донесся громкий смех. Зайчик повернул голову и осмотрел комнату, а потом снова повернулся к человеку с неподвижными губами, который заставлял его говорить.

— Пока нам здорово не везет, — высказал предположение зайчик. — Тем не менее я сомневаюсь, что Флип или полиция смогут нас выследить в дешевом отеле, где...

— Тс... — перебил его Джексон, — только не при девочке, мой дружок.

Зайчик поднес лапку ко рту.

— Извини, но ты понимаешь, что я имею в виду?

Джексон вытер нос со лба.

— Да, я понимаю, что ты имеешь в виду.

Глава 9

То ли вечерело, то ли, наоборот, рассветало — Джексон не мог сразу сориентироваться. Небо, которое он видел за домами, везде было одинаково серым. Затылок его затек. Он оторвался от подлокотника кресла, в котором заснул, и посмотрел на кровать. Когда он просыпался в последний раз, Ольга спала, но сейчас она уже сидела на кровати и пыталась заставить говорить зайчика.

Ольга улыбнулась ему и спросила:

— Ты спал?

— Наверное.

Джексон поднялся и посмотрел вниз на Кларк-стрит. Сейчас она выглядела не грешной, а просто дерьмовой. Пока он спал, по обеим сторонам улицы намело сугробы. Если судить по оживленному движению, вероятно, наступил полдень. Он подошел к двери и прислушался: в холле стояла тишина. Джексон снова присел на край кровати.

— Я опять хочу есть, — призналась Ольга.

Он провел рукой по подбородку. Игра в прятки началась снова. Здесь он не мог оставаться. Скотовод из Эймса, чей грузовик сломался на дороге, не мог долго оставаться в отеле сомнительной репутации. И из-за Ольги тоже. В конце концов рыжая кое-что скумекает и натравит на них полицию. С другой стороны, его арестует первый встречный коп, как только они с Ольгой среди белого дня выползут из этой норы.

— Я есть хочу, — повторила Ольга и плаксиво вытянула губки. — И ты обманул меня. Мы не пошли к Тельме.

Джексон потер затекшую ногу.

— Мы еще доберемся до нее, а сейчас я организую что-нибудь поесть.

Интересно, что произошло в Логан-отеле после его побега? А знает ли полиция, что там пряталась Ольга? Наверняка нет. После экзекуции над молодым администратором тот вряд ли рискнет раскрыть рот. А Монах наговорит с три короба, чтобы объяснить свое присутствие в отеле и не сказать правды.

Ольга нравилась Джексону все больше и больше.

Видно, ей тоже понравился ее новый родственник. Ее голубые глазки с интересом посматривали на него.

— А что я могу есть за завтраком?

Харт погладил зайчика.

— Все, — ответил тот, — если сперва скушаешь овсянку.

Ольге это понравилось, как и накануне вечером.

— Ты сам заставляешь говорить зайчика, — укоряюще сказала она. — Он не сказал мне ни слова, пока ты не проснулся.

Харт погладил ее по шелковистым волосикам.

— Послушай, малышка...

— Да?

— Тебе знакомо слово «важно»?

Она на мгновение задумалась и кивнула.

— Это то, что должно быть. Если дядя Джон хочет поиграть в карты, а ему надо работать на ферме, то это очень важно.

— Совершенно верно, — Харт подыскивал слова, чтобы не напугать девочку. — Для меня ва... для Тельмы очень важно, чтобы ты рассказала то, что ты видела в клубе.

Ольга с готовностью ответила:

— Я пошла туда потому, что потеряла адрес, который мне написала миссис Виллис.

— А потом?

Ольга серьезно продолжала:

— Там был человек в какой-то странной форме, как в театре. И он не хотел меня пускать. Тогда я сказала ему, что здесь поет моя сестра. Он велел мне подождать, но я не стала ждать. Когда он пошел открывать кому-то ворота, я просто вошла и стала искать Тельму.

— Так вот, значит, как это было?

Личико Ольги прояснилось.

— А потом я ее увидела. Она пела так красиво и вся была ярко освещена. А когда она закончила, люди стали хлопать в ладоши. И тогда я пошла мимо всяких столов в ту дверь, за которой исчезла Тельма. Там дальше был холл и много дверей. Я открыла одну, но там сестрички не было, а было что-то вроде конторки и стояли стулья из зеленой кожи.

Джексон провел рукой по подбородку. Если в клубе Вели за это время ничего не изменилось, то это был кабинет Эванса.

— И что же случилось дальше, малышка?

— Там стояли двое мужчин, — деловито продолжала она, — они ужасно кричали друг на друга. Обзывались ругательскими словами, совсем как дядя Уил на ферме, когда он за конюшней хотел побороть тетю Фло, но она оказалась сильнее, вырвалась и убежала. Дядя Джон говорит, что Фло здоровая, как кобыла. Ну, потом толстяк толкнул другого дядю и сделал с ним что-то страшное, и тот сразу свалился на ворсистый ковер. Его лицо залилось кровью. А потом толстяк увидел меня, выругался и хотел ударить. Но тут подбежала Тельма. Она слышала, как я закричала, и долго разговаривала с толстяком. Он и ее хотел избить, но она схватила меня и мы вместе убежали из клуба. А потом мы на такси поехали к ней на квартиру, взяли там деньги и вещи и поехали в отель, где ты меня нашел. Я обещала Тельме, что никуда оттуда не уйду, потому что люди толстого человека хотят меня отыскать и наказать. — Ольга начала тихо всхлипывать. — А потом она так и не пришла.

Джексон посадил ее к себе на колени.

— А что тот толстяк сделал с другим?

Она спрятала свое лицо у него на груди.

— Этого я тебе не могу сказать, — всхлипнула Ольга.

— Почему?

— Я пообещала Тельме, что никому об этом не скажу.

— Но мне-то ты можешь сказать. Тельма наверняка ничего не имеет против меня, — предпринял еще одну попытку Джексон.

Маленькая головка на его груди закачалась в разные стороны.

— Нет, я не могу этого сказать, — снова всхлипнула она. — Я обещала. Я дала честное слово, а его нельзя нарушать, иначе будет плохо.

Джексон еще сильнее прижал ее к груди. Не было смысла больше мучить девочку. Видимо, лишь Тельма сможет заставить ее рассказать все до конца.

— Ну хорошо, хорошо, крошка, — успокоил он ее. — Можешь мне ничего не говорить.

— Я очень хочу кушать, — снова пожаловалась она.

Джексон спустил ее с колен.

— Хорошо, как только ты оденешься, мы пойдем есть.

Ольга одевалась, а он расхаживал. Ясно было пока одно: звезда Флипа закатилась. Этот жирный, вонючий клоп попал в трясину. А Ольга и Тельма оказались опасными свидетелями. Тельма уже знала, что ее жизни угрожает опасность еще тогда, когда она приехала в Стейтвилл, чтобы встретить его. Тельма приобрела страховой полис на его имя и предлагала ему себя за безопасность сестренки только потому, что он был порядочным парнем и привык заботиться о своих близких.

Логика Тельмы была чисто женской, а образ мышления такой же примитивный, как у Ольги. Когда он принял на себя вину брата, он поступил как порядочный человек. И хотя он женился до того, как услышал все, но теперь он все равно будет чувствовать себя морально ответственным за сестру. Прохаживаясь по номеру, Джексон невольно улыбнулся. Все получилось несколько иначе. Тельма придумала эту катавасию со страховкой, чтобы он имел какую-то награду за все заботы, но пока он не получил ничего. И даже она сама, его молодая жена, была сейчас недосыгаема для него. Да, он развлекался бы с ней вовсю, уж он не дал бы ей покоя и отработал бы за все семь лет в одну ночь...

Увы! Пока он сидел на подоконнике и наблюдал, как сестра его жены натягивала на себя одежду. Но самое глупое заключалось в том, что он чувствовал себя обязанным по отношению к ней, как будто прожил с Тельмой несколько лет.

Мысли о прекрасной блондинке причиняли ему почти физическую боль. Ему стало стыдно, но этот стыд на изменил его чувств.

Он помог Ольге одеться и застегнул ей пальто. Может быть, он и придумает что-нибудь после того, как насосется кофе, и в большом количества.

Маленький холл пустовал. Все еще пахло дезинфекцией и дешевыми духами. Тем благотворнее подействовал на них свежий воздух. Рядом с маленькой закуской находился газетный киоск, в котором Джексон приобрел газету. После этого он зашел в закусочную.

Было более раннее утро, чем предполагал Джексон. Стрелки часов показывали без четверти одиннадцать. До обеденного наплыва посетителей время еще было. Он заказал для Ольги тосты и овсянку, а для себя кофе с тостами. Поднос с едой он отнес к одинокому столику в углу.

После этого он углубился в газету. Ему в глаза сразу бросились крупные буквы заголовка:

«ЗАГАДКА В ПРИГОРОДНОМ ОТЕЛЕ».

На этот раз на первой странице в центре красовалась фотография отеля. Отчет был еще более запутанным, чем он предполагал.

Согласно газетной статье, его опознала одна из официанток Логан-отеля, когда он покупал у

нее сандвичи. Она сразу же позвонила в полицию. Дежурный тут же направил туда патрульную машину и передал известие по радио. Мак-Крини, лейтенант, руководивший операцией, прибыл в полицейское управление буквально через несколько минут.

Джексона видели входящим в Логан-отель, но по прибытии полиции там его уже не оказалось. До этого он успел избить молодого администратора отеля. Газета напечатала фото избитого. Значит, Монах и его люди успели все-таки сделать свое грязное дело.

На одном из регистрационных формуляров значилось: Тельма Уинстон и ее сестра — номер 410. Но сестра, ее имя до сих пор не известно, вероятно, убежала с Джексоном. Служащий отеля отказался описать внешность девочки.

Дело показалось полиции еще более странным и запутанным, когда она задержала в отеле известного в определенных кругах Уотса и с ним еще троих подозрительных. Все четверо отказались давать какие-либо показания.

Джексон поразмыслил и еще раз перечитал отчет, но уже более внимательно. Подробно был описан его побег из следственной тюрьмы. Упоминалось, что незадолго до своего ареста Монах попал в автомобильную катастрофу неподалеку от тюрьмы. Погибли двое. Упоминания о том, что в машине находился Джексон, не было.

Этому имелось лишь одно логическое объяснение: под ногами Флипа Эванса была очень зыбкая почва. Они хотели захватить Джексона и выпытать все об Ольге до того, как его поймает полиция.

— Ты же ничего не ешь, — раздался голосок Ольги.

Джексон с трудом проглотил кусок тоста, чтобы успокоить девочку, и перевернул страницу. Там красовалось маленькое, видимо, найденное в старых архивах, фото Мак-Крини. На нем был он, его жена и девочка в возрасте Ольги. Подзаголовок гласил:

«Лейтенант Мак-Крини, ответственный за поимку убежавшего каторжника, сомневается в его виновности».

В статье говорилось, что Мак-Крини и его люди потратили на допрос Джексона несколько часов, но им так и не удалось поколебать обвиняемого в его фантастической версии, согласно которой он молниеносно женился на прекрасной певичке, которую прежде и в глаза не видел. В свете следующих событий лейтенант не считает эту версию такой уж и неправдоподобной. Джексон назвал ему двух преступников, но в настоящий момент лейтенант не считает нужным называть их имена публично.

Джексон развернул газету в другом месте и уставился на заголовок: «Покушение на убийство». Он сразу воспрянул духом. Дело идет не об убийстве, а о покушении, значит, Тельма жива. У Флипа под носом, конечно, тоже есть газеты, и надо полагать, он понимает, что надо устранить Ольгу и Тельму.

Джексон решительно поднялся. Их везде подстерегала опасность.

— Ты поела?

Ольга аккуратно вытерла рот и руки салфеткой, я взяла со стула зайчика.

— Знаешь что? Ты мне нравишься.

— Ты мне тоже нравишься. Я всегда мечтал о такой маленькой сестренке, как ты.

Он расплатился, купил несколько сигар и быстро направился по Кларк-стрит к большой

черной машине, которую они оставили там накануне.

Джексон пытался мыслить логически. Если верить газетам, Монах заставил молодого администратора взвалить всю вину на Джексона. А правду относительно своего визита в отель, разумеется, утаил. И если Монах все еще сидит в камере, то скорее всего он не успел сообщить о черной машине, ведь его увезли на патрульной. И эта машина, возможно, еще не внесена в список угнанных. Полиция искала его, но имя Ольги им еще не было известно.

Он внимательно осмотрел машину. Вокруг нее все выглядело довольно безобидно. Наконец он решил, что она не опасней такси или другого средства передвижения.

Ольга любопытствовала:

— А куда мы теперь?

— К Тельме.

Глава 10

Становилось теплее. Видимо, весна решила недвусмысленно показать, что ее время пришло. С юга подул ветер, серые облака расползлись и появилось солнце.

Грязные снежные сугробы по обе стороны улицы начали оседать. В канавах зажурчала вода. На неубранных тротуарах снег превратился в грязное месиво.

«Может быть, это признак?» — подумал Джексон.

Ехал он медленно и аккуратно, соблюдая все правила уличного движения. Ему было приятно вновь очутиться в Чикаго. Этот город был похож на женщину: то жаркий, то холодный, то мрачный, то страстный, с часто меняющимся настроением, но тем не менее постоянно остающийся молодым, волнующим и прекрасным.

Он остановил машину в трех кварталах от большого, почти фантастического по своим размерам комплекса Хаунти-госпиталя. Какое-то время он неподвижно сидел в машине. Его рука лежала на рукоятке револьвера. Но к машине никто не приближался, никто не остановился позади него, не было слышно полицейской сирены. Судя по всему, за ними никто не следил.

Джексон вышел из машины и помог Ольге вылезти. Как и все дети, она сразу же пожелала влезть в снежную кучу. Она могла промочить ноги, и, кроме того, он очень спешил. Он обошел машину.

Джексон внимательно рассмотрел себя в ветровом стекле и нашел, что его шляпа и куртка годились для маскировки лучше, чем хороший тайник. Его пальто стоило когда-то двести долларов, а за куртку не дали бы и десяти. С обросшей физиономией и девочкой на руках он выглядел настоящим фермером Джимом Берроузом из Эймса, штат Иллинойс.

В больнице в комнате для посетителей толпились озабоченные родственники — мужчины и женщины. Всех их объединяло только одно: здесь страдал человек, которого они любили.

— Это и есть больница? — прошептала Ольга.

— Да, это и есть больница.

Теперь, когда он был у цели, он не знал толком, что предпринять. Джексон влился в поток посетителей.

— А Тельма тоже здесь? — тихо заплакала Ольга. — Значит, ей сделали больно?

Джексон похлопал ее по маленькой круглой попке.

— Не очень. Правда, сначала ей было немножко больно, вот поэтому она и не смогла сама к тебе прийти. Но она скоро поправится, и ты встретишься с сестричкой.

— Правда?

Она перестала плакать, и в ее детском голосе прозвучали гневные нотки.

— Кто ее обидел? Кто? — Поскольку он находился в нерешительности, Ольга добавила: — Наверное, это тот толстяк, который ругался с мужчиной с белыми волосами.

Джексон затаил дыхание. Он надеялся, что она произнесет что-нибудь еще, но вместо этого она заплакала, и ему пришлось успокаивать ее ласковыми словами и нежным поглаживанием. Держа ее на руках, он испытывал какое-то необъяснимое чувство. Теперь, когда он законный муж Тельмы, Ольга тоже его родственница и частица семьи.

Наконец Ольга успокоилась и решительно вытерла слезы.

— Наверняка это был он.

— Кто?

— Противный жирный толстяк. Это он сделал Тельме больно. Он и от меня что-то хотел, и, если бы мы не убежали, он бы и мне сделал больно.

Вместе с другими посетителями они с Ольгой шли по длинному крашеному коридору, совершенно не представляя, где им искать Тельму. По ходу они заглядывали во все палаты. В то же время он постоянно думал о последних словах девочки.

То, что Ольга появилась в клубе Вели неожиданно, он уже понял. Вероятно, это было поздно вечером, поскольку Тельма уже заканчивала свое выступление, да и швейцар не хотел впускать девочку. И вот в поисках Тельмы Ольга набрела на кабинет Флипа Эванса как раз в тот момент, когда между Флипом и седовласым господином разгорелся спор.

Со слов Ольги он понял, что у второго спорщика были седые волосы. Флип ранил его, а может быть, и вообще прикончил. Он сразу же понял, чем ему может грозить свидетельство маленькой девочки. Толстяк в панике пытался склонить Ольгу к молчанию, но только напугал ее. Она закричала, и на этот крик прибежала Тельма, после чего они вместе скрылись. С этого момента Тельма стала искать помощи на стороне. Она знала, что у Харта Джексона есть причины ненавидеть Флипа, и она решила найти повод встретиться с ним.

Разгневанная Ольга выдала еще одну важную фразу.

— Если бы у меня было большое ружье дяди Джона, которое стоит за кухонной дверью, я бы застрелила этого толстяка, так же как он того, другого.

Джексон не решился спросить, как звали того, другого. Ведь она могла случайно услышать его имя. Но Ольга дала слово ничего не рассказывать об этом. А затем его вдруг осенило. Ну, конечно же, это Филмер Пирс, который пропал несколько дней назад. У него были белые волосы и привычка вечно болтаться в клубе Вели. Еще до того как Джексон угодил в тюрьму, этот старый плейбой постоянно болтался там, приударяя за молоденькими девушками. Если

Флип действительно убил Пирса, то легко можно было понять его беспокойство. Против миллионера Пирса не выстоит ни один владелец клуба, какое бы политическое влияние он не имел.

В коридоре стоял телефон-автомат. Джексон усадил Ольгу на скамейку, полистал телефонную книгу и, опустив монету, набрал номер АК-3-4300.

— «Сан-Таймс», — послышался голос в трубке.

— Соедините меня с редакцией местных новостей, — попросил Джексон и, когда в трубке раздался мужской голос, спросил: — Вы не могли бы мне сказать, нашли ли уже Филмера Пирса?

Человек на другом конце линии громко рассмеялся:

— О, он снова воскрес из мертвых!

— Вы... это точно знаете?

— Конечно. Мы сообщаем об этом в ближайшем выпуске и помещаем фото его очередной невесты. Сегодня утром Пирс позвонил из Флориды своему адвокату и попросил прекратить его поиски. Судя по всему, этот Дон-Жуан опять напоролся на какую-то багетную потаскушку. На этот раз ее зовут Элис Виллер. Она из клуба Вели. — Редактор вновь рассмеялся. — Адвокат сообщил, что старик был пьян до чертиков. К тому же он заявил, что внимание к его личности мешает ему проводить медовый месяц. Сколько у него их уже было? Восемь или девять?

— Да-а... не повезло, — разочарованно протянул Джексон.

Редактор почуял сенсацию.

— Что-то вас это не обрадовало.

— Так оно и есть.

— Может, вы сами втюрились в эту куколку Виллер?

— Нет, у нее кривые ноги и отвислый зад. Желаю вам хорошенько провести время. — Джексон повесил трубку и сунул в рот сигару.

— Мы же хотели идти к Тельме, — плаксиво напомнила Ольга.

Он снова взял ее на руки.

— Вот теперь мы и пойдём к ней.

Но он остался стоять у автомата. Бродить по коридорам, не зная, где она лежит, было бессмысленно. Закончится время посещения, а они так и не найдут ее. Надо бы кого-нибудь спросить, черт их побери!

В конце коридора служитель загонял в грузовой лифт тележку с остатками пищи. Джексон подошел к нему. Голос его прозвучал нерешительно и даже просительно. Он сказал, что его зовут Джимом Берроузом и что приехал он из Эймса. Не может ли санитар ему немного помочь?

Тот взглянул на него и Ольгу и улыбнулся.

— С удовольствием, если смогу. Что вы хотите узнать?

— Я уже справлялся внизу, — слукавил Джексон, — но, похоже, заблудился.

— Какое вам нужно отделение?

— Вот этого-то я и не знаю. Нам нужна мисс Уинстон, в которую вчера стреляли.

— Вы имеете в виду певицу из клуба, которая вышла замуж за каторжника?

— Какого каторжника? — удивилась Ольга.

— Это я тебе потом объясню, малышка, — быстро ответил Джексон и взглянул на санитаря.

— Да, я имею в виду ее.

— Судя по всему, она лежит в хирургическом отделении. Поднимитесь на лифте... — И несколько запоздало поинтересовался: — Вы ее родственники?

— Она — моя сестра! — энергично заявила Ольга.

— Ну тогда, конечно, надо ее навестить, — добродушно улыбнулся санитар и поковылял дальше.

Лифт был переполнен. Джексон втиснулся в него с Ольгой, стараясь никому не глядеть в глаза. Но, судя по всему, никого из знакомых в нем не было. Никто не походил на гангстеров, но разве можно по морде узнать человека?

Возможно, он допустил ошибку: может, машину все же опознали и за ним следили. Джексон осторожно, но внимательно приглядывался к каждому из находящихся в лифте. Если он еще раз встретит кого-нибудь из них, то непременно узнает.

Он вышел на нужном этаже с небольшой группой посетителей. Вынул платок и вытер лоб. Да, скоро ему будет мерещиться, что за ним следят все.

У дверей их встретила медсестра в накрахмаленном халате, с белым, под стать халату, лицом, с торчащей вперед грудью и приличными остальными данными. Мужчины из лифта, как один, заулыбались, женщины приняли гордый вид.

— Прошу меня извинить, но детям в палату вход воспрещен. Об этом вам должны были сообщить внизу.

У Ольги задрожали губы.

— Но я хочу видеть свою сестру.

Медсестра уставилась на Джексона.

— Как зовут ее сестру?

— Тельма! — выпалила Ольга.

— Это девушка, которая поступила вчера с огнестрельной раной, — добавил Джексон.

— Правильно, мисс Уинстон, — сказала сестра. — Она лежит в отдельном боксе в конце коридора. Но не думаю, что вам удастся ее повидать.

Глаза медсестры машинально скользнули по стенам к двери бокса, и Джексон проследил ее взгляд. Дверь в палату была открыта. Кровать он увидеть не мог, но он увидел Тельму в зеркале перед столиком. Глаза ее были закрыты, золотисто-рыжие волосы, заплетенные в косы, лежали на груди. Лицо без косметики казалось таким же юным, как и у Ольги. На

столике рядом с кроватью стояла корзина с желтыми нарциссами.

Ольга схватила Джексона за руку и взвизгнула от радости:

— Смотри! Смотри! Тельма!

Джексон почувствовал, как у него учащенно забились сердце. Он стал уже забывать, как она красива. А ведь эта девушка в кровати — его жена. Он вспомнил, как она тогда сказала: «Я так и представляла себе человека, которого могла бы полюбить».

Он не мог произнести ни слова. В горле как будто застрял комок. Наконец он просипел:

— Как ее дела, сестричка?

— Состояние неустойчивое, — охотно ответила сестра. — Сперва мы думали, что она уже не выкарабкается, потом пошла на поправку, а теперь опять стало хуже. Пока не появились эти цветы, все шло хорошо. А теперь она, кажется, потеряла волю к жизни.

Джексону словно сдавило чем-то шею.

— Кто прислал эти цветы?

— Я забыла имя. Карточку взял себе лейтенант Мак-Крнни. — Она посмотрела на Ольгу. — Ты, значит, ее сестра?

— Да.

— А вы кто ей будете?

Ольга опередила ответ Джексона.

— Это мой большой брат. Вчера он взял меня из отеля, и с тех пор мы все время прячемся от злых людей.

— А-а-а... — сестра, казалось, не расслышала ответа. — Ну, я не знаю, сможете ли вы пройти к ней, но я поговорю с сержантом Калтсоном... — И только теперь до нее дошло, что сказала Ольга. Она внимательно посмотрела на Джексона. Ее глаза мысленно сбрили растительность с лица Харта, причесали волосы и стянули куртку. — Минуточку, — прошептала она и вдруг понеслась по коридору с воплем: — Сержант! Сюда! Сюда, черт бы вас побрал! Джексон! Хватайте его!

В зеркале, находившемся в конце коридора, выросла фигура широкоплечего сержанта. Джексон узнал в нем одного из тех людей, которые его допрашивали. Он стоял на пороге, и Джексон снова увидел Тельму. Она открыла глаза и положила руку на шею.

— В чем дело, сестра? — громко спросил сержант и тотчас узнал Джексона Харта. — Вы?!

Мгновение Джексон стоял, готовый к стремительному прыжку, но ему уже пришлось столько бегать, что на этот раз захотелось сдаться на милость судьбы. Но он не имел на это права. У него была Ольга. Тельма доверяла ее ему. Может быть, и в полиции еще не было ничего решено. Ведь обвинениям Эванса противостояли и его обвинения. Одно показание стоило другого, хотя заявление Мак-Крини в газете могло быть и ловушкой. Ведь еще вчера вечером лейтенант ему не поверил, а просто избил его.

В противоположном конце коридора находился запасный выход. В тот момент, когда сержант уже вытаскивал револьвер, Джексон рванул дверь.

— Не смейте здесь стрелять! — истерическим голосом закричала сестра.

Когда Джексон добрался до лестничной площадки, ему показалось, что его зовет Тельма, но глухие удары его сердца и топот ног заглушили свербящие мозг звуки. Он с трудом удерживал Ольгу, которая пыталась вырваться.

Теперь он и с Ольгой все испортил. Он бежал вперед почти ничего не видя, а она колотила его ручонками.

— Ты же мне обещал! — визжала она. — Ты мне обещал! Обещал отвести меня к Тельме, гадский брат!

«Вот такие все женщины», — с горечью подумал он.

Глава 11

Наконец девочка перестала биться в его руках и тихонько заплакала. Сержант, охранявший Тельму, уже наверняка сообщил куда надо и необходимые меры уже приняты: все входы и выходы блокированы. Какое сумасшествие с его стороны соваться в больницу! И даже теперь он не знает, выживет Тельма или нет.

От кого же были эти цветы? Чье имя стояло на карточке?

Но одну приятную новость он все-таки узнал. Мак-Крини все же принял во внимание его показания и выставил пост у кровати Тельмы.

Джексон замедлил шаг. Дорогу преградила закрытая дверь. Он открыл ее и оказался в большой обеденной комнате первого этажа. За столиком сидели несколько сестер в белых халатах, и больше никого в зале не было. Когда он проходил мимо, некоторые из них подняли глаза, но ни одна из них не заговорила с ним. Ему оставалось только радоваться, что больница была такой огромной.

Пройдет немало времени, прежде чем тревога распространится по всему зданию.

Одна из дверей вела в кухню, и, как во всех кухнях больших учреждений, в ней пахло паром и помоями. Несколько поварих стояло у плиты, другие чистили картошку, рубили мясо, столы были заставлены судками под ужин. Беззубый старец в белых штанах пыл грязную посуду в электропосудомойке. Он легонько ткнул своей красной рукой девочку по плечу:

— Чем недовольна, малышка?

Ольга отбросила его руку.

— Оставьте меня в покое!

Джексон на мгновение остановился, чтобы сориентироваться, и медленно направился к двери, надеясь, что она выведет его за пределы здания, и облегченно вздохнул, когда перед ним оказался проезд.

Теперь он услышал вой полицейской сирены. Видимо, известие о том, что он находится в больнице, уже было передано по радио. Казалось, к больнице со всех сторон мчатся патрульные машины. У самого входа шофер машины-хлебовозки, уложив в кузов последние пустые ящики, сел за руль машины.

Джексон вскочил на место рядом с водителем.

— Двигай! — прохрипел он.

— Что за штуки! — запротестовал было шофер. — Моя фирма запретила брать мне попутчиков. Кроме того... — В этот момент он заметил револьвер в руке Джексона и позабыл, что он еще хотел сказать. Адамово яблоко у него запрыгало, лицо покраснело. — Но я не из таких... — выдавил он. — Я сделаю все, что вы скажете.

Он испуганно нажал на акселератор и выкатит со двора. В квартале от больницы он вынужден был притормозить, чтобы избежать столкновения с патрулем, мчавшимся на бешеной скорости. Полицейский за рулем постоянно нажимал кнопку сирены и не обратил никакого внимания на фургон с хлебом. Патрульная машина остановилась перед воротами, из которых только что выехал Джексон. Из нее выскочили двое полицейских и, взяв оружие наизготовку, начали оглядывать прохожих, идущих по улице.

Шофер хлебовозки вынужден был задержаться у светофора.

— Как только загорится зеленый, двигай по улице до Харрисон-стрит и сворачивай на восток.

Перепуганный шофер повиновался беспрекословно и лишь выдавил испуганно-вопросительно:

— Это вас ищет полиция?

— Не исключено, — лаконично проронил Джексон. — В следующем квартале сбавьте скорость... Нет, не в этом...

Черная машина стояла на том же месте, где он ее оставил. Джексон хотел сойти, но потом раздумал. Надо поскорее выбраться из этого района, пока его не заблокировала полиция. Он снова уселся поудобнее.

— Езжайте прямо, я передумал.

Шофер чуть не заплакал.

— Такого со мной еще не было. Мне это может стоить места.

— Ну и что? Может, мне зарыдать по этому случаю?

Плюшевый зайчик упал на пол кабины. Джексон поднял его и положил в руку Ольге, но это ее не утешило.

— Ты же обещал, что я смогу навестить Тельму.

— Прости меня, крошка, — удрученно извинился Джексон.

Ольга снова заплакала. Очевидно, это было ее любимым занятием в свободное время.

— Не называй меня так... Я тебя больше не люблю...

— А я все равно тебя люблю, — возразил Джексон, и разговор на этом прекратился.

Мимо фургона снова промчалась полицейская машина. Джексону показалось, что в ней сидит Мак-Крини, но он не был в этом уверен. Как бы там ни было, а он здорово постарался, чтобы полиция не заскучала.

Фургон опять остановился перед светофором, и шофер от волнения чуть не заглушил мотор. Теперь, когда они выбрались из опасной зоны, Джексон глазами искал такси.

Полицейские глупы. Такое утверждение он сотни раз слышал в тюрьме. И оно его всегда радовало. Но люди, которые это утверждали, сейчас сидели за решеткой, а полицейские, которые их ловили, сейчас попивали чай с женами или подружками, а может, потягивали пиво в одиночестве. И ежемесячно получали свое жалованье.

Можно, конечно, раз-другой провести какого-нибудь полицейского, но против системы ты бессилен. Когда тревога распространится по всей больнице, наверняка кто-то вспомнит, что он проходил через столовую. Старик вспомнит об Ольге. Наверняка кто-то видел хлебный фургон. Патрульная машина, которая чуть не врезалась в них, тоже вспомнит об этом фургоне и тогда вся чикагская полиция получит указание проверять хлебовозки.

У шофера так дрожали руки, что он с трудом вел машину по мокрой улице.

— Долго мне еще вас возить?

— Недолго, — утешил его Джексон. Он уже увидел два такси, стоявших перед пивнушкой на Кэнал-стрит. — Высадите нас на ближайшем углу, а потом езжайте прямо и не вздумайте оглядываться назад.

Джексон сунул револьвер обратно в карман, но шофер знал по телефильмам, что он наготове.

— Ладно. На ближайшем углу я вас высажу, а сам покачу дальше.

Стоя почти по щиколотку в грязном снегу с Ольгой на руках, прижимавшей к себе плюшевого зайца, он наблюдал за удалявшимся фургоном. Затем подошел к такси и открыл дверцу.

Водитель отложил газету и недоверчиво взглянул на своего обросшего пассажира.

— Вам куда?

Мысли Джексона запрыгали, как шарики ртути. Надо было назвать адрес, но он совершенно не представлял, куда ему податься.

— К полемому музею, — брякнул он наобум, — к тому, что у самого озера.

Водитель включил сигнал — знак, что машина занята.

— Вы думаете, я не знаю, где он находится? Ведь я, уважаемый, все же водитель такси. Хотя теперь он называется иначе: чикагский исторический музей.

Джексон откинулся на мягкую спинку сиденья. Душевное и физическое напряжение, оказывается, было сильнее, чем он полагал. Его руки дрожали так, что он с трудом попал в рот сигарой. Нет, эту игру в кошки-мышки ему долго не выдержать. Рано или поздно, но его схватят либо полиция, либо люди Эванса. Ведь у него в активе против них ничего, кроме побега.

Может быть, разумнее всего было бы покончить с мыслью о мести и сдаться полиции?

Если Тельма была в состоянии и могла говорить, то почему же тогда она не рассказала Мак-Крини всю правду? Почему не сказала, что в нее стреляли Монах и Эванс? Это представлялось ему бессмыслицей.

Но внезапно он все понял. Конечно, она боялась сказать правду. Ока ведь не знала, что Ольга находится под его защитой. Она думала, что ребенок у Эванса, и боялась за жизнь своей сестры.

— Какая свинья, — прошептал Джексон.

Ольга с удивлением посмотрела на него.

— Это же плохое слово!

— Прости, — подавленно вздохнул Джексон. — Я вспомнил о том плохом человеке в клубе.

— Ах, вот оно что!

Джексон прижал ее к себе.

— И мне действительно очень жаль, что ты не смогла повидать Тельму. Я ведь тоже очень хотел ее повидать, так же как и ты.

— Это серьезно? — спросила у него Ольга. Джексон сжал сигару в зубах и заставил ответить вместо себя зайчика:

— Конечно! Ведь этот глупец влюблен в Тельму.

Ольга захлопала в ладоши и радостно улыбнулась.

— А как ты это сделал?

— О, это фокус, — серьезно ответил зайчик. — Но если ты будешь себя хорошо вести, я тебе его как-нибудь покажу.

Такси проезжало через Лупу. Когда они задержались у светофора возле перекрестка на Лассаль-стрит, Джексон заметил на другой стороне магазин «Цветы».

— Прошу вас, остановитесь перед цветочным магазином.

— Воля ваша, — пожал плечами шофер.

Джексон отвел Ольгу в магазин, посадил на прилавок и пересчитал наличность. Пятьсот долларов, которые он получил за чемодан и пальто, быстро таяли. Этот мошенник вытянул у него сто пятьдесят долларов за револьвер, которым он собирался прикончить Эванса. Десятка ушла на выпивку с молодой проституткой, за номер в Логан-отеле шесть долларов, четыре — за комнату в бардаке, да за еду, сигары и всякую мелочь еще десять долларов. Затем тот револьвер, что он имел сейчас, шляпа и куртка обошлись ему в две сотни. На всякий случай он пересчитал деньги и обнаружил, что у него осталось сто пятьдесят долларов.

Продавщица была вежлива, но нетерпелива.

— Что вы желаете, мистер?

Джексон указан на великолепные красно-желтые орхидеи, стоящие на витрине.

— Сколько они стоят?

Девушка презрительно уставилась на его потрепанную куртку.

— Полагаю, что эти цветы не для вас, мистер. Это — «королева катлейк».

Джексон улыбнулся. Раньше он любил дарить девушкам орхидеи.

— Знаю, это «катлейк довиана арна». Но, как я припоминаю, я спросил вас о цене.

— Пятнадцать долларов штука, сэр, — испуганно сообщила она.

Джексон выложил на прилавок сорок пять долларов.

— Я хотел бы приобрести три штуки. И пошлите их, пожалуйста, миссис Джексон в Кук-Хаунти госпиталь, палата 313. Да поспешите!

Та записала имя и адрес в свой блокнот.

— А карточка?

— Минутку, — Джексон взял карточку и написал: «От доверенного лица плюшевого зайчика».

— Он посмотрел на Ольгу. — Ты умеешь писать свое имя?

— Да, но только печатными буквами.

— Чудесно! — улыбнулся Джексон. — Напиши его вот тут, и мы пошлем Тельме цветы, чтобы она знала, как мы ее любим и помним, хотя и не смогли навестить.

Высунув розовый язычок и сопя от усердия, девочка вывела свое имя.

Он приложил еще пять долларов к деньгам, лежащим на прилавке перед продавщицей.

— Это для посыльного. Цветы должны быть доставлены через полчаса.

— Будет исполнено, сэр, — пообещала девушка.

Джексон понес Ольгу вместе с зайчиком обратно в такси. Когда они усаживались, шофер хотел было что-то сказать, но передумал и влился в поток машин. Однако, когда они пересекли Сейн-стрит, любопытство взяло верх.

— Надеюсь, за вами нет погони? Или... Ведь ребенок этот ваш?

— Конечно! — возмутилась Ольга. — Я его маленькая сестричка, ясно?

У Джексона опять сжало горло, застучало в висках. Ему страшно захотелось обернуться и посмотреть через заднее стекло, но он решил этого не делать.

— Почему вы об этом спрашиваете?

— Мне кажется, за нами все время следует какая-то машина. С того момента, как вы пересели ко мне из хлебовозки. А когда мы встали у цветочного магазина, она тоже остановилась. Вот и сейчас она висит у нас на хвосте.

Джексон пересилил себя и обернулся. Он мгновенно понял, что это не копы — те сразу же его остановили бы.

— Позади нас черная машина, — сообщил шофер. — Черный «кадиллак». Сейчас он как раз выходит из ряда.

Джексон взглянул на машину. Выходит, он рано обрадовался. Вероятно, ночью один из людей Эванса обнаружил черную машину и забил тревогу. Значит, за ним следили уже тогда, когда он приехал в больницу и потом сел в фургон.

Похоже, у него ума меньше, чем у рядового гангстера. Ему необходимо было срочно прочесть последние выпуски газет. Можно было догадаться, что Эвано использует все свое влияние и постарается добиться того, чтобы Монаха выпустили под любой залог.

— Вы знаете этих парней? — осведомился шофер.

— Немножко, — проронил Джексон. — Жулье. Двое сзади мне неизвестны, а за рулем сидит Дэйв Брей. Рядом с ним, с перевязанной рукой, это Монах.

Водитель обрадовано подтвердил.

— Да, теперь я его узнал. Монаха арестовали вчера вечером в Логан-отеле, когда этот проклятый каторжник хотел убить куколку... — Водитель взглянул в зеркало заднего вида, а потом на Джексона и невольно мысленно снял с него щетину. — О, боже! — вырвалось у него.

— Придержи язык! — зашипел Джексон. — Ведь здесь ребенок!

Он вытер потное лицо и беспомощно спросил себя, почему они не догонят их и не выпустят в него смертоносную обойму. Но, подумав, он понял, что пока жива Тельма, им нужна Ольга как заложница, тогда Тельма будет молчать. И поэтому же они не могли пристрелить Ольгу прямо на улице — ведь до Тельмы не так-то легко добраться.

Водитель повернулся к нему, такой же испуганный, как и шофер фургона.

— Послушайте, ведь у меня семья! — Голос у него дрожал, когда он кивнул в сторону Ольги. — У меня такая же девочка. Я не могу себе позволить ввязываться в перестрелку. Что вам от меня нужно?

Джексон вытащит револьвер и положит его рядом с собой.

— Я должен все тщательно обдумать, а вы пока продолжайте спокойно ехать вперед.

Глава 12

Джексон сидел в неосвещенном салоне такси, держа в руках малышку. Все-таки странная штука жизнь. Всегда женщины играют первую скрипку. Если бы он тогда не встретил Тельму на автобусной остановке, то наверняка его или Флипа уже не было бы в живых. А без Элен Адель, певички из клуба, он не познакомился бы с тюрьмой, а был бы сейчас крупной шишкой в сверкающей сфере шоу-бизнеса. Любой ресторан или Клуб, мимо которого он сейчас проезжал, принял бы его с распростертыми объятиями. А сейчас он даже не может войти в бар и позволить себе сэндвич или рюмку виски. В этом тоже виновата женщина — Ольга.

Джексон кисло улыбнулся, когда водитель отодвинул стекло, отделяющее передние сиденья от задних. Он ехал уже в четвертом такси после того, как вылез из хлебoreзки, точнее, хлебовозки.

— Ну, парень?

— А?

— Попал в переделку?

— Почему ты так решил?

— Мне почему-то кажется, что нас преследует черный «кадиллак».

— Правда?

— Может, мне попытаться скинуть его с хвоста?

Джексон дал ему точно такой же совет, какой уже давал другим таксистам:

— Бесплезно. Можешь не тратить зря усилий.

С одной стороны, он действительно считал, что от таких спецов, как Дэйв Брей, не уйти, а с другой стороны, теперь он и сам не хотел от них отрываться. Стало уже темно, и он хотел сделать еще одну последнюю попытку. Она могла удасться, а могла и закончиться провалом.

— О'кей, — сказал шофер, — тебе виднее. А мне что, продолжать делать круги?

— Нет! — решительно сказал Джексон. — Давай в Дернборн и остановись там у лучшего отеля.

Шофер повернул в северном направлении. Джексон схватил покупки, которые он сделал, пока менял такси: дешевую бритву и лезвия, чистую рубашку, галстук, несколько сигар и последний выпуск газет. Правда, он не знал, удасться ли ему их прочитать.

Джексон посмотрел в заднее стекло. После того как они выползли из ряда, он отчетливо видел огни «кадиллака», который отделяли от них три-четыре машины. Джексон с удовольствием отметил, что при такой тряске рука у Монаха здорово разболится.

Шофер остановил машину перед отелем, над которым сияли неоновые буквы: «ПЛАЗА АРМС».

— Подойдет?

Джексон поднял глаза: это был маленький отель, вероятно, не предназначенный для длительного пребывания в нем, но производивший неплохое впечатление. Он сложил все свои покупки в дешевый чемодан — тоже новое приобретение — и поправил капюшон на личике Ольги.

— Годится, — буркнул он.

Расплатившись с шофером, он направился в холл. Некоторые посетители подняли головы, но затем равнодушно вернулись к своим газетам. Джексон поставил свой чемоданчик перед стойкой администратора.

— Я хотел бы снять номер с ванной, но недорогой.

Девушка-администратор бросила взгляд голубых глаз на Ольгу, которую он держал на руках, хотела что-то сказать, но не решилась.

— Хорошо, сэр, но только на одну ночь. У меня имеется номер за шесть долларов.

— Согласен.

Джексон заполнил регистрационную карточку так же, как и раньше.

Девушка подняла брови, но ничего не сказала. В отеле, где часто останавливались весьма странные люди, научились не задавать лишних вопросов. Она отложила карточку, выдала ключ и показала на лифт.

— Номер на третьем этаже. Лифт работает автоматически.

Он взял свой чемодан и улыбнулся девушке.

— Благодарю, мисс.

Войдя в лифт, он поставил чемодан и взглянул на освещенную улицу. Дэйв Брей буквально вдавил радиатор в стекло вращающейся двери. Джексон закрыл дверь лифта и нажал на кнопку третьего этажа. Возможно, он успеет побриться, но вот на чтение газет времени может не хватить.

Номер находился в конце длинного коридора, и его окна выходили во двор. Джексон уложил свою маленькую смелую спутницу на софу и захлопнул за собой дверь. Как приятно избавиться от этой проклятой щетины.

Он захватил чемодан в ванную и включил свет. Расческу разыскать он не смог, но это было не столь важно, поскольку в Стейтвилле всех стригли под «ежик».

Джексон вытащил из кармана револьвер и положил его на полку. Надо сказать, что его никто не узнал, кроме первого таксиста. Девушка-администратор в холле и остальные, вероятно, приняли его за чужестранца или шизика.

Он пустил горячую воду, снял рубашку и побрился.

«Никто не хочет умирать, — подумал он, — но если уж придется, то лучше это сделать чистым и бритым».

Выбравшись из ванны, он надел свежую рубашку и галстук. Потом натянул куртку, сунул в карман револьвер, включил свет и взялся за газеты.

Газеты пестрели броскими заголовками о его персоне, и хотя они не исчезли с первой полосы, но все-таки перекочевали вниз газетного листа.

Все вытеснила новая ежегодная женитьба Филмера Пирса. Фотомонтаж изображал пожилого плейбоя в окружении его восьми предыдущих жен. Читатели получили фото и его новой жены, переснятое, видимо, с другого снимка. Элленс Виллер, новая законная спутница старикана, была тусклой блондинкой с пустой улыбкой. Подпись к фотографии называла ее танцовщицей, но Джексон ее не знал. Эванс никогда подолгу не держал исполнительниц песен и танцев. Кроме того, одним надоедала ночная жизнь, другие высказывали замуж. Некоторые связывали свою жизнь со стариками, имеющими в банке крупный счет.

Он аккуратно свернул газету и сунул ее в карман. В этот момент чей-то энергичный кулак забарабанил в дверь его номера.

— Спроси, кто там, — попросил он Ольгу.

— Кто там? — раздался детский голосок.

— Ты отлично это знаешь, Харт, — ответил Монах. — Открывай и поживей!

— Чтобы вы меня прикончили? Нет уж, большое спасибо!

— Уходите вы, злые дядьки, — добавила Ольга. — Я знаю, кто вы такие. Это вы сделали Тельме больно.

Из-за двери раздалось рывканье Монаха:

— Ломайте дверь, ребятки! У меня к нему должок. А потом — быстро назад.

Тяжелый удар потряс дверь, и она затрещала. В комнату ввалился молодой мужчина, которого Джексон не знал. Его сопровождали Монах и Брей.

Джексон опустил правую руку в карман. Брей замер.

— Осторожно, ребята!

Лицо Монаха посерело от боли.

— Ну и что? Нас же трое. — Он бросил жесткий взгляд на Джексона. — Когда я возьмусь за этого типа, он сразу разучится улыбаться.

— Что с твоей рукой, Джек? — дружелюбно осведомился Харт. — Надеюсь, ничего серьезного?

— Он спятил, — бросил Брей. — Только сумасшедший может целый день кататься на такси, чтобы нам было удобнее наблюдать за ним.

Монах показал глазами на маленькую фигурку на софе.

— Возьми девочку, Брей. А ты, Харт, поедешь с нами в клуб. С тобой жаждет побеседовать Флип.

— Отлично! Давно мечтал о такой чести!

Брей подошел к софе и взял девочку на руки. Откинув капюшон, он с изумлением уставился в стеклянные глаза плюшевого зайчика. Затем выругался так, что задрожали стекла.

— Постыдись, — заявил заяц тонким голоском. — Нельзя говорить такие грубые слова... падла.

Брей бросил зайца, словно он его укусил. Лицо Монаха посерело еще больше.

— Ты что, Джексон, и на виселице намерен отпускать свои шуточки? — Его тонкие губы стали еще тоньше, почти не выделяясь на его лице. — Ты куда дел девочку? Мы же наблюдали за тобой целый день. Говори быстро, где Ольга?

Джексон вынул сигару изо рта.

— Ах, вот чего захотел! — Ствол его оружия угрожающе торчал из-под ткани. — Но ведь меня ждут в клубе. Так поедем же, господи! Или желаете, чтобы вас пристрелили здесь, на месте, вы, детоубийцы!

Брей сделал движение, собираясь подобраться к кобуре, но опустил руки, словно они ему не повиновались.

— Он это серьезно... — выдавил он.

Джексон вновь сунул в рот сигару.

— В этом вы можете быть абсолютно уверены! — заявил он. ***

За прошедшие годы фасад клуба Вели совершенно не изменился. Стоящее между двумя особняками и отелями двухэтажное здание казалось совсем крошечным. На стыке веков, перед победным шествием автотранспорта, оно служило школой верховой езды.

При входе, у освещенных пальм, замер привратник в голубой ливрее с галунами. Было еще довольно рано, но тем не менее на площадке перед клубом стояло уже порядочно машин. Из дома неслись звуки джазовой музыки. Позднее, в определенный час, здесь можно было услышать звуки рулетки и стук шаров. Апогей веселья наступал после полуночи. А с трех до четырех отсюда велась популярная передача «Раундерс Куллаби». Принцип Эванса был

совершенно прост: за деньги у него можно получить все.

Когда они остановились перед клубом, Брей спросил без всякой надежды:

— Может, тебя подвезти к артистическому входу, Харт?

— Зачем? Я обожаю помпезность, — возразил Джексон. — Но я хотел бы еще кое-что уточнить.

— Что именно? — буркнул Монах.

— Вас четверо против одного. Если вы захотите рискнуть, то, возможно, вы со мной покончите. Но только после того, как я выпущу всю обойму. Мне терять нечего. Мой испытательный срок все равно полетел ко всем чертям, а те тринадцать лет, что остались, не сулят мне ничего хорошего. И еще одно: если я погибну в перестрелке, то, где прячется главная свидетельница Ольга, вы узнаете только на суде.

— Хитрец, ничего не скажешь, — восхитился Монах. Им открыл дверь привратник в золотой ливрее.

Увидев Джексона, он сразу же двинулся в сторону пальм, но Харт прекрасно знал, что там был телефон.

— Торжественная встреча меня не интересует, Тони, — заметил Джексон и выстрелил через куртку.

Пуля врезалась в пол буквально в нескольких дюймах от ног привратника.

— Я не... Я только... Я хотел... — Он смолк. — Я же никогда не делал тебе ничего плохого, Харт.

— Тоже верно, — согласился Харт. — Мой враг — Флип. Он сделал предостерегающий жест. — После вас, господа.

Монах пожал плечами и пошел впереди. Джексон последовал за Бреем. Он не питал никаких иллюзий. С такой кодлой ему все равно не справиться. Вчера утром это не имело бы для него значения. Но теперь дело обстояло иначе. Он должен позаботиться о Тельме и Ольге. Может быть, ему удастся прийти к соглашению с Флипом. Он был готов пойти даже на это, только бы спасти Тельму и девочку.

Старший официант Пьер отвесил шутливый поклон.

— Добро пожаловать в отчий дом, Харт.

— Мы идем к Флипу, — сообщил Монах. — Произошла маленькая авария. Босс у себя?

— Уже ждет, — ответил Пьер. — Если вы последуете за мной... — Он повернулся и направился по узкому, плохо освещенному коридору, который отделял открытые кабины от эстрады.

Джексон заколебался. Ему стало неприятно, что в таком большом помещении темно. Несмотря на ранний час, здесь было много народу. Это его немного порадовало. Перед таким количеством свидетелей Флип не решится доводить дело до крайности. Он не станет вредить своему бизнесу.

За старшим официантом следовали пять человек. Парочки в кабинах не обращали на них никакого внимания. У них были свои радости и заботы.

Джексона охватило чувство гадливости. Жирные, толстые, старые маклеры терлись вокруг молоденьких девушек с испитыми лицами, скользя с ними в танце. Какая-то пожилая женщина хихикала над шутками своего спутника, который был в два раза моложе ее. Секс и разврат плавали в воздухе, как густые клубы дыма от сигарет. И над всем этим грохотал оркестр. И как только он мог выдерживать это раньше! Ночь за ночью, хотя зарабатывал он неплохо.

У предпоследней кабины, как раз напротив оркестра, Пьер остановился и заговорил с одной из парочек. Харт терпеливо ждал. Его рука на рукоятке револьвера была горячей и мокрой.

— Харт, дорогой, ты вернулся!

Этот голос раздался из затемненной кабины. Оттуда выскочила женщина и бросилась ему на шею. Она принялась обнимать и целовать его, и он ощутил ее тугие и плотные груди.

— Как я рада, что ты снова здесь!

Насколько Харт помнил, он никогда раньше не видел эту женщину. Что у нее за профессия, было совершенно ясно. Он попытался отделаться от нее и вытащил оружие. В тот же миг он получил сзади такой удар, что упал на колени. Рядом послышался голос Эванса.

— Ты что же, считал, что тебе так легко удастся прикончить этого негодяя Эванса?

Кто-то сзади опять нанес ему удар по уху. Он попытался побороть тошноту и качнулся в сторону кабины.

— Не сюда! — прошипел Пьер.

Но было уже поздно. Брей и Монах потащили его в кабину. Умелые руки быстро обезоружили его и до крови измолотили лицо.

Затем снова послышался голос Флипа:

— Прекратите это, дураки! Если мы его здесь прикончим, то все вместе угодим на электрический стул... ххе! Лучше мы разузнаем, куда он дел девку.

— В твоём бюро?

— Нет. Тащите его вниз.

Джексон из последних сил попытался ухватиться за спасительную кабину, но в этот миг девушка, которая ранее бросилась в его объятия, ловко ударила его тонким каблуком между ног.

— Старый козел! — закричала она так громко, что ее голос перекрыл гром оркестра. — Я не из таких! Ты это брось!

Теперь Джексон не мог даже кричать, так парализовала его боль от этого подлого удара. К тому же Брей прижал руку к его рту.

— Что случилось, мистер Эванс? — поинтересовался один из гостей.

— Пьяный, — презрительно буркнул Флип. — Начал, приставить к малышке, вероятно, принял ее за другую.

— Да, да, я слышал, — подтвердил какой-то подвыпивший посетитель.

— О'кей, мальчики, — Флип направился дальше по коридору. — Посадите мистера Джонса в

его машину. Пусть он там очухается, а один из вас отвезет его домой. Передайте ему завтра утром, чтобы он больше у нас не появлялся, а вы, Пьер...

— Слушаю, хозяин.

— Не пускайте его больше сюда. Он не умеет себя вести.

— Будет исполнено, мистер Эванс.

«Ловкий ход, — подумал Джексон, — типичный прием Эванса. Если я выйду отсюда живым, то поставлю свечку в церкви. Каким же я был дураком, когда решил, что смогу положить на лопатки этого бандита!»

Он снова было открыл рот, чтобы позвать на помощь, но опять получил жестокий удар. В животе у него что-то ёкнуло.

«Конец чревоушателю», — подумал он.

А потом темная волна подхватила его и понесла все дальше и дальше в бездну...

Глава 13

Когда он пришел в себя, то ощутил запах сырой земли. Над ним, словно луна в полнолуние, склонилась злая физиономия Эванса. Он попытался не показать, что очнулся, так как отлично понимал, что его ожидает.

Эванс приподнял ему веко своими жирными пальцами.

— Только без фокусов, Харт, если можно. Я ведь знаю, что ты уже очухался.

Боль прояснила мысли Джексона. Куда они его затащили? Тут он заметил мешки с картофелем, значит, они находились в подвале, где хранились съестные припасы клуба.

Эванс грязно выругался.

— Никак не ожидал, что тебя выпустят с испытательным сроком. Я ведь со своей стороны предпринял все, чтобы обезвредить тебя на веки вечные.

— Мне остается только посочувствовать тебе, — с трудом проговорил Джексон. Язык у него еле ворочался.

— Дерьмо собачье! Он еще шутит! — вставил Брей.

«А что, собственно, он знает об Эвансе, — подумал Джексон. — Раньше толстяк был владельцем кинотеатра, предугадал спад кинорынка и, как только позволили обстоятельства, бросил это дело. Потом он переметнулся на более выгодное дело. И если бы нашлась хоть одна заповедь из десяти, которую бы не нарушил этот жирный клоп, это можно было бы считать просто недоразумением. Он пробивал себе путь лживыми улыбками, добродушными похлопываниями по плечу, и за всем этим стояло бессовестное позерство и взяточничество. Его излюбленным методом было подсунуть кому-нибудь куколку, а потом оказывалось, что она была несовершеннолетней, и дальше следовал шантаж. А кого он не мог шантажировать, того просто подкупал. И тот, кто хоть раз брал у Флппа деньги, оказывался у него на крючке. С другой стороны, Джексон помнил только три случая, когда толстяк применял насилие. И первый такой случай произошел с Элен Адель, за которую ему пришлось отсидеть семь лет

из двадцати. Прекрасная певичка влюбилась в его брата Джерри. Флип, который охранял свой гарем, как султан, забил девушку насмерть, а дело подстроил так, что козлом отпущения оказался Джерри, и Харт взял на себя вину брата, мнимую вину. Потом последовало покушение на его жизнь и на Тельму. И третий случай — тот, о котором рассказала Ольга — с седовласым господином».

Джексон с трудом приподнялся и прислонился к мешку с картошкой.

— Ну вот, наш герой, кажется, уже пришел в себя, — иронически заметил Эванс.

— Хотел бы я знать, как ты выберешься на этот раз, — хмыкнул Монах.

Джексон ощупал затылок.

— Что, небольшая шишечка? — поинтересовался Эванс. — Боюсь, что она сильно подрастет к тому времени, как мы с тобой покончим. — Он закурил турецкую сигару с монограммой, изготовленной специально для него. — Ты что же, думал, что вот так придешь ко мне и застрелишь? Совершенно спокойно и без всяких затруднений?

— Да, именно так я себе это и представлял.

— Парень, просто сошел с ума, — вмешался Дэйв Брей. — Просидеть семь лет, хотя мог и не сидеть вовсе. Как там в Стейтвплле, Харт?

Джексон принял более удобное положение.

— Ничего, тебе привет от знакомых.

Толстяк разыграл роль внимательного хозяина.

— Ребятки, дайте ему что-нибудь выпить. Он просто умирает от жажды.

Один из гангстеров, которого Джексон совершенно не знал, протянул ему бутылку бурбона. Джексон отвинтил пробку и поднес фляжку ко рту. В тот же момент Монах выбил ее у него из рук. И она разбилась о стенку подвала.

— Прости, — дружелюбно произнес Монах. — Я поскользнулся. Собственно, я хотел врезать тебе в морду.

— Ну, выкладывай, — прошипел Эванс. — Куда ты дел Ольгу?

— Ольгу?

— Этот парень так быстро не расколется, — предупредил Брей.

— А другого я и не ожидал, — спокойно сказал Эванс. — Как-никак Харт крупная фигура в своем деле. Но если он не запоет до полицейского часа, мы заберем его в мою студию. И когда ты его там хорошенько прижмешь, он зачирикает, как канарейка. Можешь быть уверен, клянусь мамой!

— А почему бы нам не попробовать прямо здесь? — кровожадно спросил Монах.

Толстяк качнул головой.

— После того, что произошло за последнюю неделю? Подумай сам, Джек, парень опасен, как пороховой погреб. Представь своей тупой башкой, что посреди спектакля заявился кто-то из наших полицейских друзей? Я не доверяю Мак-Крини. Ты читал, что он сказал в газете?

— Все это так, — удрученно вздохнул Монах. — Харт обвинил нас в нападении на него и на Тельму, и в свете некоторых фактов, всплывших позже, Мак-Крини склоняется к тому, чтобы поверить нашему лучшему другу.

— Но в газетах они ничего не говорят о вас, мистер Эванс, — заметил один из гангстеров.

— Это читается между строк, — уточнил Эванс. — Этот коп давно меня ненавидит.

— Почему же ты его не подмажешь? — спросил Брей. Эванс сокрушенно махнул рукой.

— Ты думаешь, я не пытался этого сделать? Но он отличается от других копов. Он тратит ровно столько, сколько может себе позволить. И живет в счастливом браке... Хоть завидуй. Что ж тут можно предпринять? Еще когда он служил в полиции нравов, я свел его с чудесной куколкой. И как ты думаешь, что сделал этот идиот? Вместо того чтобы развлечься с ней, как это сделал бы любой нормальный человек, он внес ее в черный список и оформил в дом для несовершеннолетних. Теперь он каждую неделю навещает эту девушку вместе со своей женой.

— Действительно, печальная история, — отозвался Джексон.

Эванс без особого энтузиазма смазал ему по лицу ладонью.

— Давай раскалывайся, Харт. Что ты сделал с Ольгой?

Джексон постарался оттянуть время и увильнуть от ударов, которые, он знал, его еще ожидают.

— Тебе это очень хочется знать?

— Очень, — признался Флип. — Послушай, ты просто болван! Ты выкрал машину у моих людей из-под носа у Логан-отеля. До утра ты с ней где-то скрывался. Но от Кларк-стрит и до больницы за тобой велась непрерывная слежка. Мы знали, что ты попытаешься навестить Тельму. Мы видели, как ты пересел в такси из хлебного фургона. Мы знаем, что ты останавливался у цветочного магазина, чтобы послать новоиспеченной миссис Джексон три орхидеи. — Толстяк ухмыльнулся. — И даже с открыткой. — (Он процитировал текст). — Ольга сама нацарапала свое имя. — (Его ухмылка стала еще шире). — Цветы, разумеется, так и не дошли до адресата. Они могли бы вызвать у нее глупые мысли, что ей нет больше надобности скрывать свою сестру. И тогда она могла бы наболтать Мак-Крини много лишнего. Так что Монаху пришлось перехватить посыльного. Все сейчас находится в моем кабинете. А орхидеи действительно чудесные. Но вот что я хочу тебе сказать, Харт, ты хитер. Мои парни попались на удочку с этим плюшевым зайцем. Ну и что... — Толстяк с такой силой ударил Джексона, что у того зазвенело в ушах. — А теперь давай раскалывайся! Куда первый таксист отвез Ольгу?

Джексон стер кровь с губ.

— Это вам придется узнать самим.

Эванс снова нанес удар.

— Это мы и сделаем. Теперь мы всерьез займемся тобой, парень. Мы заставим тебя запеть. Даже если для этого тебе придется вышибить мозги. Так почему бы нам не пойти на мировую? Так будет лучше для тебя и для нас.

— Возможно, — согласился Джексон и снова вытер кровь. — Только вы ничего от меня не добьетесь, если убьете. Так вы никогда не узнаете, где находится Ольга.

— На твоём месте я бы не очень на это надеялся, — предостерег Эванс. — Сознаюсь, малышка для меня весьма опасный свидетель. Но если дело дойдёт до суда, то её слово будет стоять против моего. И только...

Тем не менее толстяк чувствовал себя не так уверенно, как хотел это показать. Джексон почувствовал это по неуверенности его тона. Флип брел ощупью в темноте, и здесь ему не помогут ни деньги, ни связи. Полоса удач не могла длиться вечно. Рано или поздно его песенка будет спета.

— Кроме того, полиция ничего не сможет доказать, не имея трупа, — добавил Эванс.

Почему-то Монах счёл это замечание комичным, громко расхохотался и попросил Эванса:

— Дай мне заняться этим сосунком, Флип. Я должен ему за сломанную руку.

— Может, чуть попозже, — ответил толстяк. — Сейчас моя очередь. — Он снял куртку. — Я его всегда ненавидел, уж очень он был высокомерным. А когда он влез в дело, которое было приготовлено для Джерри, тут уже я совсем психанул!

Он схватил Джексона левой рукой за волосы и ударил его по лицу, сначала ладонью, потом тыльной стороной. На лице Джексона появилась кровь.

— Куда ты дел девчонку? Что она тебе сказала?

— Много, очень много, — прохрипел Харт.

— И надо же ей было появиться в самый неподходящий момент! Я был так разъярен, что не заметил эту кроху. — На Джексона посыпалась новая серия ударов. — Что она тебе рассказала?

— Она видела, как ты поспорил с одним человеком, а потом убил его у себя в кабинете.

— Она описала этого человека?

— Да.

— Как он выглядел?

— У него были светлые волосы.

— И как я его убил?

— Застрелил, — лаконично ответил Харт.

— А он действительно в курсе дела, — вмешался Монах. Джексон попытался увернуться, но Эванс размахнулся изо всех сил и ударил его кулаком по лицу.

— Говори! Куда таксист увез Ольгу?

Удар отбросил Джексона на мешок с картошкой. Ему показалось, что у него сломана челюсть. Он с удовольствием сказал бы Эвансу пару слов, но не мог, поскольку его рот был заполнен кровью. Он приподнялся и его вырвало на ботинок Эванса.

Эванс быстро отступил.

— Свинья! Дерьмо! Только не на меня, ублюдок! — Он взглянул на Монаха. — И как вы могли попасться на эту удочку — не отличить плюшевого зайца от девчонки!

— А ты думаешь это было просто? — оскорбился Монах. — И девчонка и заяц одинаковой величины. На зайце была одежда девочки, а лица под капюшоном — ничего не разглядеть. Если бы ты позволил убить их обоих, как я предлагал, то теперь не было бы никаких проблем. Так нет же, ты побоялся привлечь внимание.

— Если мы будем только болтать, — заявил Брей, — то далеко не уйдем. Джексон должен расколоться — вот наша задача.

— Правильно, — ядовито заметил Эванс. Похоже, он уже начал терять надежду. Неожиданно он резко повернулся.

В подвал вошел Пьер.

— Мне кажется, тебе лучше подняться наверх, Флип, — сказал он. — Нам позвонил наш парень из полиции и сообщил: у них там черт знает что творится.

Толстяк быстро накинул куртку.

— Что там еще стряслось?

— Судя по всему, — ответил Пьер, — Уинстон ранена гораздо легче, чем мы предполагали. Полчаса назад она вообще исчезла из больницы.

Флип тихо чертыхнулся.

— И это все? — осведомился Монах.

— Нет. Лейтенант Мак-Крини и его люди направляются сюда с ордером на обыск.

Джексон заметил, как позеленело лицо Эванса.

— Чего им здесь надо?

Пьер пожал плечами.

— Наш человек этого не знает.

Толстяк заметил, что Джексон внимательно прислушивается, и для разрядки дал ему пощечину.

— Это ты во всем виноват, мразь! Лучше бы ты сгнил в тюрьме! Только там твое место!

Брей был растерян так же, как и Эванс.

— А что теперь с ним делать?

Эванс снова ударил Джексона, на этот раз по кончику носа.

— Это я беру на себя. Для полиции мешок с картошкой выглядит так же, как мешок с...

— Понял! — кратко ответил Монах.

Глава 14

На него обрушился гнилостный запах земли. На груди лежал вес килограммов в пятьдесят.

Язык распух, каждый вздох причинял острую боль.

К нему вернулось сознание, а вместе с ним и страх. Он решил, что его захоронили в подвале.

Он попытался приподняться. Его все больше и больше охватывал страх, но постепенно рассудок все же взял верх. Флип понимает, что ничего не выгадает от его смерти. Сперва он должен узнать, где Ольга, а уж потом что-то решать.

Теперь он лежал совершенно тихо, стараясь не шевелиться и ожидая, когда пройдет головная боль после удара Флипа. Насколько он понимал, его никуда не перенесли: он находился в том же подвале, на сырой земле, и на нем были нагромождены мешки с картошкой. Когда он шевелился, то ощущал лицом грубую ткань мешка.

Джексон попытался взять себя в руки и все обдумать. Теперь он знал, кто был тот человек, убийство которого видела Ольга. Он, Джексон, был не первым, кого прятали в этом подвале. Как сказал Флип Эванс, для полиции все мешки с картошкой выглядят одинаково.

Он шевельнул губами и обнаружил, что дыханию мешал не распухший язык, а грязная картофелина, засунутая в рот. Руки его были связаны за спиной. А когда Джексон попытался пошевелить ногами, то они были точно чужие.

Чуть наклонив голову, он увидел через небольшой просвет между мешками часть подвала. Там горел свет. Дверь была открыта. Флип хитер: он понимает, что полиция редко роется там, где все открыто и не вызывает подозрений.

По цементному полу перед подвалом слышались чьи-то шаги. Появилась пара ног в грязных штанах. Это был кухонный рабочий в рубашке и переднике, перепачканном кровью.

Он склонился над морожеными курами.

Рабочий все еще продолжал заниматься своим делом, когда снаружи снова слышались шаги.

— Входите, лейтенант, не стесняйтесь, — проговорил Флип. — Можете осматривать все, что хотите. Ордер на обыск дает вам это право. Да я и не имею ничего против. Мне бы только хотелось знать, что вы ищете.

— Я знаю, что ищу, — холодно проронил Мак-Крини.

Джексон попытался издать какой-нибудь звук, но картофелина во рту помешала ему.

— Что же вы все-таки ищете? — настаивал Эванс.

— Это мы вам скажем, когда найдем, — сердито вмешался сержант Калтсон.

— В любом случае это грубое насилие по отношению к добропорядочному бизнесмену, — оскорбился Эванс.

— Оригинальная мысль для головореза, — усмехнулся сержант.

— Вы оскорбляете меня! — яростно воскликнул Эванс.

— Возможно, — не стал возражать Мак-Крини. Шаги в подвале затихли. — Что тут у вас?

— Наши припасы: овощи, картошка, мясо, птица и мороженые продукты.

— Эй, вы! — окликнул лейтенант.

— Это вы меня? — кухонный работник перестал работать.

Джексон услышал, как чиркнула спичка, кто-то закурил.

— Да, я имею в виду именно вас. Вы не видели сегодня вечером Харта Джексона?

— Такого высокого мужчину, который чертовски приятно выглядит? О котором сейчас пишут в газетах и который раньше работал здесь?

— Да, да, его.

Работник кивнул головой.

— Нет... — Его ответ прозвучал искрение, и он добавил, как бы стараясь помочь: — Вы знаете, после того, что я читал в газетах, думаю что вы ошибаетесь. У него земля горит под ногами, а вы думаете, он пойдет в какой-то ночной клуб?

— А вы случайно не видели девочку со светлыми волосами семи лет, одетую, в лыжные штаны голубого цвета и голубую курточку?

— Здесь?!

— Разве я недостаточно ясно выразился?

Работник вынул из ящика еще две курицы.

— Тут еще ни один не сошел с ума, чтобы затащить сюда семилетнюю девочку.

— Вы увильваете от ответа.

Работник взял кур, поднос, на котором их разделявал, и четко произнес:

— Нет, такого ребенка я здесь не видел. И я вот что хочу вам сказать: женское существо в штанах, какого оно возраста ни было, здесь редкость. Вы просто не представляете, сколько нервов это нам стоит: каждый раз смотреть на красоток, раздевающихся догола. А потом тащиться домой и довольствоваться мослами своей жены-старухи.

Эванс довольно рассмеялся.

— Теперь мне все понятно.

— Что именно?

— Почему вы удостоили нас своим визитом. — Сквозь щель между мешками Джексон мог видеть лишь ноги Эванса. Голос владельца клуба звучал удовлетворенно. — Вас что, опять перевели в полицию нравов? И вы ищете Джексона и семилетнюю девочку? Я знаю, этот парень отсидел довольно долго, но наброситься после отсидки на семилетнюю это уже слишком!

Джексон слышал, как мощный кулак врезался в лицо Эванса.

Рыхлый толстяк вскрикнул от боли и унижения.

— Подлец! Мусор! Это будет стоить тебе места!

— Я уже давно потерял счет, сколько раз мне это говорили, — спокойно ответил Мак-Крини.
— И тем не менее до сих пор служу в полиции. Значит, сегодня вечером вы Джексона не видели?

— Нет.

— А если я захвачу вас с собой в полицейское управление, то вы станете утверждать, что не имели никакого понятия о существовании маленькой сестры у Тельмы Уинстон?

— Да что вы говорите?

— Значит, вы не знали, что у Тельмы есть сестра?

— Нет.

— И не знали, что позавчера вечером Тельма сняла номер себе и сестре в Логан-отеле?

— Понятия не имел.

— Тогда, может быть, вы объясните мне, что искали в этом отеле Монах и другие ваши люди? Вскоре после этого странного происшествия на городской автострате, почти сразу после побега Джексона из следственной тюрьмы? Почему ваши люди избили администратора, отеля и почему они допытывались у него, в каком номере проживает Уинстон?

— Вы меня совсем запутали, — с полным спокойствием заявил Эванс. — Почему бы вам не спросить об этом у них самих?

— Мы уже сделали это — беседовали с ними несколько часов. И как только мы найдем Джексона и миссис Уинстон с ребенком, поговорим еще.

Эванс сделал вид, что удивился.

— Найдете Тельму? Я предполагал, что она в больнице.

— Она была там еще час назад.

— А где же она теперь? Исчезла?

— Совершенно верно.

— И вы думаете, что она, ее сестра и Джексон находятся в одном месте?

— Не исключено, — заметил сержант Калтсон. — Он появился сегодня в больнице вместе с девочкой.

— Какая жалость, — с сожалением произнес Эванс. — Как раз сегодня я не читал газет.

— В газеты многое вообще не попало.

— А Тельма разговаривала с Джексоном и сестрой?

— Нет, она их даже не видела, но слышала шум и суматоху в коридоре. А через некоторое время, когда тот полицейский, что сменил меня, вздумал ненадолго отлучиться, она каким-то образом исчезла из больницы.

— И вы думаете, что она присоединилась к Джексону и сестре?

— Вполне возможно.

— Женщины — странные существа, — философски промолвил Эванс. — После того, что сделал с ней тот парень, она должна была бы держаться от него подальше.

— Я не думаю, что он виновник происшествия, — как ни в чем ни бывало сказал Мак-Крини.

— Да что вы говорите!

Еще удар. Эванс издал звериное рычание, а Мак-Крини спокойно продолжал:

— Вы и сами это отлично знаете. Правильно, мы забрали Джексона и основательно его допросили. Вы спросите — почему? Он вышел из тюрьмы. Тельма Уинстон была вашей подружкой, и он честно признался, что разговаривал с ней довольно сдержанно. Он еще много чего наговорил, но чем больше я думаю над его рассказом, особенно теперь, когда ваши люди наделали столько ляпов, тем более достоверной мне кажется его версия.

— Какая версия?

— Что в него и Тельму стреляли Монах и вы.

— Не говорите глупостей, лейтенант!

— Я не так уж и глуп, как вы полагаете.

— Зачем мне стрелять в нее?

— Она была вашей подружкой, а Джексон женился на ней.

Джексон посмотрел на ноги толстяка. На цементный пол стекала струйка крови, и Эванс говорил, словно держал палец у рта; чтобы остановить кровотечение.

— Да вы с ума сошли! Что для меня эта Тельма? Почему бы вам не спросить обо всем у нее самой?

— Пытались. Сперва она не хотела или не могла, потому что была без сознания, потом не захотела, потому что боялась... — Послышался звук третьего удара. — Почему она боялась, Эванс, почему? Я слушаю.

— Откуда мне знать? — пролепетал он. — Если вы считаете, что это я в нее стрелял, то почему вы меня не арестуете?

— Потому что у меня еще нет доказательств, пока нет, — честно признался лейтенант. — И потому, что дело-то серьезнее, чем мне показалось с первого взгляда. И еще потому, что я жду несколько телефонных звонков. Как вы думаете, откуда, Эванс?

— Откуда мне знать, черт побери!

— Из Майами.

— Из Майами?

— Хочу убедиться, весело ли проводит свое... кхее... свадебное путешествие одна из ваших девушек. Эллис Виллер.

Кровь все еще капала.

— Я не понимаю, о чем вы говорите. Объясните. Или арестуйте меня, чтобы я мог взять адвоката. Перестаньте меня бить, а то вы храбрый под охраной сержанта. Пошли выйдем один на один...

Хрясь!

— Заткнись, дерьмо! Ну, хорошо, в таком случае сегодняшнее заседание откладывается. Точнее, это была дружеская беседа, так сказать, встреча коллег... моего кулака и вашего сизого носа. На сегодня все, Эванс.

Послышались удаляющиеся шаги. Мужчины вышли из подвала.

Снова послышался голос Мак-Крини:

— Но у меня такое чувство, что мы здесь еще побываем. И тогда все закончится не так просто: мы разнесем весь этот гнусный притон по кирпичику.

Казалось, Эванс снова воспрянул духом.

— А что вы все-таки здесь ищете?

— А что придется. Мишень для кулака... то-сё, мы люди не гордые, — с любезной улыбкой произнес лейтенант.

Глава 15

Шаги давно смолкли, а Джексон все еще сидел тихо и неподвижно, пытаясь восстановить дыхание и собирая оставшиеся силы.

Что ж, лейтенант Мак-Крини или очень хитрый криминалист, или полный дурак.

Полицейская служба — не такое уж легкое и простое дело, как думают непосвященные. И он это знал. Если убийца не пойман на месте преступления, то сразу предполагается несколько версий. Существует закон полноты доказательств, необходимых для ареста, и ни один коп никогда не пойдет на арест, если не уверен в своей правоте, особенно если речь идет о такой крупной рыбе, как Флип Эванс.

Без сомнения, Мак-Крини отлично знал это, и может быть, ему было совсем неважно найти что-то в клубе Вели, может, он просто хотел вывести этого подонка из равновесия и спровоцировать его на необдуманный поступок.

Но, возможно, он просто был не настолько умен, чтобы видеть факты, лежащие прямо на поверхности.

Да, но он упомянул о Майами и заявил, что еще вернется сюда.

Тем не менее для него спасение может прийти слишком поздно. Он сам должен о себе позаботиться.

Мешки продолжали давить на грудь, дышать становилось все труднее и труднее. Эта картофелина во рту рано или поздно его задушит. А если эта честная компания вновь примется за него, то на этот раз ему уже не выдержать. После исчезновения Тельмы из больницы, Эвансу позарез необходима Ольга, чтобы держать в узде Тельму.

Джексон напряг все силы, стараясь хоть немного сдвинуть груз, давящий на грудь. Похоже, это ему удалось, потому что полоска света между мешками переместилась.

Игра воображения или просвет действительно стал больше? Джексон обнаружил, что его тело продвинулось вперед на пару дюймов. Основная тяжесть переместилась теперь с ног на голову. Он понял, что ноги его не были связаны, а только затекли. Его усилия вновь вернули

им чувствительность. Вскоре он сделал еще одну попытку, и так, отдыхая, дюйм за дюймом он стал рывками продвигаться вперед. Теперь он уже точно знал, что рано или поздно, но выкарабкается отсюда. Постепенно ослабили веревки, которыми были связаны руки. Теперь самое главное — не опоздать. Сколько времени прошло в этих попытках, он не знал, но ему удалось, наконец, выползти из-под мешков. Он даже вытащил изо рта картофелину, после чего повернулся на бок и его вырвало.

Он медленно приподнялся. Ноги дрожали, и он шатался как пьяный. Проковыляв по подвалу, он схватился за ящик с курами. Долгое время он держался за него, как за спасательный круг. Как много произошло за последние тридцать шесть часов! Он почти не спал, жил в страшном нервном напряжении. Да, он вылез из-под груды мешков, но как выбраться из клуба? Это было почти невозможным предприятием, так как наверняка все выходы были перекрыты людьми Флипа.

Но терять ему было нечего. Надо было не тратить время на подслушивание, а постараться сдвинуть мешки при Мак-Крини. Сержант или лейтенант заметили бы его, и, тогда Флипу не отвертеться, как бы он ни изворачивался.

Наконец он оторвал руки от ящика с курами. Ноги уже не дрожали, и он мог передвигаться. Он заделал лаз между мешками и отряхнулся.

Интересно, есть ли на окнах подвала решетки?

Джексон принялся осматривать набитый всякой всячиной подвал. Повсюду стояли вышедшие из употребления столы, стулья, игровые автоматы, кухонное оборудование. Не удивительно, что Мак-Крини и Калтсон не предприняли тщательного обыска. Для этого сюда надо было бы вызвать целую ораву копов.

Джексон заметил старый рояль, стоявший у стены. За ним виднелся электрощит. Джексон задумчиво посмотрел на него. Не связан ли он с осветительной системой всего клуба? Насколько Джексон знал, распределительные щиты находились, также у гардероба и у бюро Флипа.

Рядом с пищевым складом располагался винный погреб. Дальше — закуток с маленькой раковиной. Джексон вошел туда. Ему в нос ударил какой-то отвратительный запах. Он подставил руки под струю воды из крана, сполоснул лицо и взглянул на себя в зеркало.

На удачливого конферансье он сейчас не похож — скорее, бродяга с Мадиссон-стрит. Он снова вышел в подвал и остановился как вкопанный. На верхней площадке лестницы, ведущей в помещение для гостей, слышались чьи-то шаги.

У Джексона пробежали по телу мурашки. Решающая минута приближалась. Флип разыгрывал перед копами приветливого хозяина, а Монах со своими подручными спускался в подвал, чтобы окончательно обработать его. Джексон спрятался за рояль и в отчаянии принялся искать какое-нибудь оружие.

На мгновение слышались громкие звуки джазовой музыки, потом дверь снова закрылась. Джексон услышал шум поворачиваемого в замке ключа. По лестнице но спеша спускались двое.

Одним из них был, разумеется, Монах, а второй был из новеньких. Монах называл его Ларри.

Спустившись вниз, они остановились перед складом со съестными припасами.

— Давай стаскивай мешки! — приказал Монах. — Допросим этого мокроштанника еще раз. А то Мак-Крини может вернуться и испортить нам удовольствие.

— Первое такси вы так и не нашли? — поинтересовался Ларри.

— К сожалению, нет.

— А Тельму?

— Один черт знает куда она подевалась. Я предупреждал Флипа насчет этой куколки, ясно было, что рано или поздно она принесет нам неприятности. А когда Флип направил ее на Пирса, все вообще пошло шиворот-навыворот.

Наконец они вошли в склад. Джексон подумал: а не совершить ли ему отчаянную попытку и не попытаться ли прорваться к лестнице, но затем отказался от этой мысли. Ведь двери ему не миновать, а она заперта на ключ.

Он слышал, как напарник Монаха перекладывал мешки.

— А глубоко он лежит?

— В самом низу.

Ларри, покашливая и кряхтя, продолжал ворочать мешки.

— Что-то ничего не пойму, — услышал Джексон голос Ларри.

— Что там еще?

— Ты абсолютно уверен, что он лежал в этом месте?

— Конечно. Я сам видел, как Дей и Джим заваливали его мешками.

— Во всяком случае, тут его нет. Можешь взглянуть сам. Осталось только два мешка, а дальше голый пол.

— Какие все-таки беспокойные бывают люди! — Монах стоял в дверях склада с оружием в руке, медленно обводя взглядом разбросанные мешки с картофелем. — О'кей, Харт. Если ты выйдешь добровольно, то облегчишь всем жизнь. И нам и себе. Я знаю, что ты прячешься где-то здесь.

Джексон застыл за роялем и почти перестал дышать. Пока у него было преимущество: он видел своих противников, а они его нет.

Монах продолжал осматривать склад.

— Ты храбрый парень, в этом тебе не откажешь. Но тебе все равно не выбраться из клуба, и ты это отлично знаешь. Так будь же благоразумным. Скажи нам, что ты сделал с девчонкой, и мы поступим с тобой по совести.

Джексон не шевелился.

Монах сделал несколько шагов вперед, в дверях появился Ларри, вытирая руки тряпкой.

— Хитрая бестия!

— Кто его знает, — хмуро буркнул Монах. — Посмотри в умывальнике.

Ларри распахнул дверь и отпрыгнул в сторону.

— И тут его, заразы, нет!

Монах медленно двинулся обратно к лестнице.

— Ну! Чего же ты еще ждешь? Ищи!

— А черт его знает...

— Да он тут, прячется среди мебели.

Ларри боязливо предположил:

— А вдруг у него пушка?

— Откуда она у него?

— А как ему удалось выбраться из-под мешков? — не сдавался Ларри, проявляя нерешительность.

— Начни с того конца и иди на меня! — разозлившись, закричал Монах.

Джексон бросил взгляд на электрощит. Рояль скрывал его от Монаха, но если его напарник станет рыться в этой рухляди, то наверняка его обнаружит.

Когда Ларри приблизился к нему совсем близко, Джексон попытался открыть щит, чтобы добраться до рубильника. Ларри заметил это движение и сорвался с места.

— Ну, зачем, зачем? — упрекнул он Джексона. — Хороший парень, а играешь со светом.

— Ты нашел его? — раздался голос Монаха.

— Он прячется за роялем. — С этими словами Ларри нагло и самоуверенно направился к узнику.

Джексон нанес ему молниеносный удар в челюсть. Голова Ларри с такой силой ударилась о рояль, что зазвенели клавиши. За ударом в челюсть последовал хороший удар по шее.

Ларри не издал ни звука, потому что удар пришелся по гортани. У него стали закатываться глаза. Джексон ударил еще раз, глаза у Ларри закрылись окончательно, и он мешком свалился на пол.

— В чем дело? — закричал Монах.

Джексон попытался симитировать голос Ларри.

— Мне пришлось послать его в нокаут. Иди сюда и помоги его вытащить...

Какое-то мгновение стояла тишина, потом раздался выстрел, и пуля, пробив крышку рояля, вошла в спинку кушетки, стоящей позади Джексона.

— Нет, дорогуша, так дешево меня не купишь. Это трюк для простачков. И хватит играть в бирюльки. Поднимай руки и выходи из-за своего проклятого рояля!

В этот момент Джексону удалось наконец открыть щит и повернуть рукоятку рубильника. В подвале наступила кромешная темнота.

Но Монаха это не смутило.

— Вот что я хочу тебе сказать, Харт. Ты думаешь, что я не решусь тебя прикончить? Ты считаешь, что находишься в безопасности, пока мы не узнаем от тебя, где находится сестра

Тельмы? Но ты глубоко ошибаешься. Влип в передрагу Флип, а не я. К этому делу я не имею никакого отношения. Мы знаем, что Тельма не умерла, так что теперь мне наплевать на полицию. И тебе следует подумать обо всем этом.

Темнота внезапно приобрела вес, который мешком лег на плечи Джексона. Он понял, что хотел сказать Монах. Уже давно было известно, что он станет преемником жирного клопа, если с Флипом что-нибудь случится. Если он и в самом деле не имел отношения к убийству, свидетелем которого была Ольга, то у него была возможность вырасти в боссы.

Джексон вышел из-за рояля.

— Быстро что-нибудь скажи! — угрожающе проивнес Монах. — Десять против одного: ты от меня не уйдешь.

Голос его звучал совсем рядом. Кончиками пальцев Джексон нащупал дверь умывальной комнаты и открытую дверь винного погреба. Дальше была открытая дверь склада съестных припасов.

Монах находился от него уже в нескольких шагах.

— Жаль, Харт, — не умолкал он. — Если бы ты остался лежать среди мешков, я бы просто изувечил тебя, но теперь редкую возможность избавить мир от такой гадины я просто не могу упустить.

Монах снова выстрелил. Джексон инстинктивно отпрянул и оказался сидящим в ящике с курами.

— Ага! — удовлетворенно констатировал Монах и выстрелил в третий раз.

Пуля скользнула по бедру Джексона. Дальше отступать было некуда. В отчаянии он пошарил вокруг себя и наткнулся на топорик, оставленный кухонным работником.

Джексон схватил его, торжествующе завопил и швырнул в сторону, где, по его предположениям, находился Монах. Послышался глухой звук удара, когда топорик встретился с препятствием, и Монах завыл.

— Проклятье... о-о-о!...

Его револьвер со стуком упал на пол. Потом послышался звук падения тяжелого тела на бетонный пол. Наступила тишина. Джексон слышал только свое тяжелое дыхание.

Он стал ощупью пробираться вдоль стены к двери. Он не решился включить свет, понимал: если увидит этих типов, ему станет плохо.

У двери он наткнулся на пальто и шляпу Ларри и натянул их на себя. Искать револьвер Монаха не было необходимости, поскольку он обнаружил оружие в кармане пальто Ларри.

Поднявшись вверх по лестнице, он обнаружил ключ, торчавший в замке.

В помещении клуба было темно, как в подвале. Единственным источником света был луч прожектора, направленный на рыжеволосую красивую девушку — ту самую, которая обрадованно бросилась к нему на шею, а затем ударила каблуком в пах. Она выглядела прилично и фигурку имела неплохую. И костюм ее был вполне скромным — ничего, кроме сапожек.

Мимо Джексона прошло несколько официанток. Они узнали пальто, но не человека, на котором оно было надето. Джексон прошёл по среднему проходу и заглянул в кухню. У задней

двери сидел Дэйв Брей и глядел в ночь. Передняя дверь и боковые выходы тоже хорошо охранялись. Флип не желал рисковать. Он ждал результатов.

Держа револьвер наготове, Джексон вернулся обратно и открыл дверь в комнату Флипа, ту, в которую когда-то вошла, заблудившись, Ольга. Джексон заглянул в свою, бывшую гардеробную, находившуюся напротив. Дорогие платья в шкафу, норковое манто, небрежно брошенное на кушетку, позволяли сделать заключение, что теперь это комната рыжеволосой. Он убедился, что за ним никто не следит, и вошел в гардеробную, закрыв за собой дверь.

Глава 16

Звуки музыки доносились сюда слабо. Чувственные ритмы сменились монотонными. Под эти звуки рыжеволосая исполняла свой коронный номер. Послышались скудные аплодисменты, но это вовсе не означало, что ее плохо приняли.

Джексону страшно захотелось курить.

«Странное дело — успех, — подумал Джексон. — Чтобы его добиться, мужчина должен трудиться изо всех сил, как ненормальный, знать все трюки и все ходы-выходы. А женщине достаточно просто раздеться. Правда, для женщины успех в стриптизе в клубе Вели можно назвать успехом с некоторой натяжкой».

Обычно, Джексон знал это, банковский счет выступавшей пополнялся в зависимости от того, как проходили часы после этого мини-спектакля одного актера. Джексон слышал об этом от девушек достаточно много. А прожекторы, освещавшие артистку, лишь показывали товар лицом и остальными частями тела.

На туалетном столике, заваленном всякой всячиной, он нашел пачку сигарет и закурил. Первая затяжка доставила истинное наслаждение, но при второй он ощутил, что запах парфюмерии, перебивает запах табака. Судя по всему, хозяйка таскала сигареты в сумочке. Он недовольно поморщился и выглянул в зарешеченное окно.

Голова и разбитое лицо болели. Рана на бедре от пули Монаха сверлила. Он убил одного, а может, и двух людей Эванса. И неприятности были еще впереди. Обо всем этом можно было бы как следует подумать. Но он вспомнил брошенное Монахом вскользь замечание, что Тельма не была осчастливлена Флипом, и довольно улыбнулся.

Да, Тельма не такая, как другие девушки, и поэтому она не могла хорошо чувствовать себя в клубе Вели. Просто она втянулась в ситуацию и не могла самостоятельно выбраться из этой клоаки. Но как только она увидела свет в окошке, то сразу попыталась воспользоваться представившейся возможностью.

Харт вытер со лба пот. Если бы он только не думал о ней... Но как бы то ни было, она была его женой. Интересно, где она сейчас? Почему она исчезла из больницы, будучи в таком тяжелом состоянии?

Кто-то нажал на ручку двери. Окно находилось как раз напротив двери, справа. Он сжал рукоятку револьвера в кармане пальто и немного повернул голову, чтобы видеть дверь в зеркале туалетного столика. На пороге возникла рыжеволосая. Она все еще тяжело дышала после исполнения стриптиза, лицо ее было мокрым от пота.

— Джентльмены называются, — недовольно проворчала она. — Будто боятся руки отбить. Такие жидкие аплодисменты, а ведь я сегодня была хороша.

— Конечно, Милред, — польстил ей какой-то мужчина. — Но в это время настоящие джентльмены заняты тем, что развозят своих девочек по отелям и бардакам. Подлинного искусства они просто не могут заметить, оно отходит на задний план перед животной страстью к сексу.

Джексон заметил, что в комнате находился еще один человек, и узнал в нем конференсье Лекса. Его слова напомнили Харту те времена, когда и он был на месте Лекса, и все в нем перевернулось, когда он вспомнил, как лез из кожи, чтобы угодить Эвансу.

Рыжеволосая потрепала Лекса по щеке.

— Благодарю, Лекс, ты очень добрый, — и тихо добавила: — Если бы Флип не был так ревнив, у нас, может быть, что-нибудь и вышло.

Она закрыла дверь и направилась к зеркалу. Ее белая накидка колыхалась. Джексон не ошибся: на ней были только сапожки на высоком каблуке и больше ничего, ни единой тряпочки. Но ее обнаженное тело не взволновало его.

Милред стала расчесывать волосы и неожиданно заметила у окна рослого человека. Ее маленькие губки сердито скривились.

— Идиот! — Выпалила она. — Быстро сматывайся отсюда, Ларри! Ты же знаешь, как ревнив Флип. Если он узнает!

Только тут она заметила, что это не Ларри, а совсем другой мужчина. Ее накрашенный ротик скривился, она приготовилась закричать.

— Один звук, Милред, и я скажу Флипу, что это ты меня сюда втащила, — предостерег ее Джексон. — И тогда прощай, твое новое норковое манто.

— Это ты...

— Совершенно верно.

На ее личике появилось озабоченное выражение.

— Ты этого не сделаешь.

— Не сделаю чего?

— Не скажешь Флипу, что я привела тебя сюда.

— Все будет зависеть от обстоятельств, — заметил Джексон.

С хорошо разыгранным смущением рыжеволосая запахнула халат и с удивлением осведомилась:

— Но почему ты не в подвале?

— Я уже там побывал, но мне там не понравилось.

Милред попыталась осмыслить ситуацию.

— Вы пришли к соглашению?

— Да.

— Но почему на тебе пальто Ларри?

— Позаимствовал.

— Ах, вот оно что!

Джексон с интересом наблюдал за ней. Она была мила, но очень глупа. Возможно, она и не знала, почему и зачем его заперли в подвале. Девять десятых персонала не знали, какими побочными делами занимается владелец клуба. Вначале не знал этого и Джексон. Рыжеволосая просто получила задание отвлечь его, повиснуть на шее и называть «милым». Вот и все ее участие в этом происшествии, если не считать подлого удара каблуком в пах.

Милред еще плотнее запахнула свой халатик.

— Так в чем же, собственно дело? Ты сказал, что все будет зависеть от обстоятельств. Что ты от меня хочешь? — Она соблазнительно провела язычком по губам. Это можно было понять, как приглашение к действию.

— Не того, о чем ты думаешь, — ответил он. — Мне необходимы кое-какие сведения.

— Ах, вот оно что, — разочарованно промолвила она.

— Что ты знаешь об Эллис Виллер?

— Об этой маленькой потаскушке? — презрительно сморщилась она.

— Сейчас это не имеет значения. Она как, ничего, миленькая?

— На некоторых мужчин действует неотразимо.

— Где мне ее найти?

— Ее вообще нельзя найти.

— Почему?

Милред оставила свой халат в покое и снова занялась расчесыванием волос.

— Потому что она во Флориде. Флип купил ей билет, и она улетела туда вчера вечером.

— Вчера вечером?

— Ты что, плохо слышишь?... Прочисть уши!

Она продолжала расчесываться.

— Я сама ездила с Монахом и Флипом в аэропорт. Мы ее проводили. Вот так вот! Я никогда ничего не выдумываю.

— Да... А я-то думал, что она улетела туда три-четыре дня назад с Филмером Пирсом.

— С этим седым бабником? Нет... Тот воспылал любовью к Тельме и захотел на ней жениться. Он даже разговаривал об этом с Флипом. Для того это было, как пинок в зад. Старик даже заплатил аванс, только эта дура Тельма не захотела принимать в этом участие. Она... — рыжеволосая поглядела на Джексона. — Ты ведь не наш, правда?

— А что сказал тебе обо мне Ларри?

— Он сказал, что ты жульничал в рулетку и заслужил хорошую трепку. Но на игрока ты не похож, — неуверенно промолвила она. — Кто же ты такой?

— Хочешь знать, кто я? Ты читаешь газеты, малышка? — поинтересовался он. Джексон уже потерял к ней интерес, так как узнал все, что хотел. Как бы теперь отсюда выбраться?

Милред покачала головой.

— Нет, меня это не интересует.

— Жаль.

В углу кушетки лежала маленькая кукла. Джексон взял ее на руки. Неожиданно кукла наклонилась вперед и спросила:

— Ты умная девочка? Да? Тогда оставь свои вопросы при себе.

Ему не надо было этого делать. Милред уронила расческу и испуганно уставилась на него.

— Теперь я тебя узнала. Ты тот человек, который работал тут раньше и велел потом убить Тельму. Наши девушки только об этом и говорят.

— Да что ты говоришь! — усмехнулся Джексон.

Она сделала шаг в сторону. Белый халатик соскользнул с ее плеч и упал на пол.

— Прошу тебя, не убивай меня... Я даже не знаю, какие у тебя разногласия с Флипом. Я только делала то, что он мне приказал.

— Ладно, ладно. Я тебя не упрекаю.

Казалось, она не слышала его слов.

— Прошу тебя, не убивай меня!

— Я и не собираюсь.

Она не спускала с него испуганных глаз. Подняв руки, она провела ими по волосам, откинув их назад. При этом движении ее груди упруго приподнялись, нацелившись на Джексона.

— Если ты не сделаешь мне ничего плохого, то я бы не прочь...

Милред надвигалась на него обнаженным телом, и Джексон невольно отступил в угол. Никогда еще он не ощущал такого неприятия того, что она ему предлагала. Он решительно отступил еще на шаг, следя за ее нескромными телодвижениями, которыми Милред пыталась соблазнить его.

— Что?

Она снова провела языком по губам и призывно качнула округлыми бедрами.

— Сам знаешь, не маленький.

— Где?

— Здесь.

— Когда?

— Прямо сейчас. — Милред отвернулась от него. — Я только запру дверь, чтобы нас не застукали.

Джексон схватил ее за руку.

— Неплохой трюк! Но если ты думаешь, что я позволю тебе открыть дверь и позвать тех людей, то ты ошибаешься.

Вместо того, чтобы освободиться от него, она обвила его шею руками и крепко прижалась к нему обнаженным телом.

— Я и не думаю кричать, моя радость, — солгала она, — ведь я хочу тебя... — И в этот же миг завопила: — На помощь! Насилуют! Помогите!!!

Джексон попытался высвободиться от нее, но она оказалась довольно сильной и ловкой. Прижавшись к нему еще сильнее, она ловко подставила ему ножку, сделала резкое движение бедром, и он упал. Она сразу упала на него.

Он чуть не задохнулся от наготы напудренной и буйной плоти. Однако он сумел оттолкнуть ее и вскочить на ноги, как раз в тот момент, когда дверь гардеробной распахнулась. На пороге стоял Дэйв Брей и толстый нахмуренный Флип.

В руке Дэйва был револьвер.

— Не двигаться! — предостерег он.

За ту секунду, что дверь была открыта, Джексон заметил группу взволнованных танцовщиц, поваров и официантов. В следующий момент Флип зло захлопнул дверь и встал перед Джексоном.

Лицо толстяка побагровело от ярости.

— Как тебе удалось выбраться из подвала, сволочь? Ну, да ладно, теперь тебе все равно конец. Сейчас я буду резать тебя, тварь! — Его взгляд упал на Брея. — Ты что на пеня устался? Шевели мозгами! В любую минуту тут может появиться Мак-Крини. Мы должны переправить эту мразь в студию. Куда делся Монах? Он уже знает, где девчонка? — Брей открыл было рот, но Эванс не дал сказать. — Шевелись быстрее, скотина! Зори Монаха, и займитесь этим ублюдком.

Дейв позеленел от страха. Наконец он с трудом выдавил:

— Зови его сам. Он сюда не примет.

— Что ты несешь?

— Я только что из подвала. Хотел узнать, что они там задержались? Так вот... Ларри, может быть, и выживет, но уж Монаху конец! Он зарубил его топором... этот парень. Прямо между глаз.

Девушка уже спрятала свое холеное тело в халатик и щебетала:

— Ой! Как здорово, что вовремя вы появились!

Джексону надо было выбираться из клуба любым путем, даже с помощью оружия. Такое бывает разве что в кино или по телевизору. К сожалению, придется действовать по обстоятельствам. Ошибка может стоить ему жизни. Ведь он артист, а не гангстер. Конечно, стрелять он умел, вернее, нажимать на курок, но метким стрелком его не назовешь.

Эванс вынул изо рта сигарету и повернулся к Милред.

— Ты точно ничего не сообщила Джексону о Виллер?

Милред невинно захлопала длинными ресницами.

— Конечно, ничего!

Эванс вlepил Джексону пощечину.

— Выкладывай, куда ты дел девочку, Харт?

Необъяснимая вялость охватила Харт. Все тело ныло и болело. Выдержит ли он очередную трепку? Может сказать Флипу, куда он дел Ольгу? Ведь если все прошло по плану, как он задумал, это не принесет никому вреда. Но слова почему-то не слетали с его губ. Гордость не позволяла ему сдаться этому подонку.

Вместо него ответила французская куколка, сидевшая на софе:

— Послушай, ты, жирный боров, не хочешь ли ты полюбить меня?

— Вот это да! — удивилась Милред. — Как это у тебя получается?

«Точно так же могла бы разговаривать и Ольга, — подумал Джексон, и невольно слезы навернулись на глазах. — И если задуматься, малышка могла бы дать несколько очков вперед этой дурище».

На какой-то миг в комнате воцарилась тишина, ее прервал Брей:

— А если Мак-Крини оставил в клубе соглядатая? Как тогда нам вытащить отсюда Харт?

Эванс невозмутимо взглянул на Милред:

— На нем пальто Ларри?

— Да. И шляпа тоже его. Поэтому-то, мой дорогой, я и не закричала сразу. Он сказал, что позаимствовал эти вещи.

— Одевайся! — приказал Эванс.

— Сейчас, дорогой, — ответила она и, сбросив халат, начала одеваться так медленно, точно находилась в комнате одна.

Эванс сунул в рот сигару и закурил. Вид у него был довольно сонный.

— Пройдем через боковой выход, — заявил он, выпуская клуб дыма. — Мак-Крини уже видел это пальто. И Милред он тоже знает. Если мы все вместе выйдем через боковую дверь, он может подумать, что это Ларри. Впрочем, полиция не может предъявить мне никаких обвинений.

— Пока, — заметил Брей.

— И тем не менее мои показания стоят больше показаний семилетней девочки, вот и все!

Но неуверенные нотки в его голосе показывали, что он далеко в этом не уверен.

Брей поставил револьвер на предохранитель — тот, что отнял у Джексона — и сунул его в карман. Свой пистолет он держал в руке, не теряя бдительности.

— Я чувствовал бы себя гораздо уверенней, если бы Тельма и Ольга находились в моих руках, — буркнул Брей.

Эванс вытер пот со лба.

— Я тем более... — Он посмотрел на усыпанные маленькими бриллиантами часы и включил радио. Зазвучала музыка.

Джексон узнал позывные — мелодию клуба Вели. Сотни раз, когда ему не спалось, он слышал эту мелодию в темной тюремной камере, настраивая на эту волну запрещенный приемник и убавив до предела звук. Послышался голос Лекса Хавенса:

— С добрым утром, дорогие сограждане...

Джексон подумал, что у парня хороший голос и вообще он хороший парень. Если не испортится в этой обители греха, то может стать неплохим человеком.

Милпред наконец натянула платье, но тут же снова приподняла его, чтобы поправить чулок. Джексон не мог удержаться от смеха. Он находится на пути на тот свет, а подружка Эванса беспокоилась о том, чтобы не сползли чулки.

— А если я не соглашусь идти добровольно? — обратился он к Эвансу.

— Ну, Харт, — заговорил Эванс с обескураживающей откровенностью, — ведь это не только от тебя зависит. Ты можешь идти на своих ногах, а если не захочешь, мы тебя вынесем. Я не могу терять больше времени, мне нужно знать, где Ольга. Если копы меня опередят, мне придется тугу.

Французская кукла на софе прищелкнула языком, которого у нее не было.

— В этом что-то есть!

Милпред как раз набросила на себя норковое манго. На скромную остроту Джексона она ответила хихиканьем и сразу бросила виноватый взгляд на Флипа. Тот неодобрительно взглянул на нее, но промолчал.

— Быстро, Харт! — нетерпеливо приказал Дейв Брей. — Мы пойдем впереди. И без шуток! Понятно? Иначе я с радостью влеплю тебе пулю в лоб! Держись на шаг впереди меня.

В холле никого не было. Ночная программа продолжалась. Девушки из балета разошлись, кухня была закрыта.

— Дорогу ты знаешь, — раздался скрипучий голос Эванса. — Проходи перед оркестром. А если кто тебя и узнает, беда невелика. Все гости под хмельком.

Джексон повиновался. Некоторые из музыкантов подняли глаза, узнали проходящих и снова занялись своим делом.

Микрофон, в который хрипел один из артистов, был удивительно близок. Они прошли уже половину эстрадной площадки, когда Джексон вспрыгнул на нее, преследуемый по пятам Дэйвом.

Джексон уже почти дотянулся до микрофона, когда Дэйв ударил его по затылку рукояткой револьвера. Харт покачнулся и, конечно бы, упал, не подхвати его конферансье.

— Благодарю, Лекс, — прохрипел Брей и сунул оружие обратно в карман. — Ну, пошли, парень, — громко сказал он, — опять нализался, даже стоять не можешь.

Лекс Хавенс побледнел. Он не спускал глаза с обоих мужчин, но продолжал что-то мурлыкать в микрофон.

Джексон тяжело вздохнул. Губы его были плотно сжаты. Кровь, смешиваясь с потом, стекала ему по спине. Бросив разочарованный взгляд на микрофон, он поддался силе оружия, упировавшегося ему в спину. Джексон повернулся лицом к Милред и Флипу.

Толстяк облегченно вздохнул.

— Отличная работа, Дэйв! Я было подумал, что он поднимет шум с микрофоном.

— Он наделал в штаны, когда я чуть не проломил ему череп, — хвастливо заявил Брей и посмотрел на Джексона. — Ну, что скажешь? Тебя нести или сам пойдешь?

— Сам, — буркнул Джексон.

Идти было недалеко. Боковой выход вывал их в темный переулок. В полуквартале от них находился дом, где располагалась студия Флипа. Здесь пахло нечистотами, то и дело пробегали крысы. Никто не заметил, как они вышли.

Когда они оказались в безопасности, Флип вытер лицо платком.

— Фу, все позади!

Он провел их через темный подвал в котельное помещение. Там пахло паром. Из приоткрытой топки вырвался огонь.

Тяжелые шаги мужчин и звонкое цоканье каблучков Милред как-то неестественно звучали в ушах Джексона. Приблизительно так он представлял себе ад. Он даже не чувствовал страха. Тело и душа были словно парализованы. Эванс открыл дверь в глубине котельной и отступил в сторону, пропуская остальных. За дверью находился скрытый лифт, поднимающийся прямо в студию, находящуюся под крышей.

— Тебе знаком этот лифт, не так ли, Харт? — уточнил Эванс.

Джексон кивнул.

— Еще с той поры, как ты прикончил Элен и свалил вину на моего брата, — подтвердил он.

Маленькую кабину лифта освещала тусклая лампочка. Эванс с упреком посмотрел на Джексона.

— Тебе не следовало этого говорить, парень. Особенно в присутствии Милред. Ведь у этой куколочки могут появиться глупые мысли. — Эванс неприязненно уставился на нее. — Люди, которые считают, что держат меня в руках, мне весьма антипатичны. — Он деланно рассмеялся.

— Не смотри на меня так, Флип, я ведь ничего не слышала.

Лифт со скрипом поднимался вверх. Вряд ли кто-нибудь знал о его существовании, кто-нибудь из тех, кому следовало бы это знать. Сам Эванс пользовался им только в экстренных случаях.

Студия совершенно не изменилась с тех пор, как Джексон был здесь в последний раз. Интерьер ее был настоящей пощечиной хорошему вкусу. Но эта студия обошлась Эвансу в целое состояние. Единственная положительная сторона этой кошмарной комнаты — отсюда открывался чудесный вид на город и озеро Мичиган.

Эванс снял пальто.

— Рамон! — позвал он.

Никто ему не ответил. Он крикнул еще раз, а потом отправился на поиски слуги. Когда он вернулся, вид у него был очень задумчивый:

— Странно.

— Что тут странного? — возразил Брей.

— Рамона нет в комнате. Кровать не тронута. Но я хорошо помню, что говорил ему, чтобы он не уходил сегодня. — Он снял куртку и аккуратно положил ее на диван, обшитый белой кожей. — Бывают дни, когда все идет наперекосяк. Ну, он у меня завтра попляшет, желтая собака!

В помещении стояла страшная духота. Стеклопанные двери на террасу были закрыты. Сняв галстук и рубашку, Эванс приказал:

— Открой двери, Дэйв!

Тот бросился к дверям, и в студию ворвался свежий бриз.

— А если кто услышит, как он закричит? — поинтересовался Брей.

Эванс положил рубашку рядом с курткой.

— С этой высоты никто ничего не услышит. — Он самодовольно улыбнулся Милред. — Здесь кое-кто кричал, но без успеха. Например, девушки, которые не понимали, что для них плохо, а что хорошо, клянусь мамой!

Милред с застывшей улыбкой сидела на софе.

— Не смотри на меня так, дорогой. Я же здесь не кричала? Так?

— После того как дала себя как следует трахнуть.

— Это подло с твоей стороны, Флип!

Эванс расстегнул пояс.

— Но это не имеет значения. Я же не могу на каждый свой палец нанизывать по десять девок. Самое главное, чтобы ты держала свой рот на замке, а то мне придется зашить его проволокой.

Рыжеволосая запрыгала, как молодая собачка, которая хочет доставить радость своему хозяину.

— Конечно. Легавые скорее убьют меня, чем узнают что-нибудь о тебе. — Она слегка погладила норковое манто. — Тебе наверняка не было ни с кем так хорошо, как со мной, милый!

Джексон переминался с ноги на ногу. Как жаль, что ему не удалось прикончить Эванса! Этот клоп превращал в дерьмо все, к чему прикасался.

Он перевел взгляд с испуганной девушки на Эванса. Без рубашки этот тип казался таким жирным, что он невольно пожалел тех девушек, на которых тот залезал. Джексон представил как им было противно терпеть на себе это желе. С другой стороны, у Эванса были крепкие мышцы, и он мог спокойно свалить ударом кулака здорового человека. Джексон испытывал к нему фантастическую антипатию. Ближайшее время не сулило для него ничего хорошего, кроме боли и пыток.

Эванс прошел по толстому ковру и постучал по груди Джексона, как по двери.

— Я не коп, Харт, и не мелкий гангстер, как Ларри или Монах. Я — Эванс.

— Ну и дальше?

— Где Ольга?

— А если я не скажу?

Толстяк сжал руку в кулак и медленно вытянул ее, когда раздался чей-то женский голос:

— Я слышала здесь голоса...

Джексон в удивлении повернулся. В открытой двери стояла Тельма.

— О, боже! — вырвалось у Брея.

Тельма выглядела бледной и больной, но была еще красивее, чем в воспоминаниях Джексона. Глаза ее немного припухли, словно она только что спала или плакала. Но одежда у нее была в полном порядке. Ее стройную фигурку облегал костюм песочного цвета, а кокетливая шапочка такого же цвета была украшена пером и красиво сидела на ее головке. На правом плеча висела коричневая сумка. Тельма улыбнулась такой улыбкой, которая не могла не вызвать восхищение.

— Ты давно тут? — спросил ее Эванс.

— С тех пор, как убежала из больницы. — Она насмешливо скривила губы. — Возможно, ты помнишь, что у меня был латунный ключ от твоей студии.

Эванс широко улыбнулся.

— Значит, пришла каяться?

— Можно сказать, и так.

— Почему?

Она была еще настолько слаба, что вынуждена была держаться за косяк двери. Тельма мельком взглянула на Джексона. Голос ее звучал тихо и неуверенно.

— Может быть, я поняла, что так для меня лучше. — Ее пальцы играли тремя орхидеями. Внезапно ее глаза стали подозрительно синими и чистыми. — И вообще, что удивительного в том, что девушка хочет быть о мужчиной, который ее любит?

Глава 17

Эванс был несказанно рад.

— Ну, что ты скажешь, Дэйв! Уж если я поймаю рыбку, то она остается у меня, черт меня побери!» — Он снова повернулся к Тельме. — Значит, ты вернулась. Что ж, возможно, я тебя и прощу.

— Спасибо, — скромно промолвила Тельма. Милред молнией вскочила с кресла.

— Нет, дело так не пойдет!

— Сядь! — строго произнес Эванс и, подумав, нерешительно добавил: — Сука...

Милред послушно села.

— Вынь эти орхидеи, Тельма, — буркнул Эванс. — Что еще за глупости!

Руками, еще дрожащими от слабости, Тельма вынула из отворота пиджака цветы и аккуратно, положила их на маленький столик.

— Прости, я не думала, что ты будешь иметь что-нибудь против. Они лежали в столовой на столе. Я... я просто, хотела быть красивой.

— Для человека, которого ты любишь, не так ли?

Из глаз Тельмы выкатилась одинокая слеза.

— Да.

Эванс провел своей мясистой рукой по напмаженным волосам.

— Смотри-ка, Дэйв! Достаточно мне кого-нибудь прихватить, как от меня уже не уйти.

У Брея такой уверенности не было.

— Только не думай, Харт, — продолжал Эванс, — что для тебя что-то изменилось. — И он сильно ударил его по лицу. — Ты покинешь этот дом в мешке для белья, только для тебя это будет безразлично: мы разрежем тебя на части.

— Я бы не очень спешил на твоём месте.

— Почему?

Джексон внимательно посмотрел на Тельму, затем его взгляд вернулся к толстяку.

— Ты не имеешь права рисковать, так как должен сперва узнать, где скрывается девчонка. Если ее схватит Мрк-Крини, то он сможет ее допросить, а об остальном он и сам догадается.

— О чем?

— О том, что касается Филмера Пирса.

— Пирс во Флориде.

— Ты в этом уверен?

— Еще как!

— Тебе напомнить, что, когда Эллис Виллер улетала во Флориду, у нее в чемодане был разрубленный труп, и она передала поручение твоим людям, чтобы кто-то говорил от имени Пирса с его здешними адвокатами? Точнее, чтобы кто-то выдавал себя за Пирса.

Эванс выпрямился и направился к Милред, которая все еще возлежала на подушках.

— Надеюсь, это не ты растрезвонила Харту?

Та мрачно посмотрела на Тельму.

— Конечно, нет! Но если бы я знала, что ты опять спутаешься с этой стервой... Смотри, Эванс...

Эванс ударил ее с такой силой, что она слетела с подушек.

— Заткнись, погань!

Тельма помогла Милред подняться и усадила ее на не очень надежно выглядевший стул в стиле рококо.

— Не плачь, девочка. Тебе надо привыкать к такому обращению. Если хочешь носить норковое манто, кое с чем надо и примириться. Я знаю, о чем говорю, потому что и сама носила недавно такое манто.

Рыжеволосая провела тыльной стороной ладони по носу.

— Я не плачу, — всхлипнула она. Эванс вновь повернулся к Джексону.

— Значит, ты утверждаешь, что я убил Пирса? Ну и что? Я в этом не виноват. Во всем виновата Тельма.

— Ври больше!

— Да, Пирс был от нее без ума и хотел на ней жениться. Я согласился уладить это дело за пятьдесят тысяч. Потом он пошел на попятную и захотел, чтобы ему вернули деньги.

— Из-за этого ты и повздорил с Пирсом и убил его.

— Это еще надо доказать, — с апломбом заявил Эванс. — А без твоей глупой девчонки никто не сможет этого доказать. Откуда мне было знать, что она забралась в мой кабинет. Когда я заметил ее с зайцем, меня чуть кандрашка нехватила.

— Ты слишком много говоришь, — предупредил его Дэйв.

Эванс пожал плечами.

— Харт уже никому ничего не скажет. Да, как я сказал, меня чуть не хватил удар. Ведь я не знал, что у Тельмы есть маленькая сестра.

— Да, вот здесь тебе и не повезло. Если бы она вовремя не спохватилась и не смылась вместе с Ольгой, то их ждала бы судьба Пирса. Надеяться им было не на кого, и она положила на меня. В полицию ей идти было нельзя, потому что можно было нарваться на твоего человека, а она знала, что в таких случаях в последний момент свидетели могут исчезнуть. Вот она и решила выйти за меня замуж, чтобы иметь хоть какую-нибудь защиту. А чтобы наградить меня, решила составить страховку. Тельма догадывалась, что ты попытаешься ее убить, и хотела, чтобы часть денег досталась Ольге. И ты действительно пытался ее убить.

Эванс глядел на Тельму бесстыдным взглядом.

— Это было моей ошибкой, теперь я это понял. А сейчас мы помирились.

Джексон не обратил на его слова никакого внимания.

— Она знала и то, что я буду защищать Ольгу насколько смогу.

Эванс презрительно ухмыльнулся.

— Ну что за умник этот Харт! Разумеется, я убрал Пирса. Когда я понял, что не смогу вернуть деньги, мне их было просто жаль, а Тельму ему не видать, то это и случилось. Этот старикан обозвал меня грязным сутенером и пригрозил, что донесет на меня полиции. С его деньгами он мог бы добиться многого. — Эванс достал сигару и закурил. Ароматный дым сигары был дополнительным мучением для Джексона. — Значит, ты прибыл в Чикаго, чтобы пришить меня... Жаль, что тебе помешали другие дела. Ты же парень цепкий и нервы у тебя что надо. И ты смог бы это сделать. Кстати, как поживает Джерри?

— Он умер, — коротко ответил Джексон. — Убит.

Толстяк довольно рассмеялся.

— Да, и так случается... Я все сделал, чтобы пришить ему убийство. И если бы не ты, все было бы в порядке. Что ты, собственно, против меня имеешь? Ты же сам виноват в своей глупости, нечего разыгрывать благородство.

— Можешь балаболить все, что угодно, но тебе все равно не уйти от расплаты. Вспомни Ольгу!

— А иди ты со своей Ольгой! — отмахнулся Эванс и похлопал Тельму по заду жирной рукой. — Тельма снова со мной, а малышка будет говорить то, что ей внушит Тельма. А если и проболтается по глупости, то я скажу, что это детские выдумки, а Тельма это подтвердит.

Брей с облегчением вздохнул.

— Кажется, дело налаживается, — произнес он. — А что мы будем делать с Джексоном?

Эванс задумался.

— Прикончим и спустим вниз. Если топка поглотила Пирса, она не поперхнется и этим дерьмом. — Он говорил так спокойно, словно речь шла о забое скота. — Дай мне револьвер, Дэйв, я сам это сделаю.

Толстяк пошел было к Брею, но вдруг словно прирос к месту, так как Тельма неожиданно заявила:

— На твоём месте я бы не стала этого делать Флип.

— Что не стала бы делать?

— Попробуй только притронуться к Джексону. — Ее голос по-прежнему был тих, но звучал угрожающе.

Эванс взглянул на нее и побледнел. Тельма успела вытащить из своей сумочки револьвер. Она надела его прямо на Эванса.

— Что все это значит? — прохрипел он.

В глазах Тельмы снова заблестели слезы.

— Я давно тебе говорила, что я, может быть, и не очень умная и не слишком и порядочная — я много наделала такого, за что мне придется стыдиться всю жизнь. Но еще девочкой я мечтала полюбить хорошего, честного парня, которым я могла бы гордиться. Когда медсестра в больнице сообщила мне, что у меня был Харт с девочкой и зайцем, я чуть не умерла от радости. Поэтому-то я и сбежала. Я захотела найти его и хоть чем-нибудь помочь. — Теперь все ее лицо было залито слезами. — И вообще, что удивительного, если девушка хочет соединиться с человеком, которого любит и который любит ее?

Эванс злобно зашипел.

— Сучка! — И решительно направился в ее сторону. — А я-то думал, что ты втрескалась в меня. Что это за дрянь? Давай, жми на курок! Стреляй в меня из своего игрушечного пистолета! Стерва!

Тельма была еще очень слаба и качалась, как былинка на ветру. Револьвер был слишком тяжел для ее слабой руки. Он медленно опускался.

— Осторожно, Флип, — предостерег Брей, — она сейчас упадет.

Эванс сделал еще шаг к Тельме. В этот момент рыжеволосая вскочила с дивана, подбежала к Тельме и обняла ее за плечи.

— Попробуй только до нее дотронуться! — злобно закричала она. — Теперь я тебя раскусила. — Милред сбросила с себя норковое манто. — Засунь этот мех себе в задницу! Ты решил, что все девчонки от тебя без ума. Да я сейчас лопну от смеха!

Оскорбленный в своем мужском тщеславии, Эванс побелел от гнева, Джексон быстро встал между ним и девушками.

— Ты тут еще суешься! — прорычал Эванс и собрался наброситься на Джексона, но с террасы раздался громкий голос:

— Не шевелись, Эванс! Полиция!

Толстяк даже не оглянулся.

— Знаю я твои штучки и уже устал от них. — Он протянул руку назад. — Давай револьвер, Дэйв, да поживее!

Дэйв ничего не ответил, и тогда толстяк обернулся. В тот же миг его руки машинально полезли вверх. Брей стоял, повернувшись лицом к стене, с поднятыми руками, и к его спине прижимал дуло пистолета сержант Калтсон. С террасы в студию вошли люди Мак-Крини во главе с ним самим. По их лицам было видно, что шутить они не собираются.

У Эванса подкосились колени, и он плюхнулся на диван.

— Достаточно давно, — довольно улыбнулся Мак-Крини. — С тех пор, как нас впустила сюда миссис Джексон. Ведь у нее имеется ключ. — Мак-Крини ухмыльнулся. — Вы обаятельный человек, Эванс, поэтому будете моей призовой лошадкой. За вас я получу новый «бьюик», повышение по службе и еще прибавку к жалованью — долларов триста в год.

— Выходит, вы все знали? Еще когда были в клубе? Это Джексон послал к вам Ольгу?

— Не буду отрицать. Это была удивительно удачная идея. Малышка мне ничего не хотела говорить, поскольку дала слово сестре. Но вы сами знаете, когда женщины собираются вместе, их языки начинают работать, как мельницы. И Ольга рассказала все моей семилетней дочери Бумми. Она рассказала, как злой толстяк и седой господин ругались друг с другом, а потом толстяк выстрелил в седого, тот упал, и лицо у него залилось кровью. Ну, а я все это случайно слышал.

— Свинья! — гаркнул Эванс и бросил затравленный взгляд на дверь студии.

— На вашем месте я бы не стал и пытаться, — заметил Мак-Крини. — Во-первых, мне доставит огромное удовольствие превратить вашу спину в решето, а во-вторых, весь дом оцеплен полицейскими и вокруг патрульные машины.

— Значит, все сработало? — спросил Джексон.

Лейтенант кивнул.

— Слушатели были немало удивлены, когда среди пения Лекса Хавенса, чей-то голос произнес: «Говорит Харт Джексон, разыскиваемый по обвинению в убийстве. Позвоните в ближайшее полицейское управление, да поскорее. Я стою перед микрофоном в клубе Вели, но долго тут не пробуду. Полиция должна приехать в студию Флипа Эванса».

Лицо Эванса побагровело.

— Черт бы тебя побрал, Харт! — прогнусавил он. — Я же за тобой следил. Ты даже не шевельнул губами.

Джексон удивленно посмотрел на него.

— Я ведь чревовещатель...

Толстяк в припадке необузданной ярости набросился с кулаками на Джексона. Он заработал ими, как отбойным молотком, но Джексон ответил ударом в челюсть и левой в брюхо. Один из копов хотел вмешаться, но лейтенант качнул головой.

— До сих пор всякий находил удовольствие в том, чтобы избивать Джексона. Пусть теперь он сам получит удовольствие.

Силы противников были примерно равны. Но Джексон знал, что на них смотрит Тельма, и его это воодушевляло. К тому же он клокотал от ненависти, а Эванс просто потерял голову от страха. В течение нескольких минут были слышны только удары, стоны и учащенное дыхание. Затем Джексон нанес Эвансу великолепный удар в солнечное сплетение, сбил его с ног, уселся на него верхом и принялся обрабатывать ненавистную жирную морду. Лицо Джексона исказилось от ярости.

В этот момент Мак-Крини прекратил поединок.

— Ну хватит, ребята. Повеселились и будет. — Он сделал знак обоим людям, и они растащили противников. — Начало положено, а об остальном позаботимся мы. Благодарю за великолепное зрелище!

Джексон тяжело дышал, но тем не менее пытался вырваться и врезать Эвансу еще и еще раз, превратить это ненавистное лицо в свиную отбивную.

— Я пришел сюда, чтобы прикончить его!

— Так в чем же дело? Вы ведь достигли своей цели, — заявил лейтенант и тронул ногой стонущего на полу Эванса. — Он еще жив, но я уверен, что суд штата Иллинойс доведет дело до конца. У нас имеется его признание, застенографированное одним из полицейских. Есть множество свидетелей и Дэйв Брей, который скоро запоет лучше канарейки. — Тут Мак-Крини задумался. — Если учесть время на суд и кассацию, то, я думаю, через полгода его пристегнут к электрическому стулу.

Джексон вытер пот со лба. Ему хотелось взглянуть в сторону Тельмы, но он почему-то не отважился.

— В этом деле есть одна маленькая деталь, лейтенант.

— Какая?

— Я просидел в тюрьме семь лет без всякой вины. Но теперь у вас есть основания вернуть меня туда. В подвале клуба Вели лежат двое мертвых. Монах и еще один парень по имени Ларри. Я их убил.

— Почему?

— Они хотели прикончить меня.

Мак-Крини говорил медленно, как будто разговаривал с ребенком:

— Такие действия мы называем самозащитой. — Он похлопал Джексона по плечу. — Но в управление мы вас заберем, возможно, на ночь. — Он улыбнулся. — Впрочем, можете ни о чем не беспокоиться, разве только о том, где добыть денег на свадебное путешествие. Могу немного занять сам. Ну, теперь все прочь, я хочу похвастаться перед прессой, какой я умелый коп. Вероятно, я получу чин инспектора.

Джексон медленно направился в сторону Тельмы. Орхидеи вновь красовались у нее в отвороте пиджака. Мгновение они смотрели друг на друга, не зная, что сказать.

— Они избili посыльного, — произнесла она слабым голосом. — Но я нашла цветы, когда пришла в студию. Тут же нашла и открытку от вас с Ольгой.

— С ней все в порядке?

Тельма благодарно кивнула.

— Сейчас она спит с Бумми, дочерью лейтенанта, у них в доме. — На глазах Тельмы вновь выступили слезы. — Ольга только и говорит о своем старшем брате.

Джексон осторожно притронулся к ее прекрасному лицу.

— Ты плачешь, дорогая?

— Женщины всегда плачут, когда они счастливы.

— А сейчас ты счастлива?

— Это... это зависит от тебя.

— Я люблю тебя, Тельма, — прошептал он.

В ее глазах зажглись огоньки счастья.

— Тогда я на седьмом небе!

В следующий миг она оказалась в объятиях Джексона. Они не заметили, что цветы смялись.

— Мой милый, — шептала Тельма.

Пытаясь оградить их от любопытных взглядов копов, Милред злобно зашипела:

— Хватит ухмыляться! Что тут особенного? Неужели вы никогда не видели, как мужчина целует любимую женщину?